

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Удмуртский государственный университет»

На правах рукописи

Килина Ирина Владимировна

**ПОВОРОТ К ХУДШЕМУ ПРИ ПЕРЕСМОТРЕ
ПРИГОВОРОВ И ИНЫХ ИТОГОВЫХ РЕШЕНИЙ СУДА В
АПЕЛЛЯЦИОННОМ ПОРЯДКЕ**

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Татьянина Лариса Геннадьевна

Ижевск – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава I. ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПОВОРОТА К ХУДШЕМУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ	
§ 1. Понятие и сущность института поворота к худшему.....	23
§ 2. Правовая природа и место апелляции в системе проверочных стадий уголовного процесса.....	50
§ 3. Проверочные стадии и поворот к худшему в законодательстве иностранных государств.....	66
§ 4. Поворот к худшему в суде апелляционной инстанции: ретроспективный анализ	86
Глава II. ПОВОРОТ К ХУДШЕМУ ПРИ ОБЖАЛОВАНИИ ИТОГОВЫХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ, ВЫНЕСЕННЫХ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПРОИЗВОДСТВА В РАЗЛИЧНЫХ ФОРМАХ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА	
§ 1. Процессуальный порядок производства в суде апелляционной инстанции, сопряженный с поворотом к худшему, при обжаловании итоговых решений, вынесенных в общем порядке судебного разбирательства.....	96
§ 2. Поворот к худшему при обжаловании не вступивших в законную силу приговоров, вынесенных в порядке, предусмотренном главами 40, 40.1 УПК РФ.....	110
§ 3. Поворот к худшему при обжаловании в апелляционном порядке приговоров или иных решений, вынесенных мировым судьей по делам частного обвинения.....	134
§ 4. Поворот к худшему при обжаловании приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных заседателей.....	150
§ 5. Поворот к худшему при обжаловании постановлений суда, вынесенных в ходе производства о применении принудительной меры медицинского характера.....	159
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	170
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	179
ПРИЛОЖЕНИЕ А.....	205
ПРИЛОЖЕНИЕ Б.....	213

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод является важной целью уголовного судопроизводства. Современное российское законодательство предусматривает смешанную форму уголовного процесса, при которой досудебное производство носит обвинительный характер, и лишь судебное является состязательным. На досудебных стадиях процесса сбор доказательств по уголовному делу осуществляется участниками со стороны обвинения. Такая «расстановка сил» в уголовном процессе вызывает необходимость более внимательного отношения к решению вопроса о предоставлении гарантий соблюдения прав и законных интересов лицам, в отношении которых ведется или велось производство по уголовному делу. Такие участники уголовного процесса должны иметь возможность для эффективной защиты, обеспечить которую может позволить только закон, четко, непротиворечиво и полно прописывающий процедуру уголовного судопроизводства на каждом из его этапов.

УПК РФ отводит суду особое место в юридическом процессе, закрепляя принцип состязательности сторон. Решение вопросов о должном и допустимом поведении суда при рассмотрении уголовных дел, о возможности исправления судом ошибок, допущенных на досудебных стадиях, о возможности расширения пределов обвинения в судебном разбирательстве в случаях установления новых обстоятельств уголовного дела, ставших известными или наступивших к моменту судебного разбирательства, приобретает в связи с этим чрезвычайно важное значение. Ответы законодателя на перечисленные выше вопросы определяют границы, в рамках которых суд правомочен принимать решения, сопряженные с поворотом к худшему (*reformatio in pejus*).

Формирование на законодательном и доктринальном уровне четкой системы правил, которые в одном случае позволяют, а в другом строго запрещают ухудшать

правовое положение лица по сравнению с тем, которое он занимал на предыдущем этапе производства по уголовному делу, позволит безбоязненно и свободно осуществлять право на защиту, на справедливое судебное разбирательство, будет способствовать формированию режима законности в уголовном процессе.

Важным событием для отечественного уголовного судопроизводства стало принятие Федерального Закона № 433, которое ознаменовало попытку законодателя реформировать систему проверочных производств в отечественном уголовном процессе в духе классической континентальной модели уголовного судопроизводства. Апелляционная проверка судебных решений является одним из наиболее оперативных и эффективных способов защиты прав лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, позволяет в кратчайшие сроки исправлять ошибки, допущенные при производстве по уголовному делу. Согласно данным судебной статистики, за первое полугодие 2018 года судами общей юрисдикции рассмотрено 218 254 апелляционных жалоб и представлений, за 2017 год 308 810, за 2016 год 351 899, за 2015 год 350 749, что свидетельствует о том, что ежегодно большое количество граждан России реализуют свое право на обращение в вышестоящий суд с просьбой проверки вынесенного судебного решения¹. Суд апелляционной инстанции обладает достаточно широким перечнем полномочий, в частности, по исследованию фактических обстоятельств уголовного дела, в связи с чем решение вопроса о допустимости поворота к худшему на данной стадии имеет существенное значение. Полагаем, что в суде апелляционной инстанции должен быть обеспечен порядок, при котором с минимальным ущербом для сторон допускается возможность отмены или изменения неправосудных судебных решений в случаях, когда принятие такого решения приведет к повороту к худшему. Вместе с тем существует потребность в процедуре, которая бы одновременно учитывала интересы, как потерпевшего, так и участников процесса со стороны защиты. Возможность поворота к худшему в суде второй инстанции не

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

должна нивелировать свободную реализацию гарантированного Конституцией РФ права на защиту.

Актуальность исследуемой темы обусловлена также тем фактом, что Конституционным судом Российской Федерации были высказаны противоположные позиции по вопросам, имеющим принципиальное значение для решения вопроса о повороте к худшему. Так, признавая противоречащими главному закону страны нормы, закрепляющие возможность суда *ex officio* возвращать уголовное дело прокурору для усиления обвинения, Конституционный Суд РФ охарактеризовал указанную деятельность как выполнение «не свойственной для суда функции обвинения»². Спустя 14 лет в Постановлении от 2 июля 2013 N 16-П Конституционный Суд РФ высказался о том, что квалификация деяния, обозначенная органами предварительного расследования, не является окончательной. Исключительное право юридической оценки совершенного деяния принадлежит именно и только суду, как единственному органу, осуществляющему правосудие³. Приведенная позиция нашла отражение в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, в связи с чем приобрела принципиальное значение для деятельности суда не только первой, но и проверочных инстанций, главным образом апелляционной, как обладающей наибольшими возможностями по проверке судебных решений.

Таким образом, за последние годы законодателем внесены изменения в УПК РФ, расширяющие возможности поворота к худшему, при этом в Кодексе отсутствуют нормы, позволяющие правоприменителю найти ответ на вопрос, в каком случае имеет место поворот к худшему, а в каком не имеет. Кроме того,

² Постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород» // СЗ РФ. 1999. № 17. Ст. 2205.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

законодательная регламентация института поворота к худшему не учитывает особенностей различных видов производств в уголовном судопроизводстве.

Актуальность темы диссертации продиктована необходимостью доктринального и законодательного регулирования содержания поворота к худшему в уголовном судопроизводстве – его оснований, условий и критериев; необходимостью формирования в доктрине и практике более широкого, комплексного понимания института поворота к худшему, как самостоятельного института уголовного процесса, напрямую влияющего на соблюдение прав и законных интересов лиц, в отношении которых ведется или велось производство по уголовному делу. Необходимо исходить из того, что суть института поворота к худшему не сводится к одному лишь действию принципа *non reformatio in pejus* (запрета поворота к худшему). Комплексный подход к пониманию поворота к худшему в уголовном процессе, по нашему убеждению, положительно отразится на судебной практике, будет способствовать повышению гарантий защиты прав и законных интересов личности, интересов государства, приведет к повышению уровня доверия граждан к судебной системе.

Степень научной разработанности темы. Непосредственно вопросу допустимости поворота к худшему в суде апелляционной инстанции в большей или меньшей степени было уделено внимание в трудах Л.В. Гайворонской, М.А. Михеенковой, И.Л. Петрухина, В.П. Попова, Б.А. Ринчинова.

Проблемы реализации поворота к худшему при принятии решения о возвращении уголовного дела в порядке ст. 237 УПК из суда апелляционной инстанции рассмотрены в исследованиях Э.О. Безмельницыной, М.А. Термечикова, А.А. Тришевой, С.В. Дяденькина и др.

Отдельного внимания в контексте данного исследования заслуживает докторская диссертация В.Д. Потапова «Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России» (2013 г.), содержащая отдельную главу, посвященную недопустимости поворота к худшему в процессуальном механизме проверки и пересмотра обжалованных судебных решений. Диссертация К.В. Ивасенко

«Пределы прав вышестоящих инстанций при проверке судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном производствах» (2014 г.), включает параграф «запрет поворота к худшему при проверке судебных решений в вышестоящих инстанциях». В диссертации С.А. Трухина «Предмет и пределы апелляционного разбирательства уголовных дел» (2016) предлагается закрепление в законе перечня критериев поворота к худшему.

Вопрос о возможности поворота к худшему после вступления судебных решений в законную силу был рассмотрен в диссертации И.С. Дикарева «Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: теоретические основы и пути совершенствования» (2016 г.).

Институту уголовной апелляции в разное время было уделено внимание многих российских ученых.

В дореволюционной России вопросами апелляции в уголовном судопроизводстве занимались С.И. Викторский, М.В. Духовский, В.К. Случевский, И.Я. Фойницкий, М.А. Чельцов-Бебутов и др.

В советский период развития уголовно-процессуального права институты проверочных стадий уголовного процесса разрабатывались М.А. Воробейниковым, И.М. Гальпериным, М.М. Гродзинским, Э.Ф. Куцовой, И.Д. Перловым, М.С. Строговичем, О.П. Темушкиным и др.

На современном этапе развития уголовного судопроизводства вопросам апелляционного производства посвящены труды С.И. Афанасьевой, С.И. Беззубова, Г.Я. Борисевич, А.Т. Валеева, А.А. Васяева, Л.А. Воскобитовой, Л.В. Гайворонской, Л.В. Головки, В.А. Давыдова, С.М. Даровских, А.А. Динера, О.В. Добровляниной, А.Ю. Епихина, В.В. Ершова, Н.А. Колоколова, Н.В. Лантух, О.А. Калякина, Н.Н. Ковтуна, А.В. Кудрявцевой, Н.С. Мановой, М.В. Мерзляковой, Н.Г. Муратовой, Т.С. Османова, А.М. Панокина, А.Н. Разинкиной, А.Д. Прошлякова, Н.В. Сидоровой, А.В. Смирнова, И.Г. Смирновой, А.С. Червоткина, Е.С. Шмелевой, Р.В. Ярцева и др.

Институту пересмотра приговоров посвящена диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук Т.Г. Бородиновой (2016 г.).

В последние годы апелляционному производству посвящены кандидатские диссертации К.А. Комогорцевой (2013 г.), Н.Н. Мазиной (2015 г.), Л.И. Алтынниковой (2017 г.), А.А. Романовой (2017 г.), Л.В. Гайворонской (2018 г.).

Перечисленными учеными внесен весомый вклад в развитие уголовно-процессуальной науки. Вместе с тем, до настоящего времени не было уделено должного внимания генезису, содержанию и проблемам реализации института поворота к худшему в уголовном процессе. Теоретические разработки в данной сфере сводятся, как правило, к журнальным публикациям, затрагивающим отдельные аспекты института поворота к худшему. До сих пор не было проведено ни одного диссертационного исследования, в котором был бы рассмотрен вопрос об особенностях реализации указанного института в зависимости от формы уголовного судопроизводства.

Объект исследования представляет собой совокупность общественных отношений, которые возникают в сфере уголовного судопроизводства в ходе принятия решений, сопряженных с ухудшением положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого прекращено уголовное дело, в суде апелляционной инстанции.

Предметом исследования выступают уголовно-процессуальные нормы современного законодательства, регулирующие институт поворота к худшему; правовые нормы утративших силу законодательных актов, регламентирующих указанные отношения на различных исторических этапах развития российского уголовно-процессуального права; нормы зарубежного законодательства и международного права; судебная практика и статистика, а также доктринальные разработки отечественных ученых по рассматриваемым проблемам.

Цель и задачи диссертационного исследования. **Целью** является формирование в науке взгляда на поворот к худшему как на самостоятельный институт уголовно-процессуального права, формулирование предложений по совершенствованию действующего законодательства с целью такой регламентации института поворота к худшему, которая бы не ограничивала действие принципа состязательности сторон, равным образом обеспечивала право потерпевшего на

доступ к правосудию и гарантировала лицу, в отношении которого ведется производство по уголовному делу, возможность реализации права на защиту и свободу обжалования решения суда.

Автор ставит перед собой следующие **задачи**, предопределённые целями настоящего исследования:

- сформулировать понятие поворота к худшему, классифицировать его критерии;

- обосновать тезис о признании правовых норм, регламентирующих допустимость / недопустимость поворота к худшему, в качестве самостоятельного института права;

- выделить особенности реализации института поворота к худшему в зависимости от стадии уголовного процесса;

- определить особенности процедуры и условия, при которых допускается принятие решения, ухудшающего положение осужденного, оправданного, лица, в отношении которого прекращено уголовное дело, а также гражданского ответчика по результатам рассмотрения судом апелляционной инстанции апелляционных жалоб, представлений на приговоры или иные решения, принятые при производстве по уголовному делу в общем порядке;

- обосновать наличие особенностей процедуры и условия поворота к худшему при обжаловании в апелляционном порядке решений, вынесенных в особом порядке уголовного судопроизводства (в порядке гл. 40, 40.1 УПК РФ);

- выявить особенности процедуры и условия поворота к худшему при обжаловании в апелляционном порядке решений, вынесенных мировым судьей по итогам рассмотрения уголовных дел частного обвинения;

- определить особенности процедуры и условия поворота к худшему при обжаловании в апелляционном порядке приговоров, постановленных судом первой инстанции на основании вердикта коллегии присяжных заседателей;

- обосновать особенности процедуры и условия поворота к худшему при обжаловании не вступивших в законную силу постановлений, вынесенных судом при производстве о применении принудительной меры медицинского характера;

– сформулировать обоснованные предложения по совершенствованию уголовно-процессуальных норм, регламентирующих поворот к худшему в уголовном процессе.

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что в настоящей работе впервые предпринята попытка комплексного исследования института поворота к худшему. До настоящего времени учеными-процессуалистами поворот к худшему рассматривался лишь в контексте действия принципа недопустимости поворота к худшему (*non reformatio in pejus*), который сводится к правилу о том, что положение лица не может быть ухудшено, если пересмотр решения был инициирован в интересах этого лица. Однако правовые ситуации, в которых требуется разрешение вопроса о возможности поворота к худшему, на современном этапе развития уголовного процесса гораздо более многообразны.

Взятый за основу подход к рассмотрению поворота к худшему как самостоятельного института уголовного процесса позволил выявить не разрешенные ранее проблемы правового регулирования апелляционного производства и предложить пути их решения.

Новым для уголовно-процессуальной науки является сформулированное автором определение поворота к худшему в уголовном процессе.

Автором предложено выделение круга субъектов, оснований и условий поворота к худшему. В работе проанализированы особенности реализации института при производстве в суде апелляционной инстанции, предложена классификация критериев поворота к худшему.

Диссертантом определены особенности российского апелляционного производства, влияющие на регламентацию института *reformatio in pejus*. Кроме того, автором обоснована необходимость учета формы судебного разбирательства при определении пределов допустимости поворота к худшему. Впервые на уровне диссертационного исследования выявлены особенности действия института при обжаловании не вступивших в законную силу судебных решений, вынесенных при производстве в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным

обвинением, заключении досудебного соглашения о сотрудничестве; мировым судьей по делам частного обвинения; судом, с участием присяжных заседателей, а также принятых при производстве о применении принудительной меры медицинского характера.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит определенный вклад в решение проблем допустимости принятия судом апелляционной инстанции решений, ухудшающих положение лица, в отношении которого велось или продолжается производство по уголовному делу и может быть использована для дальнейшего научного разрешения проблем уголовно-процессуального права.

Теоретические разработки, изложенные в настоящем исследовании, могут быть использованы в практической деятельности судей, защитников, прокуроров, поддерживающих обвинение или доводы апелляционного представления в судебных заседаниях первой и апелляционной инстанций, а также в процессе изучения и преподавания дисциплины «Уголовный процесс» и «Правоохранительные органы».

Практическая значимость исследования проявляется в том, что сформулированные автором выводы и предложения могут быть восприняты законодателем при осуществлении дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства в указанной сфере.

Методология и методы исследования. В основу методологии исследования положено использование общего метода диалектического познания, а также использование специальных общенаучных (анализ, синтез, системный метод) и частнонаучных (исторический, статистический и сравнительно-правовой) методов познания.

Использование общего метода диалектического познания позволило определить сущностные характеристики апелляционного производства, выявить особенности этой стадии, рассмотреть особенности обжалования итоговых судебных решений, вынесенных в различных видах судопроизводства, решить иные задачи исследования.

При помощи метода анализа была сформулирована авторская позиция понимания поворота к худшему как самостоятельного института уголовно-процессуального права, исследована процессуальная форма поворота к худшему на различных стадиях процесса.

Метод синтеза был использован при формулировании таких понятий как основания, условия, субъекты поворота к худшему.

Системный метод позволил определить систему общих и частных правил, которыми необходимо руководствоваться дознавателю, следователю, прокурору, суду в ходе принятия решения, сопряженного с поворотом к худшему для лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

Исторический метод позволил провести ретроспективный анализ общественных отношений, явившихся объектом диссертационного исследования.

Использование статистического метода позволило учесть в ходе исследования накопленные данные о работе судебных органов, сделать на их основе определенные выводы.

Сравнительно-правовой метод позволил сформулировать предложения по совершенствованию действующего законодательства на основе изучения зарубежного опыта действия института поворота к худшему.

Положения, выносимые на защиту:

1. Поворот к худшему представляет собой сложный, межотраслевой, регулятивный институт уголовно-процессуального права, представляющий собой систему взаимодействующих правовых норм, обеспечивающих соблюдение прав и законных интересов лиц, в отношении которых ведется или велось производство по уголовному делу, в ходе принятия сопряженных с поворотом к худшему процессуальных решений дознавателем, следователем, прокурором, судом на различных этапах уголовного процесса.

2. Ограничение в определенных случаях возможности принятия решений, ухудшающих положение лица, в отношении которого ведется производство по уголовному делу, является одним из проявлений благоприятствования защите (*favor defensionis*) в уголовном процессе. Принцип недопустимости поворота к

худшему (*non reformatio in pejus*) является составной частью института поворота к худшему, но не исчерпывает его. Он находит свое действие в проверочных стадиях уголовного процесса и означает, что суд вышестоящей инстанции вправе вынести решение, сопряженное с поворотом к худшему для лица, в отношении которого ведется или велось производство по уголовному делу, только при наличии требования об этом, отраженного в жалобе, представлении участников процесса. Указанное правило закреплено в ст. 389.24 УПК РФ, которую необходимо именовать «Недопустимость поворота к худшему».

3. Выделяются материальные и процессуальные основания поворота к худшему. В качестве материальных оснований могут выступать имеющие место в конкретном уголовном деле: наступление новых общественно-опасных последствий совершенного преступления, общественно-опасного деяния; установление новых обстоятельств преступления, общественно-опасного деяния; назначение судом чрезмерно мягкого наказания и др. В качестве процессуального основания выступает уголовно-процессуальный акт-решение, вынесенный в отношении конкретного лица, в порядке, определенном УПК РФ, ухудшающий его положение по сравнению с определенным в процессуальном решении, принятом на предыдущем этапе уголовного судопроизводства.

4. К субъектам института поворота к худшему необходимо относить: подозреваемого, обвиняемого, осужденного, оправданного, лицо, в отношении которого прекращено уголовное дело, лицо, в отношении которого ведется или велось производство о применении принудительной меры медицинского характера, а также гражданского ответчика.

5. Под условиями поворота к худшему необходимо понимать строго предусмотренную законом совокупность правил, при соблюдении которых допускается принятие решения, сопряженного с ухудшением положения лица, в отношении которого ведется или велось производство по уголовному делу.

6. На современном этапе развития уголовного процесса, определение поворота к худшему лишь через усиление наказания или изменение обвинения на

более тяжкое или существенно отличающееся от первоначального, является узким и не обеспечивает законность при производстве по уголовному делу.

Предлагается классификация критериев поворота к худшему. В качестве оснований классификации выступают:

I. Изменение обвинения на более тяжкое; II. Изменение обвинения на менее тяжкое, но существенно отличающееся от первоначально предъявленного; III. Изменения, связанные с назначением наказания, его видом или размером; IV. Изменения, связанные с определением имущественного положения лица, в отношении которого ведется производство по делу; V. Изменения процессуального характера.

7. Процедуры, допускающие или запрещающие принятие решения о повороте к худшему, регламентированы в уголовно-процессуальном законодательстве в зависимости от стадии процесса.

На этапе досудебного производства потребность в *reformatio in rejus* обусловлена активным процессом собирания, проверки и оценки доказательств, установления обстоятельств уголовного дела. Процедура принятия решений, ухудшающих положение лица, строго формализована применительно к стадии предварительного расследования (ст. ст. 175, 221, 226, 226.8 УПК РФ).

Reformatio in rejus на стадии подготовки к судебному заседанию может иметь место в ходе принятия решения о возвращении уголовного дела прокурору на основании п. 6 ч. 1, ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ в рамках предварительного слушания.

Возможность принятия решений, сопряженных с поворотом к худшему, в суде первой инстанции ограничивается правилом о пределах судебного разбирательства (ст. 252 УПК РФ), однако на сегодняшний день тезис о допустимости проведения судебного разбирательства исключительно в отношении обвиняемого и лишь в пределах предъявленного ему обвинения преодолим, в связи с включением в закон п. 6 ч. 1 ст. и ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ.

Reformatio in rejus при пересмотре решений суда, вступивших в законную силу, возможен лишь в исключительных случаях. Возможность *reformatio in rejus* предусмотрена законодателем при строгом соблюдении нескольких условий. Во-

первых, срок, отпущенный для принятия такого решения, ограничен законом в один год. Во-вторых, поворот к худшему возможен лишь при наличии нарушений закона, повлиявших на исход дела, искаживших суть правосудия, а также смысл судебного решения как акта правосудия. Кроме того, право кассационного и надзорного суда на принятие решения, сопряженного с поворотом к худшему, может быть реализовано лишь в том случае, когда требование об этом отражено в поданной в отношении него жалобе, представлении.

8. Прямое влияние на возможность поворота к худшему в суде апелляционной инстанции оказывает правовая природа апелляционного производства. Российское законодательство закрепляет такой тип апелляции, который не предполагает повторного пересмотра уголовного дела по правилам суда первой инстанции. Отечественная модель определяется контрольно-проверочным характером стадии, представляет собой инициированную сторонами проверку законности, обоснованности, справедливости решения суда первой инстанции, с возможностью суда прибегнуть к исследованию доказательств, исследованных судом первой инстанции, а также новых доказательств.

Тип апелляционного производства предопределяется предметом судебного разбирательства, закрепленным в ст. 389.9 УПК РФ. Апелляционное разбирательство проводится в связи с решением, принятым судом первой инстанции, а не в отрыве от него; границы поворота к худшему в российской апелляции определяются с учетом не только обвинения, изложенного в обвинительном заключении, акте, постановлении, но и с учетом принятого судом первой инстанции решения по уголовному делу.

Основной особенностью апелляции по сравнению с другими проверочными производствами является возможность исследования фактических обстоятельств уголовного дела. Правовое регулирование апелляционной процедуры должно осуществляться с учетом дуалистичности апелляционного производства, означающей, что этот вид проверочного производства может осуществляться в зависимости от доводов сторон как в кассационной процедуре, так и с исследованием доказательств (если оспаривается фактическая сторона уголовного

дела, либо у суда есть основания сомневаться в правильности установления фактических обстоятельств уголовного дела).

Суд апелляционной инстанции обязан повторно исследовать доказательства, если:

1) суд первой инстанции в ходе постановления приговора признал лицо виновным в совершении преступления, существенно отличающегося по фактическим обстоятельствам от обвинения, которое было предъявлено;

2) в апелляционной жалобе, представлении содержится требование об ухудшении положения лица, в отношении которого ведется или велось производство по уголовному делу, связанное с оспариванием фактических обстоятельств совершенного преступления, либо в случае наличия у суда сомнений в правильности установления фактических обстоятельств.

9. Проявление института поворота к худшему при пересмотре в апелляционном порядке судебных решений, вынесенных в общем порядке судебного разбирательства, проявляется в следующем:

во-первых, в суде второй инстанции начинает действовать принцип запрета поворота к худшему (*non reformatio in pejus*);

во-вторых, ревизионная активность суда допускается только, если не приводит к ухудшению положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого прекращено уголовное дело, а также гражданского ответчика;

в-третьих, п. 6 ч. 1 ст. 237 и ч. 1 ст. 389.24 УПК РФ соотносятся как общая и специальная норма соответственно;

в-четвертых, влияние позиции прокурора на принятие решения, сопряженного с поворотом к худшему, определяется следующими положениями:

1) правило, предусмотренное ч. 7 ст. 246 УПК об обязательности для суда отказа прокурора от обвинения в суде апелляционной инстанции не применимо; 2) если государственным обвинителем и (или) вышестоящим прокурором принесена жалоба, представление с требованием, направленным на ухудшение положения осужденного, суд вправе принять такое решение только в случае, когда доводы представления были поддержаны в судебном заседании.

10. Решение вопроса о возможности поворота к худшему при апелляционном обжаловании приговоров, постановленных в порядке гл. 40, 40.1 УПК, предопределяется спецификой указанных особых производств, в первую очередь связанной с выраженным лицом согласием с предъявленным обвинением, сокращенным судебным следствием, а также законодательным запретом обжалования приговора ввиду несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела. В суде апелляционной инстанции действует принцип недопустимости поворота к худшему. Изменяя размер или вид наказания, назначенный судом первой инстанции, суд апелляционной инстанции не вправе отступать от пределов поощрительной санкции, гарантированной обвиняемому в обмен на согласие с предъявленным обвинением. Суд апелляционной инстанции должен учитывать, что в случаях, когда судебное разбирательство проведено в общем порядке по причинам, независящим от лица, согласившегося с предъявленным обвинением и заявившего ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства, назначать наказание необходимо при соблюдении требований ч. 7 ст. 316 УПК РФ.

На решение вопроса о допустимости поворота к худшему при обжаловании решений, вынесенных в порядке гл. 40.1 УПК РФ, влияет закрепленное законодателем в ст. 90 УПК РФ правило о том, что указанные решения не носят преюдициального характера. Необходимо закрепить в законе очередность рассмотрения уголовных дел в порядке гл. 40.1 УПК РФ, при которой дело в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, должно рассматриваться после вынесения итогового судебного решения по делу соучастников преступления. Кроме того, целесообразно применять процедуру изменения досудебного соглашения о сотрудничестве в качестве механизма учета фактических обстоятельств, установленных судебным решением, имеющим преюдициальную силу.

Принятие предложенных мер позволит разрешить проблемные ситуации, связанные с действием ст. 90 УПК:

1) когда соучастники преступления, изблеченные лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве, в дальнейшем оправданы или осуждены по статье Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за менее тяжкое преступление;

2) когда приговор по основному делу, постановленный в общем порядке (и, как следствие, носящий преюдициальный характер в силу прямого указания в ст. 90 УПК) содержит формулировку о виновности соучастников преступления в совершении более тяжкого преступления чем того, с которым согласился обвиняемый в рамках сотрудничества.

11. Уголовно-процессуальная форма рассмотрения уголовных дел частного обвинения имеет ряд особенностей, которые, в свою очередь, влияют на решение вопроса о допустимости поворота к худшему в рамках данного вида производства, являющегося проявлением диспозитивности в уголовном процессе.

Существует необходимость законодательно закрепить правила принятия решения, сопряженного с поворотом к худшему по делам частного обвинения в случаях, когда: 1) фактические обстоятельства, изложенные в заявлении потерпевшего (частного обвинителя) свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления; 2) в ходе судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для квалификации действий подсудимого как более тяжкого преступления; 3) частный обвинитель в ходе судебного разбирательства уточняет фактические обстоятельства деяния, в совершении которого он обвиняет лицо.

В стадии апелляционного обжалования приговора или иного решения мирового судьи по уголовным делам частного обвинения вопрос о возможности *reformatio in reus* должен решаться с учетом пределов судебного разбирательства, которые были сформированы при рассмотрении уголовного дела по существу.

При одновременном рассмотрении судом первой инстанции первоначального и встречного заявлений должно действовать особое правило о полном запрете ревизионной проверки, означающее, что суд второй инстанции не вправе выйти за пределы доводов, изложенных сторонами при подаче апелляционной жалобы.

В случаях, обозначенных в ч. 8 ст. 318 УПК РФ, уголовное преследование должно осуществляться в публичном порядке. Мировому судье в подобной ситуации необходимо прекращать уголовное преследование и направлять материалы в органы предварительного расследования для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке публичного обвинения, о чем выносить постановление.

12. Предусмотренная законом возможность обжалования в апелляционном порядке приговора, постановленного на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, является одной из гарантий соблюдения прав участников процесса, как со стороны защиты, так и со стороны обвинения.

Вопрос о допустимости поворота к худшему при обжаловании в апелляционном порядке решений, вынесенных судом с участием присяжных заседателей, необходимо решать дифференцированно, во-первых, в зависимости от того, подлежит обжалованию непосредственно содержание вердикта присяжных, либо решение суда в остальной части, во-вторых, в зависимости от характера оснований обжалования — юридических или фактических.

При обжаловании фактических обстоятельств дела в той мере, в которой не ставятся под сомнение выводы присяжных, изложенные в вердикте, поворот к худшему должен допускаться не иначе как на основании и в пределах доводов, изложенных в апелляционной жалобе потерпевшего, его законного представителя или представителя, либо в представлении прокурора. Что касается фактических обстоятельств, установленных вердиктом присяжных заседателей, в судебном разбирательстве апелляционного суда должен действовать абсолютный запрет *reformatio in pejus*.

При апелляционном обжаловании приговора в части наличия процессуальных нарушений (а также учета требования справедливости приговора), поворот к худшему допускается. При этом без каких-либо особенностей соблюдению подлежит принцип *non reformatio in pejus*.

13. Возможность поворота к худшему для лиц, страдающих психическими заболеваниями, в отношении которых ведется производство по уголовному делу, следует рассматривать с учетом существенных особенностей указанной категории дел, продиктованных особой правовой природой принудительных мер медицинского характера.

Существует необходимость включения в нормы главы 45.1 УПК лиц, в отношении которых ведется или велось производство о применении принудительных мер медицинского характера, в качестве субъектов обжалования.

Потребность обеспечения прав потерпевших в указанной категории дел диктует необходимость не только обеспечения эффективного лечения лицу, совершившему общественно-опасное деяние, но и определения правильной правовой квалификации этого деяния.

Действие принципа *non reformatio in pejus* при обжаловании решений, вынесенных в порядке гл. 51 УПК РФ, имеет свои особенности, связанные с тем, что принудительные меры медицинского характера отличаются от наказания, их применение нацелено на излечение или улучшение психического состояния совершивших общественно-опасное деяние лиц, а также на предупреждение совершения ими новых предусмотренных уголовным законом деяний.

Ухудшение или улучшение положения лица, производство в отношении которого осуществляется в порядке гл. 51 УПК, может быть связано, во-первых, с выбором судом той или иной принудительной медицинской меры, во-вторых, с определением юридической квалификации общественно-опасного деяния. В зависимости от этого вопрос о допустимости поворота к худшему решается по-разному. Изменение судом апелляционной инстанции в ревизионном порядке вида принудительной меры медицинского характера, в том числе на более строгую, если такое решение мотивировано с учетом исследования заключения эксперта и других

доказательств, не ухудшает положение лица, совершившего общественно-опасное деяние. В свою очередь возможность принятия судом апелляционной инстанции решения, ухудшающего положение лица, в отношении которого судом вынесено постановление в порядке, предусмотренном гл. 51 УПК, при определении правовой квалификации совершенного этим лицом общественно-опасного деяния допускается при одновременном соблюдении требований ч. 1 ст. 389.24 УПК.

Нормативную основу исследования составляют Конституция РФ, нормы международного права, уголовно-процессуальное законодательство РФ и ряда зарубежных государств (стран СНГ, европейских, восточных государств и США), а также исторические правовые акты, регламентирующие отечественное уголовное судопроизводство.

В основу **эмпирической базы исследования** легли акты Конституционного Суда РФ, Постановления Пленума Верховного Суда РФ, Верховного Суда СССР, решения Европейского суда по правам человека. Автором использованы данные судебной статистики, материалы опубликованной судебной практики, относящейся к теме исследования. При подготовке работы были изучены материалы 280 уголовных дел, прошедших апелляционную проверку в судах общей юрисдикции Пермского края, Удмуртской Республики, Республики Татарстан. Подкрепить сделанные автором выводы помогли результаты анкетирования практических работников. В частности, по составленным автором анкетам на территории Пермского края в 2017-2018 гг. было опрошено 55 адвокатов, принимающих участие в рассмотрении уголовных дел судом апелляционной инстанции, 48 прокуроров, участвующих в рассмотрении уголовных дел судом апелляционной инстанции.

Апробация результатов исследования. Работа выполнена на кафедре уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета, где она прошла рецензирование и обсуждение.

Основные положения диссертации опубликованы автором в 14 научных статьях, среди которых 5 в рецензируемых научных изданиях, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего

образования Российской Федерации для освещения основных результатов исследования при подготовке диссертации на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Результаты диссертационного исследования освещались в выступлениях на международных, всероссийских и региональных научных конференциях, в числе которых XVI Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых «Норма. Закон. Законодательство. Право» (Пермь, 24 – 25 апреля 2014); XXXVIII региональная конференция «Молодежь III тысячелетия» (Омск, 24 апреля 2014); XVII Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых «Норма. Закон. Законодательство. Право» (Пермь, 23 – 24 апреля 2015); Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Эволюция права – 2017» (Москва, 6 октября 2017); XIII Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» «Современное российское право: взаимодействие науки, нормотворчества и практики» (Москва, 22 – 23 ноября 2017), XX Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Норма. Закон. Законодательство. Право» (Пермь, 12-13 апреля 2018) и другие межвузовские и вузовские конференции и круглые столы.

Материалы исследования используются при проведении учебных занятий по дисциплинам «Уголовный процесс», «Правоохранительные органы» и «Судебная защита прав граждан» на юридическом факультете Пермского государственного национального исследовательского университета, в котором автор трудится в должности ассистента.

Структура исследования. Диссертационная работа включает введение, две главы, объединяющие девять параграфов, заключение, список литературы и два приложения.

Глава I. ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПОВОРОТА К ХУДШЕМУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

§ 1. Понятие и сущность института поворота к худшему

Одной из важнейших составляющих процессуального статуса обвиняемого является его право знать в чем он обвиняется, защищаться всеми не запрещенными законом способами, требовать проверки законности, а также обоснованности и справедливости принятых в отношении него решений.

Гарантировать эффективную реализацию перечисленных прав способна лишь такая процедура, в которой четко прописаны пределы допустимого поведения всех участников уголовного процесса. Говоря словами русского философа М.А. Бакунина: «Свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого». С учетом исторически сложившейся оригинальной российской модели уголовного судопроизводства, в которой обширному досудебному расследованию, производимому представителями стороны обвинения, противопоставляется суд, не обладающий достаточной процессуальной активностью в силу закрепления в законе принципа состязательности сторон, обвиняемый наиболее остро нуждается в эффективном правовом регулировании, способном обеспечить соблюдение его прав.

М.А. Михеенкова отмечает, что в мировой практике для компенсации чрезмерно инквизиционных начал судопроизводства успешно применяется конструкция благоприятствования защите (*favor defensionis*), под которой понимается общее требование к процессу дополнительно гарантировать права стороны защиты с учетом ее более слабого положения в целях обеспечения

истинного равноправия сторон⁴. Одним из проявлений благоприятствования защите в уголовном процессе России является ограничение в определенных случаях возможности принятия решений, ухудшающих положение лица, в отношении которого ведется или велось производство по уголовному делу. Как было обращено внимание И.М. Гальпериным: «вопрос о «*reformatio in rejus*», представляющий, на первый взгляд, сравнительно узкий предмет исследования, имеет, тем не менее, серьезное научно-теоретическое и практическое значение»⁵.

В доктрине уголовного процесса, закрепилось и традиционно используется выражение «принцип недопустимости поворота к худшему» (*non reformatio in rejus*). Однако, учитывая реформы уголовно-процессуального законодательства последних лет, а также результаты изученной практики правоприменения, на наш взгляд, вполне обоснованным видится выделение самостоятельного института поворота к худшему. Институт *reformatio in rejus* помимо указанного принципа, означающего запрет ухудшать положение лица, если пересмотр состоявшегося решения был инициирован в его интересах, включает в себя правовые нормы, направленные на закрепление оснований, условий, субъектов и критериев поворота к худшему, а также совокупность правил, регламентирующих поворот к худшему при производстве на различных стадиях уголовного процесса и в различных видах уголовного судопроизводства.

Нам близка позиция М.Ю. Рябых, который пишет, что «ныне применение «запрета поворота к худшему» не ограничено рамками кассационного и надзорного производства, а распространено и на другие стадии»⁶.

Последовательный анализ процессуального закона позволяет выделить совокупность норм, регламентирующих возможность / невозможность в тех или иных случаях принятия дознавателем, следователем, прокурором, судом решения,

⁴ Михеенкова М.А. Благоприятствование защите (*favor defensionis*) и его проявление в современном уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Михеенкова Мария Андреевна. Москва, 2012. С. 16.

⁵ Гальперин И.М. Проблема «*reformatio in rejus*» в уголовном процессе // Советское государство и право. М., 1949. № 3. С. 50.

⁶ Рябых М.Ю. Запрет поворота к худшему в системе уголовно-процессуальных запретов // Вестник ВГУ. Серия право. 2007. № 1. С. 316.

сопряженного для лица, в отношении которого осуществляется производство по делу, с *reformatio in pejus*.

Словосочетание «поворот к худшему» носит нормативный характер. Законодатель использует указанную формулировку в ряде статей УПК РФ⁷.

Тезис о необходимости признания поворота к худшему в качестве самостоятельного правового института требует обоснования. Обратимся к вопросу о том, как традиционно определяется в науке категория «институт права», какие признаки присущи правовому институту в целом и обладает ли этими признаками «поворот к худшему».

В теоретической плоскости институт права чаще всего определяется как один из основных элементов отрасли права, представляющий блок взаимосвязанных правовых норм, регулирующих вид однородных общественных отношений⁸; как совокупность правовых норм, обращенных к определенным общественным отношениям⁹.

Институт права определяется как «относительно обособленную самостоятельную и устойчивую группу норм, регулирующих отдельные виды однородных общественных отношений (специальные институты), или общее во всех отношениях данного рода независимо от их видовой принадлежности (общие институты)»¹⁰.

⁷ Ст. 401.6. «Поворот к худшему при пересмотре приговора, определения, постановления суда в кассационной инстанции», ст. 412.9. «Основания отмены или изменения судебных решений в порядке надзора». В контексте других статей законодатель употребляет оборот «если этим не ухудшается положение обвиняемого/подсудимого/осужденного (ст. 252. «Пределы судебного разбирательства», ст. 321. «Рассмотрение уголовного дела в судебном заседании», ст. 339. «Содержание вопросов присяжным заседателям», ст. 389.8. «Последствия подачи апелляционных жалобы, представления», ст. 389.24. «Отмена приговора или изменение иного судебного решения в сторону ухудшения положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено», ст. 401.16. «Пределы прав суда кассационной инстанции»).

⁸ Общая теория государства и права: учебник / под ред. С.Ю. Наумова, А.С. Мордовца, Т.В. Касаевой. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018. С. 159.

⁹ С.А. Авакьян. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015. С. 361.

¹⁰ Сулейменов М. Право как система. М.: Статут, 2016. С. 89.

Согласно доктринальным положениям, на возможность признания определенной совокупности правовых норм в качестве института может указывать: 1) однородность фактического содержания; 2) юридическое единство правовых норм; 3) нормативная обособленность; 4) полнота регулируемых отношений¹¹.

В свою очередь, проведенное М. Сулейменовым исследование, посвященное проблемам определения критериев объединения правовых норм в правовые институты, позволило автору сделать вывод, что к институту права относится все то, что шире нормы, но уже отрасли права. Это неизбежно приводит к выводу, что один институт входит в другой институт, а тот, в свою очередь, – в третий, более широкий и т.д.¹² Указанный тезис, по нашему мнению, применим и к институту поворота к худшему, который имеет точки соприкосновения с большим количеством других уголовно-процессуальных институтов (обвинения, пределов судебного разбирательства, апелляции и т.д.). Однако это не препятствует утверждению о том, что можно вычленив в структуре Кодекса нормы, направленные на регулирование однородных правоотношений, объединённых необходимостью наличия четких правил должного и допустимого поведения дознавателя, следователя, прокурора, суда при принятии процессуальных решений, определяющих правовое положение лиц, в отношении которых ведется или велось производство по уголовному делу. Указанные решения могут быть сопряжены как с улучшением (*reformatio in melius*), так и с ухудшением (*reformatio in pejus*) положения этих лиц.

К признакам института поворота к худшему можно отнести системность норм, регулирующих правила о допустимости / недопустимости принятия в уголовном процессе решений, сопряженных с поворотом к худшему. Так, уголовно-процессуальное законодательство закрепляет правовые нормы, разрешающие вопрос о *reformatio in pejus*, применительно к различным этапам

¹¹ Закирова Э.Ф. Приостановление предварительного следствия как самостоятельный институт уголовно-процессуального права // Ученые записки казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». № 12. 2016. С. 221.

¹² Сулейменов М. Право как система. М.: Статут, 2016. С. 347.

уголовного судопроизводства, на что более детально будет обращено внимание ниже.

С технической точки зрения нельзя говорить о структурной обособленности правовых норм, регламентирующих поворот к худшему – законодатель не заключает их в отдельную главу или раздел УПК. На наш взгляд, это обусловлено многоаспектностью указанного института и не может расцениваться как аргумент против признания поворота к худшему самостоятельным институтом уголовно-процессуального права. Сложная природа поворота к худшему отражается, во-первых, в проявлении как процессуального, так и материального аспектов указанного института, которые в своем единстве характеризуют его различные стороны. Так, для создания эффективного механизма принятия решений, сопряженных с поворотом к худшему, недостаточно закрепления и совершенствования одной лишь процессуальной формы поворота к худшему. Необходимо также определение критериев поворота к худшему, которое, в большинстве случаев, невозможно без соприкосновения с материальным уголовным правом (учением о стадиях преступления; наказании, правилах его назначения и т.д.). Во-вторых, невозможность структурного обособления правовых норм, входящих в содержание института поворота к худшему, продиктована тенденцией к дифференциации процессуальной формы, и, как следствие, включением норм, направленных на разрешение вопроса о *reformatio in rejus*, в главы, регламентирующие различные виды производств.

Наконец, в-третьих, правовые нормы, регулирующие указанный круг вопросов о возможности поворота к худшему, содержатся и в других процессуальных отраслях российского права, что позволяет говорить о межотраслевом характере института. Так, в гражданском процессе поворот к худшему имеет место в случае, когда по итогам рассмотрения дела вышестоящим судом имеет место отягчение положения лица при отсутствии жалобы противоположной стороны¹³. Институт поворота к худшему находит отражение в

¹³ Цит. по: Будаков Е. Правило запрета поворота к худшему в немецком и австрийском гражданском процессе // [СПС «КонсультантПлюс»].

ст. 327.1. ГПК РФ. Как отмечает С.Ф. Афанасьев, суд второй инстанции имеет право ухудшать положение лица лишь в случаях, когда жалоба поступает от обеих сторон либо иных участников процесса, чьи интересы затронуты, а также, когда в деле имеют место фундаментальные нарушения, вызывающие безусловную отмену решения суда¹⁴. Вопрос о допустимости поворота к худшему решается также в п. 2 ч. 1 ст. 30.7, п. 2 ч. 2 ст. 30.17 КоАП РФ, закрепляющих запрет на преобразование к худшему при обжаловании постановлений по делу об административном правонарушении. Поворотом к худшему является любое ухудшение положения лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении. Таковым, в частности, может быть признание виновным в административном правонарушении, если ранее производство по делу было прекращено по реабилитирующим основаниям; назначение более строгого административного наказания, чем это было сделано при вынесении постановления¹⁵.

В качестве аргумента в пользу выделения поворота к худшему как самостоятельного института, можно назвать полноту регулирования общественных отношений, на которых направлено его действие. Поворот к худшему характеризуется его регулятивной природой, которая проявляется в установлении как разрешенного, так и запрещенного поведения. Наряду с существованием универсальных норм, распространяющих свое действие на широкий круг общественных отношений – например, принцип недопустимости поворота к худшему или необходимость обеспечения права на защиту при принятии решений, сопряженных с поворотом к худшему, существуют нормы, позволяющие учитывать различные особенности более узкого круга отношений (гл. гл. 40, 40.1, 41, 42, 51 УПК). Таким образом, можно сделать вывод, что поворот

¹⁴ Цит. по: Афанасьев С.Ф. Запрет поворота к худшему как транснациональный принцип гражданского процесса // Сборник материалов Международной научно-практической конференции, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 25 марта 2011 г. / отв. ред. Д.Х. Валеев. М.: Статут, 2012.

¹⁵ Шагабутдинов А.А. Поворот к худшему при пересмотре постановления, решений по делу об административном правонарушении // [СПС «КонсультантПлюс»].

к худшему представляет собой особую юридическую конструкцию. Институт поворота к худшему характеризуется наличием системы логически связанных, специфических терминов и положений. На наш взгляд, можно выделить такие его элементы как основания, условия, субъекты и критерии поворота к худшему.

Так, предлагаем разделять материальные и процессуальные основания поворота к худшему в уголовном процессе. В качестве материальных оснований могут выступать: наступление новых общественно-опасных последствий совершенного преступления, общественно-опасного деяния; установление новых обстоятельств преступления, общественно-опасного деяния; ошибочно заниженная квалификация деяния органами предварительного расследования; назначение судом чрезмерно мягкого наказания, неправильное назначение наказания и др. В качестве процессуального основания выступает уголовно-процессуальный акт-решение, вынесенный в отношении конкретного лица в порядке, определенном УПК РФ.

Наряду с основаниями предлагаем выделение условий поворота к худшему, под которыми следует понимать строго предусмотренную законом совокупность правил, при соблюдении которых допускается принятие решения, сопряженного с *reformatio in reus*. Такие условия конкретизируются в зависимости от формы уголовного судопроизводства.

Субъектами института всегда выступает лицо, чье правовое положение изменяется в процессе осуществления в его отношении уголовного производства. УПК называет в качестве субъектов: осужденных, оправданных и лиц, в отношении которых прекращены уголовные дела. Примечательно, что в их число законодатель не включает гражданского ответчика, а также лиц, в отношении которых ведется или велось производство о применении принудительной меры медицинского характера. Полагаем, указанные участники процесса также нуждаются в предоставлении им должных правовых гарантий. Так, например, принятие судом решения об увеличении размера возмещения по гражданскому иску в том случае, когда гражданский ответчик обратился в вышестоящий суд с просьбой о его уменьшении, а иные участники процесса в вышестоящий суд не обращались или

обращались с иными доводами, ограничивает право на свободу обжалования решения суда. С некоторыми особенностями, продиктованными природой принудительных медицинских мер, распространяется институт поворота к худшему и на вовлеченных в уголовное судопроизводство лиц, страдающих психическими расстройствами¹⁶.

Основания и условия поворота к худшему имеют существенные особенности в зависимости от стадии и формы уголовного судопроизводства, на что подробно будет обращено внимание во второй главе настоящего исследования.

Исследование института видится невозможным без уяснения значения словосочетания «поворот к худшему». В буквальном смысле «поворачивать» означает изменять положение кого-либо, чего-либо; изменять направление движения кого-либо, чего-либо, давать иное направление чему-либо, изменяя ход, течение и т.п.¹⁷. Синонимами «ухудшения» являются регресс, упадок; повреждение; изменение, оскудение, ущерб, искажение, вырождение, падение; антонимом – улучшение (улучшить – сделать лучше, выше по качествам, свойствам)¹⁸.

Важнейшим является решение вопроса о том, что понимать под поворотом к худшему с точки зрения уголовно-процессуального права. Большинство авторов вопрос о том, что есть поворот к худшему, решают исключительно в контексте действия принципа недопустимости поворота к худшему, то есть применительно к проверочным стадиям, рассуждая о том, какое решение суда апелляционной, кассационной, надзорной инстанции ухудшает положение лица по сравнению с решением суда первой инстанции.

Б. А. Ринчинов под поворотом к худшему предлагает понимать «ухудшение в любой форме правового положения осужденного или оправданного по сравнению

¹⁶ О необходимости отнесения к субъектам института лица, в отношении которого ведется или велось производство в порядке гл. 51 УПК РФ см.: § 5 Главы II настоящего исследования.

¹⁷ Современный толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%B0%D1%87%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C>

¹⁸ Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D1%83%D0%BB%D1%83%D1%87%D1%88%D0%B8%D1%82%D1%8C>

с положением, установленным приговором или иным судебным решением суда первой инстанции»¹⁹.

Авторы научно-практического комментария к Уголовно-процессуальному кодексу РФ отмечают, что ухудшение положения осужденного может выражаться, например, в изменении обвинения, изложенного в приговоре, на обвинение в совершении преступления, за которое установлена более суровая ответственность, в том числе на обвинение, юридическая квалификация которого включает по сравнению с прежней новые составы преступлений, преступления большей категории тяжести либо совокупность преступлений (идеальная или реальная)²⁰.

М.Ю. Рябых определяет содержание *reformatio in rejus* через запрет на изменение предъявленного обвинения на более тяжкое, отмену оправдательного приговора без обращения стороны обвинения, на усиление наказания или решение не в пользу обвиняемого иных правовых вопросов²¹.

Частично разъяснения относительно определения поворота к худшему дает Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 29 ноября 2016 г. N 55 «О судебном приговоре»²². Представляется, что перечень случаев, в которых имеет место поворот к худшему, предложенный Верховным Судом РФ требует дополнений и разъяснений. Судебной практике известно большое количество примеров, когда с принятием того или иного решения для лица наступают неблагоприятные правовые последствия.

Достаточно подробно вопрос о критериях поворота к худшему был исследован С.А. Трухиным, который предлагает перечислить в законе открытый

¹⁹ Ринчинов Б.А. Пределы прав суда апелляционной инстанции и поворот к худшему при пересмотре судебных решений, не вступивших в законную силу // Сибирский юридический вестник. 2013. № 1(60). С. 105.

²⁰ Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Норма, 2014.

²¹ Рябых М.Ю. Запрет поворота к худшему в системе уголовно-процессуальных запретов // Вестник ВГУ. Серия право. 2007. № 1. С. 318.

²² См. п. 20. О судебном приговоре: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. N 55 Российская газета - Федеральный выпуск №7145 (277) // [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/12/07/prigovor-dok.html>.

список критериев ухудшения положения лица²³. Автор справедливо отмечает, что «именно критерии поворота к худшему позволяют однозначно ограничить ревизионную активность суда»²⁴. Полагаем, что использование термина «критерии поворота к худшему», предложенного С.А. Трухиным является вполне обоснованным. Так, под критерием принято понимать «признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо»²⁵. Ученым внесен весомый вклад в разработку указанного вопроса, однако обозначенная проблема нуждается в дальнейшей разработке.

Большой практический интерес представляют критерии поворота к худшему, выработанные практикой применения уголовного и уголовно-процессуального закона судами РФ при рассмотрении уголовных дел. Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что на сегодняшний день при применении судами законодательства не сложилось четкого понимания того, в каких случаях имеет место поворот к худшему в уголовном процессе. Данная ситуация приводит к нарушению прав участников уголовного процесса.

Итак, не возникает сомнений, что критерием ухудшения правового положения выступают включение в обвинение новых фактов, влекущих более строгую квалификацию содеянного, а также расширение фактического объема обвинения, пусть и не изменяющего первоначальной юридической оценки²⁶.

Иллюстрацией фактического увеличения обвинения при неизменности юридической оценки содеянного может служить приговор Волгоградского областного суда от 17 июня 2016 г. в отношении Р. В настоящем уголовном деле суд нарушил ст. 252 УПК РФ. Так, согласно постановлению о привлечении в качестве обвиняемого (л.д. 18 т. 3) и обвинительному заключению (л.д. 105 т. 3) Р., заведомо зная о том, что возникновение возгорания квартиры представляет

²³ Трухин С.А. Критерии ухудшения положения лица, в отношении которого ведется апелляционное производство // Законность. 2016. N 6. С. 51 – 54.

²⁴ Трухин С.А. Там же. С. 51.

²⁵ <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=26025>

²⁶ О соблюдении судами Российской Федерации процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных дел: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.09.1975 N 5 (ред. от 09.02.2012) // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1974. №3.

опасность для жизни не только Д., но и для К., Б. и С., также находившихся в квартире, умышленно опрокинул емкость с неустановленной легковоспламеняющейся жидкостью и поджег ее. Суд же расширил обвинение, указав при описании преступного деяния, признанного доказанным, на то, что своими действиями Р. заведомо представлял опасность для жизни не только Д., но и для жизни других лиц, как находившихся в квартире, так и проживающих в пятиэтажном доме по соседству и выше. Верховный Суд РФ в апелляционном определении от 22 сентября 2016 г. N 16-АПУ16-17 указал, что увеличение в обвинении круга лиц, для которых действия виновного представляли опасность, есть не что иное как явное ухудшение положения лица, которое от такого обвинения не защищалось²⁷.

Наступление для осужденного неблагоприятных правовых последствий имело место также в следующем примере. Определением Верховного Суда РФ от 12 февраля 2014 г. N 66-АПУ14-6 изменен приговор в отношении А., действия осужденной переквалифицированы с ч. 2 ст. 162 УК РФ на ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 162 УК РФ. Основанием для принятия такого решения послужило выявленное Верховным Судом РФ ухудшение положения осужденной, которое выразилось в том, что суд нижестоящей инстанции квалифицировал действия А. по ч. 2 ст. 162 УК РФ как действия соисполнителя в разбойном нападении вопреки позиции государственного обвинителя, который оценил ее действия как соучастие в виде пособничества в разбое (ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 162 УК РФ). Из приведенного казуса следует, что изменение вида соучастия является критерием поворота к худшему.

Иллюстрацией поворота к худшему являются и действия суда кассационной инстанции, признавшего в действиях Г. оконченный состав преступления, тогда как по существу ему предъявлялось обвинение в покушении на квалифицированный угон²⁸.

²⁷ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 22.09.2016 N 16-АПУ16-17 [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-22092016-n-16-apu16-17//>

²⁸ Постановление Президиума Челябинского областного суда от 6 октября 2004г. Об изменении приговора Тракторозаводского районного суда города Челябинска от 5 ноября 2003

Поворот к худшему имеет место также в случае, когда суд при вынесении приговора не применяет закон, улучшающий положение осужденного. Так, причиной изменения приговора Кудымкарского городского суда Пермского края от 11 октября 2016 г. в отношении Б. послужило то обстоятельство, что при признании в качестве отягчающего наказание обстоятельства рецидива преступлений, судом первой инстанции не учтены требования п. «д» ч. 3 ст. 86 УК РФ в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ, согласно которым судимость погашается в отношении лиц, осужденных к лишению свободы за особо тяжкие преступления по истечении 8 лет после отбытия наказания, а не 10 лет, как предусматривает уголовный закон в редакции Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 218-ФЗ, из которой исходил суд первой инстанции. Апелляционным постановлением суда из приговора исключено указание на наличие в действиях Б. рецидива преступлений, назначенное ему наказание смягчено.

Замена условного осуждения на реальное также является примером ухудшения положения лица. Как следует из материалов уголовного дела, в апелляционном представлении прокурором ставился вопрос об отмене приговора в отношении З. в связи с нарушением требований ч. 6 ст. 88 УК РФ, но при этом в нем ничего не говорилось о необоснованном применении ст. 73 УК РФ. Апелляционный суд, заменив назначенное мировым судьей условное наказание, наказанием хотя и более мягким по виду, но подлежащим отбытию реально, допустил поворот к худшему, нарушив требования ч. 2 ст. 369 УПК РФ (Дело N 22-8948, Очерский районный суд)²⁹.

К ухудшению положения осужденного может привести изменение судом правил назначения наказания. Примерами такого ухудшения могут служить следующие судебные решения.

года и кассационного определения судебной коллегии по уголовным делам Челябинского областного суда от 29 декабря 2003 года. Надзорное производство по делу N 44У-2004-375.

²⁹ Обзор кассационной и надзорной практики по уголовным делам Пермского краевого суда за второе полугодие 2011 года. [Электронный ресурс]. URL: http://oblsud.perm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=302

Суд надзорной инстанции указал, что назначив Щ. наказание в соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ, предусматривающей лишь частичное либо полное сложение наказаний, суд первой инстанции не учел, что преступления, совершенные Щ. в своей совокупности, являются преступлениями небольшой и средней тяжести, а также покушением на тяжкие преступления, что влечет за собой назначение наказания в соответствии с ч. 2 ст. 69 УК РФ, применение положений которой могло повлечь для осужденного более мягкие последствия. Данное нарушение уголовного закона суд посчитал существенным, повлиявшим на исход дела. Президиум суда изменил приговор в этой части, назначил Щ. наказание по правилам ч. 2 ст. 69 УК РФ³⁰.

В аналогичной ситуации Президиум суда изменил приговор нижестоящего суда от 12 января 2012 г., которым З. был осужден к наказанию за преступление небольшой тяжести и за покушение на тяжкое преступление с применением положений ч. 3 ст. 69 УК РФ, чем ухудшено положение осужденного, так как подлежали применению правила ч. 2 ст. 69 УК РФ, что повлекло смягчение наказания³¹.

В судебной практике встречаются, кроме того, случаи ухудшения положения лица, выражаемые в возложении на осужденного дополнительных имущественных обязанностей. Так, кассационным определением приговор в отношении К., Т., С., И. отменен в части взыскания с них процессуальных издержек, поскольку судьей приняты вступившие в силу решения о возмещении этих процессуальных издержек за счёт средств федерального бюджета. Суд определил, что иное решение – о взыскании судебных издержек с осуждённых, нельзя признать законным, и оно подлежит отмене³².

³⁰ Постановление Президиума Брянского областного суда № 44У-38/2014 4У-52/2014 от 12 марта 2014 г. по делу № 44У-38/2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/tV3J9S6fnXm1/>

³¹ Постановление Президиума Верховного Суда Республики Башкортостан № 44У-454/2015 4У-1246/2015 от 2 сентября 2015 г. по делу № 44У-454/2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/5YL9gT3zRO8/>

³² Кассационное Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 сентября 2011 г. (Дело № 67 - ОН - 77). [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/vsrf/doc/GvnstXQqEukmX/>.

Далее, необходимо отметить, что поворот к худшему имеет место также в ряде случаев, когда обвинение меняется на менее тяжкое. Речь идет о ситуациях, когда суд изменяет квалификацию действий (бездействий) подсудимого, по фактическим обстоятельствам, вмененным лицу, но обвинение существенно отличается от первоначально поддержанного государственным (частным) обвинителем, хотя и не содержит признаков более тяжкого обвинения³³. Поворот к худшему в таком случае наступает, если нарушено право подсудимого на защиту.

В качестве примеров существенно отличающегося обвинения Верховный Суд РФ приводит «вменение других деяний вместо ранее предъявленных или преступления, отличающегося от предъявленного по объекту посягательства, форме вины и т.д., если при этом нарушается право подсудимого на защиту»³⁴.

Позиция Верховного Суда РФ основана на тезисах, высказанных Европейским Судом по правам человека³⁵. Поводом к обращению в Европейский Суд по правам человека в первом случае послужило изменение судом кассационной инстанции по представлению прокурора квалификации с получения взятки на мошенничество. Во втором случае поводом выступило аналогичное изменение обвинения, которое было произведено судом в совещательной комнате при постановлении приговора.

Что касается доктринальных положений, следует отметить, что большинство ученых солидарны с позициями Верховного суда РФ и Европейского Суда по правам человека.

Так, по мнению Н.Ю. Решетовой, даже применение закона о менее тяжком преступлении нарушает право лица на защиту, если в новом обвинении

³³ О судебном приговоре: Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. N 55 Российская газета - Федеральный выпуск №7145 (277). [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/12/07/prigovor-dok.html>.

³⁴ Там же.

³⁵ См.: *Seliverstov v. Russia*, no. 19692/02, 25 September 2008. [Электронный ресурс]. URL: http://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Seliverstov_v_Russia_25_08_2008.pdf; *Abramyan v. Russia*, no. 10709/02. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/19382833>.

существенно отличаются фактические обстоятельства преступления³⁶.

А.В. Корнеева также отмечает невозможность изменения квалификации деяния, если при этом ... существенно изменяется формулировка обвинения по фактическим обстоятельствам³⁷.

Однако можно встретить и иную точку зрения на этот счет. Так, А.А. Куприянов полагает, что с введением в уголовном процессе повсеместной апелляции изменение обвинения в суде 1 инстанции на существенно отличающееся не следует считать поворотом к худшему, поскольку у сторон есть шанс в апелляции защищаться от нового обвинения. Автор обосновывает, что у защиты возникает возможность в полном объеме защититься от нового обвинения во второй инстанции, получив достаточное время на подготовку. При этом сам приговор суда первой инстанции будет являться надлежащей «письменной формой» акта, содержащего детализированное обвинение и заранее врученного обвиняемому³⁸. По нашему мнению, полностью согласиться с позицией автора можно было бы лишь, если бы российская апелляция предполагала повторный пересмотр дела по правилам процедуры эвокации, чего на сегодняшний день, исходя из положений гл. 45.1 УПК РФ закон не предусматривает.

Вопрос о том, в каком случае обвинение существенно отличается от первоначально предъявленного является чрезвычайно непростым и в каждом случае решается непосредственно судом. Законодатель обходит стороной как содержание понятия «обвинения, существенно отличающегося от первоначального», так и надлежащую регламентацию процедуры, при которой такое изменение обвинения гарантировало бы обеспечение обвиняемому

³⁶ Решетова Н.Ю. Возможно ли изменение обвинения на новое, ухудшающее положение подсудимого, при рассмотрении уголовного дела судом? // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 4. С. 34.

³⁷ Корнеева А. В. Теоретические основы квалификации преступлений: учебное пособие; под ред. А. И. Рагога. М.: Проспект, 2010. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/korneeva_anna/teoreticheskie_osnovi_kvalifikatsii_prestupleniy_uchebnoe_posobie.html.

³⁸ Куприянов А.А. Введение апелляции позволяет преодолеть запрет ЕСПЧ на переквалификацию в суде // Уголовный процесс. 2013. №5. [Электронный ресурс]. URL: <https://e.ugpr.ru/article.aspx?aid=312609//>.

соблюдение права на защиту. Тем не менее, суды вынуждены разрешать подобные вопросы при осуществлении правосудия.

По мнению Ф.Н. Фаткуллина, изменение обвинения следует признавать существенным тогда, когда это вызвано обнаружением таких ранее неизвестных и имеющих уголовно-правовое значение фактов (обстоятельств), которые не укладываются в конструктивные признаки инкриминированного обвиняемому состава преступления и предполагают для содеянного новую юридическую формулировку³⁹.

Изучение судебной практики позволяет привести следующие примеры, иллюстрирующие поворот к худшему при изменении обвинения на существенно отличающееся от первоначального.

Так, в кассационном определении Верховного Суда РФ от 19 ноября 2009 г., Судебная коллегия указала, что обвинение Г. в покушении на мошенничество вместо обвинения во взяточничестве нарушило его право на информацию об обвинении против него и ограничило его возможность подготовиться к защите, то есть нарушило его право на защиту⁴⁰.

В апелляционном постановлении Санкт-Петербургского городского суда от 14 апреля 2015 г. указывается, что в нарушение требований закона, постановляя обвинительный приговор в отношении М., суд установил ее вину в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 293 УК РФ (халатность), вместо первоначального обвинения в совершении служебного подлога (ч. 1 ст. 292 УК РФ). Тем самым суд не учел, что предложенная государственным обвинителем формулировка нового обвинения существенно отличается от предъявленного обвинения, как по форме вины, так и по фактическим обстоятельствам, в результате чего существенно ухудшается положение подсудимой и нарушается ее право на защиту, несмотря на то, что санкция ч. 1 ст. 293 УК РФ предусматривает более

³⁹ Фаткуллин Ф.Н. Изменение обвинения. М.: Юрид.лит., 1971. С. 57–58.

⁴⁰ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. (Дело № 18-009-47). [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/vsrf/doc/aO9gCKDdgv58/>.

мягкое наказание, чем санкция ч. 1 ст. 292 УК РФ⁴¹.

Верховный Суд РФ в надзорном Определении от 8 октября 2008 г. признает, что обвинение в совершении преступления, предусмотренного ст. 160 ч. 2 УК РФ (присвоение или растрата группой лиц по предварительному сговору), предъявленное Б. органами предварительного следствия существенно отличается по фактическим обстоятельствам от тех действий, в которых она была признана виновной по приговору суда (мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору ст. 159 ч. 2 УК РФ) - как по форме вины, так и по способу завладения деньгами⁴².

Апелляционным постановлением суда Ханты-Мансийского автономного округа от 13 октября 2016 г. установлено, что предложенная государственным обвинителем квалификация действий Б. по ч. 1 ст. 201 УК РФ (злоупотребление полномочиями) существенно отличается по фактическим обстоятельствам от обвинения по ч. 4 ст. 160 УК РФ (присвоение или растрата совершенные в особо крупном размере), по которому дело принято к производству суда, является ничем иным как предъявлением нового обвинения, что влечет составление нового постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого и предъявление нового обвинения⁴³.

В другом деле Верховный Суд РФ указал, что требования ст. 252 УПК РФ судом при постановлении приговора в отношении К. и Ч. были нарушены, в связи с тем, что органами расследования К. и Ч. обвинялись в пособничестве в получении взятки, в свою очередь, суд, переквалифицировав их действия на ст. ст. 33 ч. 5, ст. 291 ч. 2 УК РФ – на пособничество в даче взятки, тем самым изменил обвинение на существенно отличающееся по фактическим обстоятельству от ранее

⁴¹ Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда № 1-426/2014 22-1045/2015 от 14 апреля 2015 г. по делу № 1-426/2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/5RQP2Wwft7bO/>.

⁴² Определение Верховного Суда РФ от 8 октября 2008 г. по Делу № 30-ДП08-23.

⁴³ Апелляционное постановление суда Ханты-Мансийского автономного округа № 22-1828/2016 от 13 октября 2016 г. по делу № 22-1828/2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/feSYRxiVhxWK/>.

предъявленного⁴⁴.

В следующем случае существенно отличающимся по фактическим обстоятельствам признано изменение в судебном разбирательстве государственным обвинителем обвинения К. с покушения на получение взятки через посредника от С. за отказ в возбуждении уголовного дела (ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 290 УК РФ) на ч. 1 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий), что повлекло отмену приговора суда с участием присяжных заседателей от 21 марта 2011 года в отношении К⁴⁵.

В то же время в другом уголовном деле Судебная коллегия не нашла оснований к отмене приговора, указав, что переквалификация действий М. на менее тяжкий закон, не ухудшила положение осуждённого. Так, по мнению суда, обвинение по ст. 285 ч. 2 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями), по которому М. был признан виновным и осужден, не содержит в себе существенных отличий от предъявленного ему предварительным следствием обвинения в получении взятки (ст. 290 УК РФ)⁴⁶.

Как видим, приведенные примеры свидетельствуют, что решение вопроса о том, ухудшает изменение обвинения на существенно отличающееся от первоначального положение лица или нет, носит оценочный характер, зачастую даже Верховный Суд РФ занимает противоречивые позиции на этот счет. Следует учитывать, что изменение в суде обвинения на менее тяжкое, но существенно отличающееся от первоначально предъявленного, ухудшает положение только в тех случаях, когда не обеспечивается право обвиняемого на защиту. Следовательно, в тех ситуациях, когда лицо получает возможность и достаточное время для подготовки к защите от изменившегося обвинения, его положение не ухудшается.

⁴⁴ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 14 октября 2005 г. (Дело № 48-005-81 2005). [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/vsrf/doc/ruH9dslWucgR/>.

⁴⁵ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. по делу № 2-11/2011 (Дело № 19-ОП-41СП). [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/vsrf/doc/zWfA1Lj9YVHq/>.

⁴⁶ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 21 ноября 2007 г. по делу № 2-11/07 (Дело № 29-007-17). [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/vsrf/doc/PMUp6Cg6gON8/>.

Так, примером, когда право обвиняемого на защиту было обеспечено несмотря на изменение обвинения на существенно отличающееся от первоначального, служит уголовное дело, в ходе судебного разбирательства которого подсудимым и их защитникам было предоставлено достаточное время для защиты от нового обвинения. Как следует из кассационного определения Верховного Суда РФ 15 декабря 2009 года во время судебных прений после изменения обвинения государственным обвинителем на вопрос председательствующего подсудимые и их защитники ходатайствовали о предоставлении им возможности до 21 декабря 2009 года подготовиться к защите от нового обвинения. Такое ходатайство было удовлетворено, запрошенный период времени им был предоставлен. После этого в судебном заседании объявлялся перерыв с 14 декабря 2009 года по 2 февраля 2010 года⁴⁷.

Учитывая вышеизложенное, считаем возможным высказать следующую позицию. Во-первых, в случае изменения обвинения на существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам, поворот к худшему будет иметь место в том случае, когда в судебном процессе не удовлетворена потребность подсудимого и его защитника в дополнительном времени для подготовки защиты от обвинения, от которого они не защищались ранее. Во-вторых, при решении вопроса о том, имел ли место поворот к худшему, необходимо учитывать несколько взаимосвязанных моментов: кем (прокурором или судом) и в какой момент (до или после удаления суда в совещательную комнату) формулируется новое обвинение.

В случае, когда в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель изменяет обвинение на существенно отличающееся, право на защиту подсудимого должно обеспечиваться путем выяснения у стороны защиты вопросов о том, понятно ли им новое обвинение и существует ли необходимость в предоставлении дополнительного времени для подготовки позиции защиты. В ситуации, когда обвинение меняется самим судом в ходе постановления приговора в совещательной комнате, обязанность обеспечить право на защиту возлагается на

⁴⁷ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26 октября 2010 г (Дело № 14-010-44). [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/vsrf/doc/10hWrVykyngP/>.

суд апелляционной инстанции, который должен обеспечить стороне защиты возможность изложить свою позицию относительно формулировки обвинения, отраженной в приговоре, обеспечить судебное следствие в необходимом объеме. Таким образом, в случае, когда обвинение меняется на менее тяжкое, но существенно отличающееся от первоначального судом апелляционной инстанции должна быть исполнена обязанность по обеспечению права осужденного на защиту.

Подводя промежуточный итог, можно сделать однозначный вывод о том, что на современном этапе развития уголовного процесса определение поворота к худшему лишь через усиление наказания и изменение обвинения на более тяжкое, является узким, не отвечает всем вызовам, с которыми сталкивается правоприменитель и не обеспечивает законность при производстве по уголовному делу. Считаем, что разработка системы критериев поворота к худшему положительно отразилась бы на судебной практике, привела к сокращению количества судебных ошибок, явилась бы гарантией соблюдения прав лиц, в отношении которых ведется производство по уголовному делу. Учитывая вышеизложенное, предлагаем выделение следующей классификации критериев поворота к худшему:

I. Изменение обвинения на более тяжкое (применяется материальная норма, санкция которой предусматривает более строгое наказание; изменяется форма вины, форма или вид соучастия, стадия совершения преступления и т.д.);

II. Изменение обвинения на менее тяжкое, но существенно отличающееся от первоначального (в случае изменения обвинения на существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам, если при этом обвиняемому не обеспечивается право на защиту);

III. Изменения, связанные с назначением наказания, его видом или размером (изменяется категория деяния на более тяжкую; увеличивается испытательный срок при условном осуждении; усиливается наказание ввиду его несправедливости; исключаются какие-либо смягчающие наказание обстоятельства и т.д.);

IV. Изменения, связанные с определением имущественного положения лица,

в отношении которого ведется производство по делу (увеличивается размер возмещения морального вреда; увеличивается размер взысканных с осужденного процессуальных издержек и т.д.);

V. Изменения процессуального характера (уголовное дело направляется прокурору на основании п. 6 ч. 1 ст. 237 или ч. 1.2 ст. 237 УПК; не применяется более мягкий закон в связи с изменениями УК РФ и т.д.).

Критерии поворота к худшему отражают статику указанного института. Далее остановимся на процессуальной форме поворота к худшему, которая, в свою очередь, отражает его динамику. Процедуры, допускающие или запрещающие принятие решения о повороте к худшему, предусмотрены в уголовно-процессуальном законодательстве применительно к различным стадиям процесса. Законодатель последовательно, начиная с досудебного производства, в различных нормах процессуального Кодекса прописывает правила, при соблюдении которых возможно принятие решения, ухудшающего положение лица по сравнению с тем, что было обозначено на предыдущем этапе в том или ином процессуальном документе.

На возможность поворота к худшему на этапе досудебного производства в первую очередь влияет сама сущность стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Лицо, ведущее производство по уголовному делу, вынуждено уже на ранних этапах давать юридическую оценку совершенному деянию. На этапе досудебного производства принимается большое количество актов, в которых данная оценка отражается (ч. 2 ст. 146 УПК РФ, ч. 2 ст. 223.1 УПК РФ, ч. 2 ст. 171 УПК РФ, ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ, ч. 1 ст. 220, п. 5 ч. 1 ст. 225, ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ). В соответствии с требованиями УПК РФ в каждом процессуальном документе следователя должны быть указаны конкретные пункт, часть и статья УК РФ, указание же лишь общей юридической оценки деяния, например, по объекту не допускается.

Ученые-процессуалисты по-разному отвечают на вопрос о том, насколько точной должна быть формулировка деяния, совершенного лицом, на этапе досудебного производства. В частности, К.В. Муравьев отмечает, что законодатель

«забывает» о предварительном характере досудебного производства, о его подчиненности судебному разбирательству, а, вместе с тем, и о гипотетическом, предварительном характере обвинения⁴⁸.

А.В. Гриненко справедливо замечает, что «излагая обстоятельства, установленные в ходе расследования, следователь должен строго придерживаться содержания постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого»⁴⁹.

При решении данного вопроса следует обратить внимание на то, что юридическая оценка деяния основана главным образом на собранных доказательствах. На стадии возбуждения уголовного дела перечень следственных и иных процессуальных действий, которые могут проводиться ограничен. Так, принимая решение о возбуждении уголовного дела, лицо, производящее проверку сообщения о преступлении, обосновывает его на основе сведений, полученных в процессе осуществления процессуальных действий, производство которых допускает ч. 1 ст. 144 УПК РФ. При производстве предварительного расследования активно ведется собирание доказательств, в связи с чем, в большинстве случаев формулировка деяния нуждается в изменениях. Порядок изменения обвинения описан в ст. 175 УПК РФ. Предъявляя лицу новое обвинение, тем более, ухудшающее положение лица, в отношении которого ведется расследование, нельзя ограничивать право на защиту этого лица.

Так, 3 сентября 2010 г. К. было предъявлено обвинение по ч. 4 ст. 159 УК РФ. С 20 сентября 2010 г. обвиняемая приступила к выполнению положений ст. 217 УПК РФ и ознакомилась с томами N 1 – 10 уголовного дела. Однако 23 ноября 2010 г. ей было предъявлено новое обвинение, в т. ч. и по ч. 5 ст. 33, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Несмотря на предъявление нового обвинения, значительно ухудшающего положение обвиняемой, следователь в нарушение права на защиту не предоставил К. вновь материалы дела для ознакомления и подготовки ее к защите от нового

⁴⁸ Муравьев К.В. Точность предварительной юридической оценки содеянного и пределы судебного разбирательства в Уставе уголовного судопроизводства и современном праве // Актуальные проблемы российского права. 2014. N 5. С. 906-913.

⁴⁹ Гриненко А.В. Окончание предварительного расследования // Уголовное судопроизводство. 2010. N 4. С. 19-24.

обвинения. В связи с указанными нарушениями приговор по данному делу признан незаконным и необоснованным, отменен Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ⁵⁰.

Таким образом, поворот к худшему на этапе предварительного расследования допускается. Такая возможность обусловлена тем, что в досудебном производстве процесс собирания доказательств определяет и решение вопроса о квалификации деяния, вменяемого лицу, в отношении которого ведется расследование. Вместе с тем законодатель прописывает императивные правила, при соблюдении которых допустим поворот к худшему.

Поворот к худшему на стадии подготовки к судебному заседанию может иметь место в ходе предварительного слушания при принятии решения о возвращении уголовного дела прокурору на основании п. 6 ч. 1 и ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ.

Далее, доказывание продолжается в рамках судебных стадий и в ходе проведения судебного следствия вполне возможно изменение системы доказательств по уголовному делу. В суде первой инстанции институт поворота к худшему проявляет себя в рамках правила о пределах судебного разбирательства, не допускающего *reformatio in reus* по сравнению с формулировкой, характеризующей деяние, отраженной в итоговом процессуальном документе органами расследования (ст. 252 УПК). До недавнего времени указанное правило не знало исключений. Ситуация изменилась с момента внесения п. 6 в ч. 1 ст. 237 УПК РФ⁵¹. Обоснованность закрепления в УПК РФ подобного основания для исправления ошибок правоохранительных органов будет проанализирована в

⁵⁰ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24.10.2012 г. N 56-О12-57сп. Цит. по: Рыжаков А.П. Изменение (дополнение) обвинения. Комментарий к ст. 175 УПК РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=СЖ;n=26703>.

⁵¹ О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 N 269-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30. Ст. 4270; О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 4 марта 2013 N 23-ФЗ // Российская газета. 6 марта 2013. № 48.

параграфе первом главы второй настоящего исследования. Обратим лишь внимание, что на практике указанные положения закона активно применяются⁵².

При рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции начинает свое действие правовой принцип недопустимости поворота к худшему (*non reformatio in rejus*), в силу которого, суд вправе изменить либо отменить приговор (иное решение) и вынести новое судебное решение, ухудшающее положение лица, в отношении которого ведется апелляционное производство, не иначе как на основании и в пределах доводов, изложенных в апелляционном представлении, апелляционной жалобе. Закрепление данного правила в уголовно-процессуальном законодательстве страны является важнейшей гарантией соблюдения прав лиц, в отношении которых вынесен приговор или иное решение, позволяющей исключить ситуации, в которых осужденный (оправданный и т.д.), опасаясь ухудшения своего положения, отказывался бы от реализации своего права на проверку уголовного дела вышестоящим судом. По справедливому замечанию М.С. Строговича это привело бы к тому, что «какая-то часть судебных решений, дефектных с точки зрения их законности и обоснованности, осталась бы необжалованной»⁵³.

Верно отмечает Э.Ф. Куцова, что «запрет преобразования к худшему имеет целью устранить угрозу для подсудимого отягчить своей жалобой свое положение или же положение других подсудимых»⁵⁴.

В.П. Попов справедливо обращает внимание на нравственный смысл запрета *reformatio in rejus*, указывая, что «с точки зрения этики недопустимо ухудшать положение человека в ответ на его просьбу о помощи»⁵⁵.

⁵² См.: Постановление Президиума Белгородского областного суда от 14.07.2016 N 44У-60/2016; Апелляционное определение Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 14.12.2015 по делу N 22-1182/2015; Постановление Президиума Ростовского областного суда от 01.10.2015 N 44у-218/2015; Постановление Президиума Белгородского областного суда от 30.06.2016 N 4У-365/2016; Постановление Президиума Верховного суда Республики Коми от 17.02.2016 N 44у-2/2016; Постановление Президиума Ростовского областного суда от 28.07.2016 N 44у-191/2016 и др.

⁵³ Строгович М. С. Правовые гарантии законности в СССР. М., 1962. С. 216.

⁵⁴ Куцова Э.Ф. Советская кассация как гарантия законности в правосудии. М., 1957. С. 160.

⁵⁵ Попов В.П. Поворот к худшему в суде апелляционной инстанции // *Science time*. 2014. №7. С. 329-335.

С момента вступления в законную силу приговора или иного решения реализация института поворота к худшему имеет свои особенности, обоснованные необходимостью обеспечить стабильность судебных решений и соблюдение принципа правовой определенности. Содержание упомянутого принципа раскрывается, в частности, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 05 февраля 2007 г. N 2-П в соответствии с которым «общеправовой принцип правовой определенности предполагает стабильность правового регулирования и исполнимость вынесенных судебных решений»⁵⁶. При этом данный принцип при наличии определенных обстоятельств может быть ограничен, «принесен в жертву» интересам правосудия. Так, Европейский суд по правам человека неоднократно обращал внимание, что наличие фундаментальных нарушений закона при рассмотрении уголовного дела является основанием для преодоления общего правила об окончательности вступивших в законную силу судебных решений⁵⁷.

Возможность принятия решения, ухудшающего положение лица, в отношении которого ведется кассационное или надзорное производство, то есть после вступления решения в законную силу, предусмотрена законодателем при строгом соблюдении нескольких условий. Во-первых, срок, отпущенный для принятия такого решения, ограничен законом в один год. Во-вторых, поворот к худшему возможен лишь в том случае, когда в процессе рассмотрения дела были допущены фундаментальные нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона⁵⁸. В-третьих, поворот к худшему допускается лишь в пределах доводов

⁵⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 N 2-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁷ См. Постановление Европейского суда по правам человека от 14.03.2013 «Дело «Асмаев (Asmayev) против Российской Федерации» (жалоба N 44142/05§54); Постановление Европейского Суда по делу «Кот против Российской Федерации», § 24, Постановление Европейского Суда от 31 июля 2008 г. по делу «Проценко против Российской Федерации» (Protsenko v. Russia), жалоба N 13151/04, §§ 25 - 34 <1>, и Постановление Европейского Суда от 4 декабря 2008 г. по делу «Тишкевич против Российской Федерации» (Tishkevich v. Russia), жалоба N 2202/05, §§ 25 – 26.

⁵⁸ Об обоснованности использования термина «фундаментальные нарушения закона» см.: Борисевич Г.Я. О существенных, неустраняемых, фундаментальных нарушениях закона как

апелляционной жалобы, представления. Отсутствие указанного правила, как справедливо отмечает А.А. Ничипоренко повлекло бы отказ части осужденных от обращения в суды кассационной и надзорной инстанции⁵⁹.

Мы солидарны с А.В. Смирновым в том, что «недопустимо возвращение к вопросу о виновности за то же самое деяние в вышестоящем суде, если обвинитель в отведенное для состязания время не сумел доказать виновность обвиняемого»⁶⁰.

Обращает на себя внимание тот факт, что судами кассационной инстанции, практикуется возвращение уголовных дел прокурору на основании п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. В силу п. 3 ч. 1 ст. 401.14 УПК РФ кассационный суд вправе принять такое решение⁶¹.

Полагаем, что возможность возвращения уголовного дела судами кассационной и надзорной инстанций прокурору для исправления ошибок квалификации деяния, допущенных органами предварительного расследования, противоречит сущности проверки вступивших в силу судебных решений, не предполагающей пересмотр фактических обстоятельств уголовного дела. Проверка правильности юридической квалификации деяния, совершенного лицом, изначально проводится на этапе досудебного производства, в частности, в ходе утверждения итогового процессуального документа прокурором. После этого профессиональный суд, рассматривающий дело по существу, дает на основе исследованных доказательств и материалов юридическую квалификацию деяния, но и она может быть проверена вышестоящим судом второй инстанции. Считаем,

основаниях отмены или изменения судебных решений по уголовным делам // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 2. С. 199 – 210; Дикарев И.С. Понятие «фундаментальное нарушение» в уголовном процессе // СПС «КонсультантПлюс»; Смирнов А.В. О понятии фундаментальных нарушений закона в практике Конституционного Суда Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁹ Ничипоренко А.А. Запрет поворота к худшему при проверке приговора в кассационном и надзорном порядке // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2014. № 2 (34). С. 117.

⁶⁰ Бородинова Т. Г. Институт пересмотра приговоров в современном уголовно-процессуальном праве Российской Федерации: дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.09 / Татьяна Геннадьевна Бородинова. Краснодар, 2016. С. 269.

⁶¹ См., например, Постановление Президиума Московского городского суда от 04.12.2015 по делу N 44у-301/2015. [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.consultant.ru>.

что некачественная работа правоохранительных органов не должна приводить к ущемлению прав осуждённых, которые в силу закона не могут быть уверены, что квалификация их действий, установленная вступившим в законную силу приговором суда, верна и не будет усилена.

Нормы, направленные на решение вопроса о допустимости поворота к худшему, содержатся также в гл. 49 УПК. Разделяем позицию В.А. Давыдова, что если основанием для нового рассмотрения дела выступили обстоятельства, оправдывающие осужденного, то при новом рассмотрении дела *reformatio in pejus* по сравнению с первым приговором недопустим⁶².

Подводя итог, отметим, что избираемый законодателем подход к возможности принятия в том или ином случае решения об ухудшении положения лица, в отношении которого ведется или велось производство по уголовному делу, характеризует прогрессивность уголовно-процессуального законодательства в целом, указывает на то, каким образом реализуются такие важнейшие принципы как законность, презумпция невиновности, свобода обжалования судебных решений, обеспечение права на защиту. Принцип недопустимости поворота к худшему является составной частью института поворота к худшему, находит свое действие в проверочных стадиях уголовного судопроизводства и представляет собой запрет на ухудшение положения лица, в случаях, когда пересмотр судебного решения был инициирован в его интересах. Нормы права, регламентирующие поворот к худшему в уголовном процессе России, достаточно многообразны, что позволяет говорить о выделении объективно обособившейся внутри отрасли уголовно-процессуального права группе взаимосвязанных однопорядковых юридических норм, то есть о выделении самостоятельного института поворота к худшему. Его можно определить как сложный, межотраслевой, регулятивный институт права, применительно к уголовному судопроизводству представляющий

⁶² Давыдов В.А. Поворот к худшему (*reformatio in pejus*) при новом рассмотрении уголовного дела после отмены судебных актов ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств // Российский судья. 2011. N 6. С. 24.

собой систему взаимодействующих правовых норм, обеспечивающих соблюдение прав и законных интересов лиц, в отношении которых ведется или велось производство по уголовному делу, в ходе принятия сопряженных с поворотом к худшему процессуальных решений дознавателем, следователем, прокурором, судом на различных этапах уголовного процесса.

§ 2. Правовая природа и место апелляции в системе проверочных стадий уголовного процесса

Современные правовые системы предусматривают различные механизмы обжалования судебных решений, целью которых является проверка законности, а в ряде случаев обоснованности и справедливости приговоров, постановлений, определений суда; выявление и устранение допущенных судом нарушений закона.

Способы проверки судебных решений классифицируются по разным основаниям: в зависимости от момента вступления решения в силу; оснований обжалования; в зависимости от уровня суда, пересматривающего приговор или иное решение. Доктринально виды обжалования судебных решений принято разделять на: 1) ординарные (пересмотр приговора, как по вопросам права, так и по вопросам факта) и экстраординарные способы пересмотра приговоров (пересмотр приговора исключительно по вопросам права); 2) ретрактационные (повторное рассмотрение дела тем же судьей (*iudex a quo*) и реформационные (направление жалоб, протестов, представлений в суд, являющийся вышестоящим по отношению к тому, который вынес оспариваемое решение (*iudex ad quem*)); 3) пересмотр приговоров до либо после их вступления в законную силу⁶³.

⁶³ См.: Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016. С. 1061-1062.

Вышеуказанные критерии классификации лежат в основе систематизации проверочных стадий в законодательстве России.

Классические модели обжалования судебных решений сложились в западноевропейской уголовно-процессуальной практике. Традиционно выделяются стадия апелляционного и кассационного рассмотрения уголовного дела. Суд апелляционной инстанции является вышестоящим судом по отношению к суду первой инстанции, рассматривает жалобы на неокончательные не вступившие в законную силу судебные решения. Согласно классическому подходу для данной стадии характерно проведение повторного судебного следствия. Суд апелляционной инстанции классической модели во всех случаях выносит самостоятельное решение, в том числе ухудшающее положение лица, в отношении которого оно было принято, поскольку он не связан решением суда первой инстанции.

По окончании апелляционного рассмотрения спор относительно фактических обстоятельств дела является исчерпанным, с этой точки зрения приговор считается окончательным, но его вступление в законную силу откладывается в связи с тем, что у участников процесса возникает право на кассационное обжалование судебного решения. Видится справедливым утверждение Н.Н. Ковтуна о том, что «окончательное судебное решение априори не может подвергаться повторной проверке на предмет фактической обоснованности итоговых выводов, ибо этот вопрос уже дважды разрешался (по существу) судом — в первой и апелляционной инстанциях»⁶⁴.

Кассационная инстанция проверяет окончательное, с точки зрения установления фактических обстоятельств, судебное решение на предмет допущенных процессуальных нарушений при производстве по делу, после чего окончательное судебное решение вступает в законную силу.

Что касается российского подхода, система проверочных стадий в уголовно-процессуальном законодательстве РФ прошла долгий путь становления от

⁶⁴ Ковтун Н.Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство в уголовном процессе: изъясны законодательных новелл // Уголовный процесс. 2011. №3. С. 44.

закрепления в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года стадий апелляционного и кассационного производств в духе классической континентальной модели до разрушения этой системы в период действия советской власти и установления собственной оригинальной модели пересмотра судебных решений во главе с надзорным производством (не известным мировой процессуальной практике) и вновь к стремлению законодателя вернуть в отечественный уголовный процесс классические процедуры пересмотра судебных решений.

Современная регламентация проверочных стадий была закреплена в законе с принятием 29 декабря 2010 г. Федерального закона РФ N 433-ФЗ⁶⁵, предусматрившего в УПК РФ новые гл. 45.1. «Производство в суде апелляционной инстанции», гл. 47.1, регламентирующую производство в суде кассационной инстанции и гл. 48.1, регламентирующую производство в суде надзорной инстанции, которые начали действовать с 1 января 2013 г. Данным законом в уголовном процессе России была возрождена повсеместная апелляция, изменения претерпели также кассационное и надзорное производства.

Полагаем, наиболее детально вопрос о месте, роли и значении апелляции в современном уголовном процессе России можно рассмотреть, обратившись, прежде всего, к уяснению правовой природы указанного института и особенностей его законодательного регулирования в действующем УПК. Считаем необходимым выяснить принципиальные отличия апелляции от других проверочных производств, главным образом, кассационного.

Нельзя не отметить, что несмотря на долгие годы существования института апелляции среди ученых по-прежнему не выработан единый подход в понимании его сущности в уголовном судопроизводстве. В основе научной дискуссии лежит решение вопроса о том, что должна представлять собой апелляционная процедура:

⁶⁵ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 29.12.2010 г. № 433-ФЗ // Российская газета. 2012. 31 декабря.

форму проверки судебного решения первой инстанции или же повторный пересмотр дела по правилам суда первой инстанции. В конечном счете, ответ на этот вопрос предопределяет выделение типов апелляции: полной и неполной.

Н.В Сидорова разумно отмечает, что следует отличать понятия проверка и пересмотр судебных решений. По мнению автора, первая характерна для кассационного суда, выявляющего формальные нарушения закона, пересмотр же характерен для апелляции, которая правомочна устанавливать фактические обстоятельства⁶⁶.

В.М. Корнуков отмечает, что проверка является одним из элементов в структуре деятельности апелляционного суда⁶⁷.

А.А. Рукавишникова (Плашевская), являясь сторонником выделения полной и неполной апелляции, отмечает, что проверка имеет место в полной апелляции, но для российской правовой действительности нехарактерна⁶⁸.

Н.Н. Мазина в диссертационном исследовании пишет, что апелляция призвана проверять доводы сторон. При этом «при установлении существенных нарушений закона она же призвана выступить средством обеспечения публичной законности»⁶⁹.

А.А. Васяев полагает, что «... апелляционная инстанция не только проверяет приговор, но и осуществляет самостоятельное исследование доказательств по делу, в целях установления обстоятельств, указанных в статье 73 УК РФ»⁷⁰.

⁶⁶ Сидорова Н.В. Апелляция в системе производств в суде второй инстанции в уголовном процессе Российской Федерации: инстанции в уголовном процессе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Сидорова Наталия Викторовна. Томск, 2005. С. 17.

⁶⁷ Корнуков В.М. Сущность апелляционного производства и проблемы пересмотра судебных решений по уголовным делам // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2014. № 4 (19). С. 42.

⁶⁸ Рукавишникова (Плашевская) А.А. Апелляционный порядок проверки итоговых судебных решений по УПК РФ: полная или неполная апелляция // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. №4 (10). С. 108, 113.

⁶⁹ Мазина, Н. Н. Апелляционное производство в современном уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Наталья Николаевна Мазина. Казань, 2015. С. 10.

⁷⁰ Васяев А.А. Исследование доказательств в ходе судебного следствия в суде апелляционной инстанции // СПС «КонсультантПлюс».

Л.И. Алтынникова является сторонником точки зрения, в силу которой апелляционный суд является контрольным органом, призванным своевременно исправлять судебные ошибки⁷¹.

Н.А. Колоколов отмечает двойное назначение апелляции, которое автору видится, как в контрольных функциях, так и в обязанности разрешить дело по существу, если с этим вопросом не справился нижестоящий суд⁷².

Что касается авторской позиции относительно сущности апелляционного производства, полагаем, что применительно к российской модели, очевидно, что апелляция есть проверка состоявшегося решения суда первой инстанции, а не повторное рассмотрение уголовного дела по существу. При этом, по нашему мнению, нет причин настаивать на необходимости введения полной апелляции, не только по экономическим и кадровым соображениям, но и в связи с тем, что повторный пересмотр уголовного дела по существу судом апелляционной инстанции нивелирует значение суда первой инстанции, сделает его лишь «вынужденным перевалом» перед рассмотрением дела вышестоящим судом.

Присоединимся ко мнению авторов, обращающих внимание на двойственность апелляционного производства. Представляется, апелляция в оптимальном варианте должна обладать должным инструментарием как для осуществления контрольно-надзорных функций по отношению к решению суда первой инстанции, так и в необходимых случаях для проведения полноценного судебного следствия. Обоснованность проведения апелляционного судебного следствия в той или иной форме (с исследованием доказательств или без) будет зависеть: во-первых, от доводов апелляционной жалобы, представления, во-вторых, от характера выявленных судом апелляционной инстанции нарушений (процессуальных или фактических). Такая модель апелляции возможна при сочетании эффективного правового регулирования и должного понимания

⁷¹ Алтынникова Л. И. Особенности реализации принципа состязательности сторон в современном российском апелляционном производстве по уголовным делам: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Алтынникова Лиля Игоревна. - Москва, 2017. С. 12.

⁷² Колоколов Н.А. Дилемма апелляции: приговор «новый» или «измененный» старый? // Уголовный процесс. 2016. № 4. С. 35.

значения указанного института правоприменителем, прежде всего судьями, рассматривающими апелляционные жалобы, представления. На сегодняшний день приходится все чаще встречать высказывания ученых и практиков, указывающих на то, что реформа апелляции не привела к тому, что суды апелляционной инстанции эффективно используют в своей деятельности все преимущества апелляционного производства⁷³. На основе исследованной судебной практики, а также результатов опроса прокурорских работников и адвокатов, приходится констатировать, что существенных отличий от ранее действующей кассации (пусть и содержащей элементы апелляции) реформированная апелляция не приобрела⁷⁴.

Итак, сущность и тип российской апелляции определяется контрольно-проверочным характером стадии, представляет собой инициированную сторонами проверку законности, обоснованности, справедливости решения суда первой инстанции, с возможностью суда прибегнуть к исследованию доказательств, исследованных судом первой инстанции, а также новых доказательств. Остановимся на характерных чертах данного проверочного производства, которые позволили прийти к таким выводам.

В первую очередь, определить вид российской апелляции позволяет предмет судебного разбирательства. Видится убедительной позиция А.Т. Валеева, в силу которой полная апелляция решает вопрос обоснованности обвинения, неполная - вопрос законности, обоснованности, справедливости решения нижестоящего суда⁷⁵.

Предмет апелляционного судебного разбирательства закреплен в ст. 389.9 УПК РФ, исходя из содержания которой, рассмотрение дела судом второй инстанции проводится в связи с решением, принятым судом первой инстанции, а

⁷³ См. Романова А.А. Современное апелляционное производство в уголовном процессе России: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09/ Романова Анастасия Андреевна. Нижний Новгород, 2017. С. 124, Савельев К. А., Гурьянов Н. Ю. Современная российская апелляция как препятствие для реформ уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1 (86) январь. С. 129.

⁷⁴ См. Приложение А к настоящей работе. С. 205 – 213.

⁷⁵ Валеев А. Т. К вопросу о праве на апелляционное обжалование и сущности российской апелляции по уголовным делам // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 5 (66) май. С. 132.

не в отрыве от него. Отсюда вытекает тезис о том, что границы поворота к худшему в российской апелляции определяются с учетом не только обвинения, изложенного в обвинительном заключении, обвинительном акте, обвинительном постановлении, но и с учетом принятого судом первой инстанции решения по уголовному делу. При этом именно апелляция является последней стадией процесса, разрешающей вопросы факта. Дальнейшая проверка приговора затрагивает лишь вопрос о том, были ли допущены процессуальные нарушения в ходе производства по делу и правильно ли был применен уголовный закон.

Предмет судебного разбирательства является сущностным признаком любого вида проверочных производств, предопределяет, в конечном итоге, основные отличия апелляционного, кассационного и надзорного производств. Предмет судебного разбирательства в кассационном, а вслед за ним и надзорном порядке определен в ст. ст. 401.1, 412.1 УПК РФ. Содержание указанных норм обуславливает объем полномочий суда по исследованию доказательств. Суд апелляционной инстанции (в отличие от кассационного и надзорного судов) наделен правомочием повторного исследования доказательств в ходе судебного разбирательства, а также возможностью исследования новых доказательств, которые не были исследованы при рассмотрении дела по существу впервые.

По нашему мнению, возможность суда апелляционной инстанции исследовать доказательства является одним из главных преимуществ указанного производства по сравнению с иными проверочными инстанциями. Однако не всегда есть необходимость прибегать к доказыванию в суде апелляционной инстанции.

Л.В. Гайворонская убедительно доказывает «необходимость апелляционного доказывания, в случаях, когда речь идет об оспаривании фактических обстоятельств или исследованных судом доказательств, положенных в основу приговора⁷⁶.

⁷⁶ Гайворонская Л.В. Особенности доказывания в суде апелляционной инстанции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09/ Гайворонская Лина Вениаминовна. Москва, 2017. С. 99.

Абсолютно обоснованным видится высказывание А.А. Романовой о том, что институт пересмотра уголовных дел в апелляционном порядке будет выполнять свое истинное назначение лишь тогда, когда в обыкновение суда второй инстанции войдет проведение судебного следствия в таком объеме, который будет позволять формировать суду внутреннее убеждение заново, на основе исследованных доказательств⁷⁷.

Полагаем причиной сложившейся практики повсеместного рассмотрения апелляционных жалоб в духе кассации способствует, закрепленное в ч. 7 ст. 389.13 УПК правило, дающее апелляционному суду право рассматривать апелляционные жалобы, представления без проверки доказательств, не ограниченное ничем, кроме необходимости получения согласия сторон. Представляется, что для того, чтобы гарантировать лицам, вовлеченным в сферу уголовного судопроизводства эффективную процедуру апелляционного обжалования, необходимо закрепить в законе перечень случаев, когда исследование доказательств в суде апелляционной инстанции должно проводиться обязательно.

Подобные предложения зачастую высказываются учеными. Так, А.Т. Валеев предлагает предусмотреть полную апелляцию для лиц, совершивших особо тяжкие преступления⁷⁸.

Л.В. Гайворонская отмечает, что апелляционный суд обязан исследовать доказательства в тех случаях, когда доказательства были рассмотрены в суде первой инстанции, но суд оставил их без внимания при мотивировании решения, а также, когда суд первой инстанции не исследовал спорные доказательства, а заявитель, обосновывая свою позицию, указывает, что доказательства имеют значение для дела⁷⁹.

⁷⁷ Романова А.А. Современное апелляционное производство в уголовном процессе России: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09/ Романова Анастасия Андреевна. Нижний Новгород, 2017. С. 125.

⁷⁸ Валеев А.Т. Обжалование и пересмотр судебных решений по уголовным делам: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008144565>

⁷⁹ Гайворонская Л.В. Указ соч. С. 100.

А.А. Плашевская предлагает закрепить запрет на принятие судом апелляционной инстанции решения, сопряженного с поворотом к худшему, если в судебном заседании не были исследованы доказательства⁸⁰.

Очевидно, что широкие полномочия в части принятия решений по жалобе, представлению не могут быть обоснованы, если суд исследует лишь письменные материалы уголовного дела, не исследует непосредственно доказательства. Согласно позиции Европейского Суда по правам человека, которая выражена в деле «Видал против Бельгии», недопустимо при апелляционном пересмотре изменение приговора суда в сторону ухудшения без повторного исследования доказательств, в том числе допроса свидетелей⁸¹.

На наш взгляд, императивное закрепление перечня случаев, когда суд апелляционной инстанции обязан исследовать доказательства будет способствовать повышению эффективности апелляционной инстанции, выступит гарантией обеспечения участникам процесса возможности реализовать право на защиту.

По нашему мнению, основным критерием для формирования указанного перечня должен выступить характер доводов, изложенных в апелляционной жалобе, представлении, выступивших поводом для апелляционного разбирательства. Полагаем, суд апелляционной инстанции обязан прибегнуть к повторному судебному следствию в следующих случаях:

1) если суд первой инстанции, в ходе постановления приговора признал лицо виновным в совершении преступления, существенно отличающегося по фактическим обстоятельствам от обвинения, которое было ему предъявлено;

2) если в апелляционной жалобе, представлении содержится требование *reformatio in rejus*, связанное с оспариванием фактических обстоятельств совершенного преступления.

⁸⁰ Плашевская А.А. Указ. соч. С. 142.

⁸¹ Цит. по Панокин А.М. Реализация права на справедливое судебное разбирательство в апелляционном производстве: правовые позиции Европейского суда по правам человека и российский уголовный процесс // Российская юстиция. 2016. N 6. С. 52 - 54.

Суду кассационной и надзорной инстанций, напротив, для проверки законности достаточно исследования письменных материалов уголовного дела, что вытекает из содержания статьи 401.13 УПК РФ. Порядок исследования доказательств в суде надзорной инстанции, изложен в ст. 412.10 УПК РФ и совпадает с порядком, установленным для суда кассационной инстанции.

При формулировании положений гл. 45.1 законодатель, наделив суд апелляционной инстанции возможностью исследования доказательств, допустил, на наш взгляд, несогласованность и несистемность при закреплении правил участия в суде апелляционной инстанции осужденного и потерпевшего.

К.А. Савельев справедливо обращает внимание на то, что сам факт возможности вынесения в апелляционном порядке нового решения требует присутствия осужденного и потерпевшего⁸².

В пользу обязательного участия осужденного высказывается и Европейский Суд по правам человека⁸³.

Полагаем, в гл. 45.1 УПК необходимо закрепить правило об обязательности участия потерпевшего и осужденного в суде апелляционной инстанции, кроме случаев, когда указанные участники отказываются от участия в судебном разбирательстве при условии, что суд признает их отказ возможным.

Что касается кассационного и надзорного производства, законодатель различает правила участия лиц в судебном заседании. В силу ст. ст. 401.13, 412.10 УПК РФ участие прокурора в заседании суда кассационной инстанции обязательно во всех случаях, в надзорной инстанции участие прокурора в заседании Президиума Верховного Суда РФ обязательно только в случаях, если поводом к разбирательству явилось представление прокурора. Остальные субъекты кассационного обжалования участвуют в судебном заседании при наличии заявленного ходатайства. Для надзорной инстанции предусматривается правило, в

⁸² Савельев К.А. Современная российская апелляция как препятствие для реформ уголовного судопроизводства // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2017. № 1 (28). С. 88.

⁸³ The European Court of Human Rights in the case of Sinichkin v. Russia (Appl. no. 20508/03, 08 July 2010). [Электронный ресурс]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-98128>.

силу которого «в судебном заседании принимают участие лица, указанные в части первой статьи 412.1 УПК РФ». При этом упоминаний о необходимости заявления ходатайства об участии в судебном заседании закон не содержит.

Несовпадение правил участия субъектов обжалования в судебном заседании вполне оправдано, оно обусловлено различиями в предмете, полномочиях судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций.

Далее, нельзя не отметить, что разграничение объема полномочий судов по исследованию доказательств взаимообуславливает подход к определению видов решений, принимаемых судом той или иной инстанции.

Виды решений, принимаемых судом второй инстанции, перечислены в ст. 389.20 УПК РФ. Особенностью российской апелляции является отход от закрепления правила эвокации, распространенного в европейской процессуальной практике.

Российский законодатель в качестве критерия разграничения полномочий суда по отмене или изменению судебного решения использует характер выявленных нарушений, подразделяя их на устранимые и неустранимые в суде апелляционной инстанции. Полномочие российского апелляционного суда направлять дело в суд первой инстанции для повторного рассмотрения зачастую подвергается в научной литературе критике.

Н.Н. Мазина замечает, что суд второй инстанции имеет все познавательные инструменты для исправления любых нарушений. Автору видится неоправданным отказ от классической эвокации⁸⁴.

Н.Ю. Гурьянов, К.А. Савельев указывают, что предоставление апелляционному суду правомочия по возвращению дела на новое рассмотрение в нижестоящий суд или прокурору свидетельствует о несоответствии современной апелляции ее истинному предназначению⁸⁵.

⁸⁴ Мазина, Н. Н. Апелляционное производство в современном уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Наталья Николаевна Мазина. Казань, 2015. С. 11

⁸⁵ Савельев К. А., Гурьянов Н. Ю. Современная российская апелляция как препятствие для реформ уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1 (86) январь. С. 129.

По нашему мнению, в сложившихся условиях функционирования апелляционного производства в России, закрепление в законе полномочий суда по отмене приговора или иного решения и направлении его на повторное рассмотрение вполне оправдано. Представляется, что, высказывая подобные критические замечания, нельзя закрывать глаза на существующее фактическое положение дел. В условиях широкого усмотрения апелляционного суда в вопросе исследования доказательств, отсутствия требования обязательного участия потерпевшего и осужденного в заседании суда апелляционной инстанции, при формировании перечня видов решений, которые могут быть приняты судом второй инстанции, нужно исходить не из того варианта, который характерен абстрактной «классической модели», а из такого правового регулирования, которое бы предоставило участникам процесса большее количество процессуальных гарантий.

На наш взгляд, полномочие апелляционного суда по отмене судебного решения с направлением его на новое рассмотрение позволяет избежать ситуаций, в которых лицо лишилось бы права на проверку законности, обоснованности и справедливости принятого решения вышестоящим судом. Избранный подход законодателя представляется, на наш взгляд, вполне оправданным, поскольку расширяет круг гарантий соблюдения прав лиц, в отношении которых ведется производство по уголовному делу, а не наоборот.

Перечень принимаемых судами кассационной и надзорной инстанций решений перечислен в ст. ст. 401.14, 412.11 УПК РФ. Его содержание напрямую зависит от того, что к моменту рассмотрения уголовного дела судом кассационной или надзорной инстанции фактические обстоятельства дела не составляют предмета спора сторон. Все полномочия можно условно разделить на три группы: 1) решение суда оставляется без изменения, кассационная, надзорная жалоба без удовлетворения; 2) решение суда отменяется с прекращением производства по уголовному делу, либо направлением уголовного дела на новое судебное рассмотрение, либо направлением уголовного дел прокурору; 3) в приговор или иное решение вносятся изменения.

В этой связи считаем необходимым обратить внимание на ряд принципиальных вопросов. Во-первых, решение об изменении вступившего в законную силу судебного решения возможно только в случаях улучшения положения лица, в отношении которого вынесен приговор или иное решение. Во-вторых, отмена приговора или иного решения, сопряженная с *reformatio in pejus* допускается при одновременном соблюдении ряда условий: 1) УПК РФ установлен срок в один год, в течение которого допускается поворот к худшему. При этом данный срок в соответствии с п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 2 является пресекательным и не подлежит восстановлению. 2) Поворот к худшему в суде кассационной инстанции допустим только в случае наличия об этом просьбы, отраженной в жалобе, представлении. Отметим, что при пересмотре судебного решения суд кассационной инстанции вправе вынести постановление (определение), ухудшающее положение лица, лишь в пределах доводов, отраженных в кассационных жалобе или представлении. Однако законодатель прямо не закрепил данную норму в гл. 47.1 УПК РФ, что, на наш взгляд, является упущением. 3) Как было обращено внимание выше, правоприменитель в каждом конкретном случае должен иметь в виду, что принятие решения, ухудшающего положение лица в суде кассационной инстанции, это исключительная мера, которая должна применяться лишь в тех случаях, когда в процессе судебного разбирательства имели место фундаментальные нарушения закона.

Еще один принципиальный момент, характеризующий существенные черты апелляции и заслуживающий отдельного внимания это пределы ревизионной активности суда при проверке приговора или иного решения. В классических порядках обжалования судебных решений ревизионный порядок пересмотра дела ограничен действием правила *tantum devolutum quantum appellatum* (сколько жалобы столько решения). Однако российским уголовно-процессуальным законодательством указанное правило воспринято не было. Возможность ревизионной активности суда апелляционной, кассационной и надзорной инстанций поставлена в зависимость от того, в чьих интересах ревизия будет

осуществлена – *in favorem* (в интересах защиты) или *in defavorem* (против интересов защиты).

Результатом реформы проверочных стадий в уголовном процессе стало закрепление как для суда апелляционной, так и кассационной инстанции по сути своей единого правила, в силу которого суд, в ходе осуществления проверочных производств, вправе в ревизионном порядке проверить решение суда как по кругу деяний, так и по кругу лиц. При этом принятое судом решение не может ухудшать положение лиц, в отношении которых вынесено обжалуемое решение.

Ст. 412.12 УПК РФ, закрепляющая пределы прав Президиума Верховного Суда РФ при рассмотрении надзорной жалобы, представления, содержит норму о том, что надзорной суд вправе выйти за пределы доводов жалобы, представления «в интересах законности». Представляется необоснованным использование в законе термина «в интересах законности» без соответствующего его разъяснения. На наш взгляд, законодатель, формулируя таким образом пределы прав суда надзорной инстанции, стремился подчеркнуть исключительную важность решений Президиума Верховного Суда РФ для формирования единообразной судебной практики, на что в своих постановлениях обращает внимание и Конституционный суд РФ⁸⁶.

Однако избранная терминология не совсем удачна еще и потому, что созвучна с институтом «обжалования в интересах законности», существующего в европейском процессуальном законодательстве. Упомянутый институт предполагает изменение решения суда, вступившего в законную силу с целью формирования единообразной судебной практики при неизменности правового положения лица, в отношении которого это решение вынесено. Подобные процедуры отсутствуют в уголовно-процессуальном законодательстве РФ,

⁸⁶ См. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. N 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. N 2.

поэтому использование созвучной терминологии не способствует ее правильному восприятию. На деле решение вопроса о пределах ревизии в суде надзорной инстанции аналогично подходу, применяемому в отношении судов апелляционной и кассационной инстанций.

В литературе высказываются различные точки зрения относительно избранного законодателем варианта правового регулирования ревизионной активности судов в ходе апелляционного, кассационного и надзорного производств.

Н.Н. Мазина придерживается позиции, согласно которой суд второй инстанции *ex officio* может проверить уголовное дело исключительно в рамках апелляционных доводов сторон, кроме случаев, когда выявляются кассационные, надзорные основания.

Схожая точка зрения высказана Л.В. Гайворонской, указывающей, что «... выходить за пределы доводов жалобы по фактическим обстоятельствам апелляционная инстанция может только с целью полноценного ответа на заявленные доводы и вынесения правосудного решения»⁸⁷.

Л.В. Головков приходит к выводу, что апелляционное обжалование не должно влечь изменений для лиц, которые согласны с решением, вынесенным судом по итогам рассмотрения дела по существу. По мнению автора, «пределы апелляционного разбирательства должны быть непосредственно связаны с диспозитивным усмотрением сторон»⁸⁸.

К.В. Ивасенко в своем диссертационном исследовании отмечает, что «тот факт, что проверке в апелляционном порядке ... исследуются как юридические

⁸⁷ Гайворонская Л.В. Особенности доказывания в суде апелляционной инстанции: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Гайворонская Лина Вениаминовна. Москва, 2017. С. 138.

⁸⁸ Головков, В.Л. Апелляционное производство по уголовным делам в Российской Федерации: проблемы и пути решения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Головков Вячеслав Леонидович. Ижевск. 2004. С. 21.

вопросы, так и вопросы факта – может служить аргументом в пользу необходимости расширения ревизионных начал при производстве»⁸⁹.

По мнению Н.Н. Ковтуна «ревизионная активность суда если и может иметь место, то лишь: при наличии таких существенных (фундаментальных) нарушений закона, которые делают ничтожным предыдущее судебное производство и обязывают суд к полной проверке всего уголовного дела; или в неразрывной связи с теми нарушениями, которые указаны непосредственно в отзывах (возражениях)»⁹⁰.

На наш взгляд, осуществляемая судом в проверочных стадиях ревизионная проверка, возможности которой ограничены правилом о недопустимости *reformatio in pejus*, не противоречит назначению и принципам уголовного процесса, является одним из проявлений в уголовном процессе вышеупомянутого института благоприятствования защите *favor defensionis*. Полагаем, суд апелляционной инстанции вправе в ревизионном порядке проверить и фактическую сторону уголовного дела, прибегнув к исследованию доказательств, в том случае, если им будут обнаружены какие-либо неточности или противоречия в решении нижестоящего суда. Ревизия в интересах защиты при проверке судебных решений, вступивших в законную силу, также оценивается нами положительно, является одной из гарантий обеспечения законности в уголовном судопроизводстве.

Подводя итог проведенному в данной главе сравнительному исследованию проверочных стадий в российском уголовном процессе, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, российское законодательство закрепляет такой тип апелляции, который не предполагает повторный пересмотр уголовного дела по правилам суда первой инстанции. Отечественная модель определяется контрольно-проверочным характером стадии. Во-вторых, тип апелляционного производства

⁸⁹ Ивасенко, К. В. Пределы прав вышестоящих инстанций при проверке судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном производствах: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ивасенко Кристина Вадимовна. Москва, 2014. С. 149.

⁹⁰ Ковтун Н.Н. Судебные стадии и производства УПК Украины: система и векторы реализованных нормативных реформ // Уголовное судопроизводство. 2013. N 2. С. 28.

предопределяется предметом судебного разбирательства. В-третьих, основной особенностью апелляции по сравнению с другими проверочными производствами является возможность исследования фактических обстоятельств уголовного дела, отсюда вытекает необходимость эффективного правового регулирования этапа судебного следствия в стадии апелляции, в частности, закрепления в законе перечня случаев, когда суд апелляционной инстанции обязан повторно исследовать доказательства. В-четвертых, правовое регулирование апелляционной процедуры должно осуществляться с учетом двойственности апелляционного производства, означающего, что этот вид проверочного производства может осуществляться в зависимости от доводов сторон как в кассационной процедуре, так и с исследованием доказательств. В-пятых, полномочие российского апелляционного суда по отмене судебного решения с направлением его на новое рассмотрение является положительным достижением российского законодательства, выступает дополнительной процессуальной гарантией осуществления права на защиту, позволяет избежать ситуаций, в которых лицо лишилось бы права на проверку законности, обоснованности и справедливости принятого решения вышестоящим судом.

§ 3. Проверочные стадии и поворот к худшему в законодательстве иностранных государств

Задачей данного параграфа является сравнительное исследование института поворота к худшему в уголовно-процессуальном законодательстве некоторых зарубежных стран с целью выявления наиболее эффективных правовых конструкций регулирования *reformatio in pejus* в суде апелляционной инстанции.

Как было отмечено выше, в стадии апелляционного производства институт поворота к худшему проявляет себя посредством действия принципа запрета

поворота к худшему (*non reformatio in pejus*), в связи с чем, остановимся на анализе действия указанного принципа в уголовном процессе иностранных государств.

Как известно, в теории права существует формальное деление мировых правовых систем на правовые семьи, из которых наиболее общепринято выделение романо-германской и англо-саксонской. Категория «правовая семья» служит для обозначения группы правовых систем, имеющих сходные юридические признаки, позволяющие говорить об относительном единстве этих систем. В основе указанной классификации лежат такие критерии как нормативный (законодательство); идеологический (духовный); конкретно-практический (правоприменение)⁹¹.

Страны романо-германской правовой семьи развивались посредством рецепции римского права, которому был известен и принцип запрета поворота к худшему (*non reformatio in pejus*). Рецепция странами Европы принципов и институтов Римского права естественным образом привела к закреплению прямо или опосредованно названного принципа на уровне процессуального законодательства⁹². В связи с чем, институт *reformatio in pejus* находит свое отражение, прежде всего, в странах, принадлежащих романо-германской (континентальной) правовой семье. Помимо прочего, наличие исследуемого института связано с выделением в законодательстве континентальных стран различий в обжаловании решений, не вступивших и вступивших в законную силу. Отсутствие необходимости запрета *reformatio in pejus* для англо-американских стран объясняется тем, что их суды апелляционной инстанции существенно ограничены в исследовании фактических обстоятельств дела, поскольку, во-первых, обратная ситуация привела бы к умалению роли присяжных заседателей, выступающих «судьями факта» в части уголовных дел, во-вторых, современное правосудие по большей мере осуществляется путем заключения различных сделок,

⁹¹ Варьяс, Михаил Юрьевич. Теократическое государство в романо-германской правовой системе: Дис. ... канд. юрид. наук. 2003. [Электронный ресурс]. <https://d11.lib.ugru.net/files/dfd/251/030345025.doc>.

⁹² Муромцев С. Рецепция римского права на Западе. М., 1886; Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. СПб., 1995.

не предполагающих своей целью установление объективной истины. Как отмечает М.А. Филатова в странах континентального права суды апелляционных инстанций могут осуществлять полный пересмотр дела, действуя в качестве «второй первой инстанции»⁹³.

С целью формирования наиболее полной картины о проявлениях института поворота к худшему в законодательстве представителей различных правовых семей остановимся более детально на уголовно-процессуальном законодательстве США и Англии, как наиболее ярких представителей англо-саксонской правовой семьи. Как было отмечено выше, форма обжалования решений судов в уголовном судопроизводстве указанных государств не дифференцируется в зависимости от момента вступления решения в законную силу – апелляция выступает единой формой обжалования.

Законодательство Англии выделяет несколько апелляционных инстанций. Порядок обжалования судебных решений различен в зависимости от того, в каком порядке было принято первоначальное решение – в порядке суммарного производства либо судом присяжных заседателей, при этом законодатель не выделяет каких-либо особенностей в зависимости от того, подлежат разрешению вопросы права или факта.

Решения, вынесенные магистратскими судами в порядке упрощенного производства, в порядке апелляции обжалуются в Суд короны. Апелляционное производство в Суде короны представляет собой пересмотр дела, который сопровождается исследованием доказательств. Широкие полномочия суда Короны обуславливают возможность назначения по итогам пересмотра дела более строго наказания осужденному.

Свою специфику имеет апелляционное обжалование приговоров Суда короны, вынесенных на основании вердикта коллегии присяжных. В этом случае закон разделяет процедуры обжалования вопросов права и вопросов факта. И в том

⁹³ Филатова М.А. Обжалование и пересмотр судебных решений в странах континентального и общего права // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2007. N 5. С. 97.

и в другом случае жалоба на приговор может быть подана только осужденным. При этом обжалование фактических обстоятельств дела допускается только с согласия суда, вынесшего решение по существу. Изменение меры наказания на более строгую не допускается.

Таким образом, в английском уголовном процессе поворот к худшему допускается при рассмотрении апелляции на приговоры, вынесенные в порядке упрощенного производства, и запрещен при рассмотрении апелляции на приговоры, вынесенные на основании вердикта присяжных заседателей.

Определение границ *reformatio in pejus* в американском уголовном процессе усложняется многообразием правового регулирования обжалования судебных решений, продиктованное приданием прецеденту силы закона и параллельного существования законодательства штатов и государства. К.Ф. Гуценко отмечает, что «можно смело утверждать, что каждая правовая система (как федеральная, так и штатов) сделала свой вклад в то, чтобы введенные в ее рамках правила проверки законности и обоснованности приговоров в апелляционном порядке не были похожи или идентичны тому, что сформировалось в условиях другой системы»⁹⁴.

К элементам регулирования поворота к худшему при рассмотрении апелляции в американском суде можно отнести норму, не позволяющую обвинителю обжаловать решение суда о невиновности, изложенную в Пятой поправке к Конституции США⁹⁵. По мнению О.А. Калякина «эта норма защищает граждан от угрозы вторичного судебного преследования одного и того же лица за одно и то же преступление тем же носителем верховной власти после первого судебного разбирательства»⁹⁶.

По общему правилу, поворот к худшему при обжаловании приговора в связи с чрезмерно суровой мерой наказания не допускается. Однако в некоторых случаях

⁹⁴ Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. Изд. 2-е, доп. и испр. Издательство «Зерцало-М», 2002.С. 286.

⁹⁵ URL: <http://brightonbeachnews.com/rus/constitution-of-the-usa-russian-text/>

⁹⁶ Калякин О.А. Пределы пересмотра уголовного дела в суде апелляционной инстанции (сравнительно-правовой анализ законодательства России, США, Франции и Германии) // СПС «КонсультантПлюс».

суды допускают усиление наказания при признании поданной жалобы «легкомысленной»⁹⁷. Подобные правила, немислимые для континентального уголовного процесса, подчеркивают общую тенденцию к ограничению возможностей участников процесса к обжалованию решений суда.

Таким образом, если сравнивать две страны англосаксонского права – Англию и США, то в Соединенных Штатах в сравнении с английским законодательством существенно ограничена возможность граждан, привлеченных к ответственности, защитить свои права в суде, обратившись с жалобой в вышестоящую судебную инстанцию.

Что касается Романо-германской правовой семьи, наибольшее влияние на формирование ее особенностей оказали законодательство Франции и Германии. Кроме того, «к континентальной правовой семье относятся такие страны как Испания, Бельгия, Люксембург, Австрия, Швейцария, а также испаноязычные латиноамериканские страны (Куба, Колумбия, Аргентина, Чили и др.)»⁹⁸.

Для начала остановимся на особенностях регламентации института поворота к худшему по французскому уголовно-процессуальному законодательству. К характерным чертам апелляционного производства Франции можно отнести, во-первых, закрепление в законе правила эвокации, в соответствии с которым суд апелляционной инстанции при отмене первоначального приговора принимает новое решение самостоятельно, во-вторых, ограничением ревизионных полномочий суда апелляционной инстанции действием принципа – *tantum devolutum quantum appellatum* (насколько лицо апеллирует, настолько дело идет выше)⁹⁹.

Кроме того, в уголовно-процессуальном кодексе Франции (*Code de procédure pénale*) закреплен принцип *non reformatio in rejus*, в силу которого, суд не может ухудшить положение подсудимого, если просьбы об этом не содержится в жалобе.

⁹⁷ Гуценко, К.Ф. Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головкин, Б.А. Филимонов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Зерцало М, 2002. С. 288.

⁹⁸ Цит. по: Рябчикова Н.Н. Особенности романо-германской правовой семьи (на примере кодифицированных актов Франции и Германии) // СПС «КонсультантПлюс».

⁹⁹ Гуценко, К.Ф. Уголовный процесс западных государств. С. 288.

Общей характерной чертой для французского и немецкого уголовного процесса является тенденция ограничения различными условиями права на обращение в вышестоящий суд. Так, например, закон предусматривает запрет на возможность апелляционной проверки решения суда, предусматривающего наказание в виде небольшого штрафа (ст. 313 УПК ФРГ).

УПК ФРГ ((Strafprozeßordnung (StPO)) предусматривает несколько видов обжалования приговоров, не вступивших в законную силу: апелляционное обжалование [Berufung] и кассационное обжалование [Revision]), предусмотренные в Книге третьей УПК ФРГ (§§ 296-358), а также протест против решения, принятого в суммарном (упрощённом) производстве. §§ 324-326 УПК ФРГ предусматривают некоторые особенности разбирательства дела в суде апелляционной инстанции по сравнению с разбирательством дела в суде первой инстанции.

Если апелляционное обжалование признано обоснованным, коллегия по уголовным делам отменяет приговор участкового суда и принимает собственное решение по существу дела (§ 328 абз. 1 УПК ФРГ). Если апелляционное обжалование было заявлено подсудимым, его защитником, его законным представителем или прокуратурой в пользу обвиняемого, согласно § 331 (абз. 1) УПК ФРГ правовые последствия деяния не могут быть изменены в ущерб подсудимому (запрет *reformatio in pejus*)¹⁰⁰.

§ 327 УПК ФРГ также закрепляет принцип *tantum devolutum quantum appellatum*. В соответствии с данной нормой суд проверяет приговор только в обжалованной части¹⁰¹. В Германии апелляционный пересмотр ограничен пределами обжалования. При этом в случае, когда жалоба не содержит ссылку на конкретные пункты, считается, что приговор обжалуется в целом¹⁰².

¹⁰⁰ Головненков П. Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия - Strafprozessordnung (StPO) Научно-практический комментарий и перевод текста закона. [Электронный ресурс]. URL: <https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/6039/file/sdrs02.pdf>.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² См.: Сидорова Н.В. Апелляция в системе производств в суде второй инстанции в уголовном процессе Российской Федерации: инстанции в уголовном процессе Российской Федерации.

Примечательно, что подход российского законодателя к вопросу о том, каковы критерии поворота к худшему, решается более эффективно, чем в ряде европейских государств. В частности, в своем диссертационном исследовании К. В. Ивасенко отмечает, что подход законодателя во Франции и Австрии в данном вопросе не совпадает с подходом российского законодателя. Австрийское (и Французское) законодательство связывает ухудшение положения осужденного исключительно с размером наказания, назначенного приговором¹⁰³.

Изучив уголовно-процессуальное законодательство наиболее исторически влиятельных государств романо-германской правовой семьи, можно сделать следующие выводы. Во-первых, в отличие от отечественного уголовного процесса пределы прав судов апелляционной инстанции Франции и ФРГ ограничиваются объемом поданной жалобы. Во-вторых, принцип запрета поворота к худшему находит свое закрепление в кодексах, как Франции, так и ФРГ. В-третьих, отличительной чертой французской и немецкой апелляции по сравнению с российской является действие правила эвокации.

Научный интерес представляет также исследование института поворота к худшему в суде апелляционной инстанции латиноамериканских стран, которые в силу исторического развития традиционно примыкают к романо-германской правовой семье. Отметим, что в отличие от развитых европейских государств, законодательством латиноамериканских стран принцип *non reformatio in pejus* был воспринят не сразу. Фундаментальное исследование института поворота к худшему проведено чилийским ученым Ignacio Barrientos Pardo, который отмечает, что в уголовно-процессуальном кодексе Чили институт поворота к худшему долгое время не был закреплен.

В 2007 году автором был проведен опрос среди 166 защитников (*defenders*) по уголовным делам. 75 респондентов (что составляет 45%) ответили, что, хотя бы

Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Сидорова Наталия Викторовна. Томск, 2005. С. 106.

¹⁰³ Ивасенко, К. В. Пределы прав вышестоящих инстанций при проверке судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном производствах: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ивасенко Кристина Вадимовна. Москва, 2014. С. 178.

один раз за время своей практики встречались с ситуацией, в которой их подзащитный отказывался от подачи апелляционной жалобы, опасаясь ухудшения своего положения¹⁰⁴. Сложившаяся ситуация привела к необходимости закрепления института *reformatio in pejus* в чилийском уголовно-процессуальном кодексе. С этой целью законодатель обратился к имеющемуся в этом вопросе опыту близких правовых систем.

Так, Конституционная палата Верховного суда Венесуэлы, по делу *Henry Prada y otros No. 811/2005 del 11 de mayo de 2005* отмечает, что «правовое закрепление запрета поворота к худшему вытекает из необходимости сохранить принцип состязательности, с целью добиться баланса положения судьи, который не должен брать на себя функции, приписываемые сторонам в процессе. Этот запрет удерживается на «трех китах»: максимальное действие принципа «*tantum appellatum, quantum devolutum*» (сколько апелляции столько решения), принципе свободы обжалования решений (*el principio de impetración*) и принципе состязательности (*el principio acusatorio*). Со своей стороны, Конституционный суд Колумбии отмечает, что «запрет «поворота к худшему» ... это общий принцип процессуального права и конституционная гарантия, которая является частью права на законную судебную процедуру, закреплённого в ст. 29 основного закона страны»¹⁰⁵.

Таким образом, можно сделать вывод, что институт поворота к худшему в суде апелляционной инстанции закреплён и имеет значение в соответствии с законодательством как развитых европейских, так и латиноамериканских стран.

Уголовно-процессуальное законодательство восточных государств, с учетом исторических, ментальных и культурных особенностей предусматривает также процедуры обжалования решений суда первой инстанции, а значит, так или иначе, решает и вопрос о повороте к худшему. Обозначить общие тенденции регулирования института поворота к худшему в «восточных проверочных

¹⁰⁴ Revista de Estudios de la Justicia – N° 9 – Año 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://web.derecho.uchile.cl/cej/htm/media/reformatoinpeius.pdf>

¹⁰⁵ Там же.

производства» не представляется возможным, поскольку их уголовно-процессуальное законодательство исторически формировалось по-разному, в зависимости от того, чьему влиянию (западных государств, США, СССР и т.п.) в большей степени было подвергнуто то или иное государство.

Так, УПК Китая предусматривает два порядка обжалования: кассационный и надзорный, что свидетельствует в определенной степени о преемственности китайского и советского законодательства. Надзорный порядок в китайском процессуальном праве сочетает в себе признаки производства в порядке надзора и возобновления уголовных дел в порядке гл. 49 УПК РФ¹⁰⁶. Что касается кассационного порядка обжалования, отметим, что на формирование правила о возможности поворота к худшему в данном случае влияет закрепленный в КНР состав субъектов, имеющих право обратиться с жалобой, протестом. Примечательно, что в их списке отсутствует потерпевший и его представители. По УПК КНР право обжалования приговоров и определений суда первой инстанции принадлежит лишь обвиняемому, лицу, подавшему частную жалобу, их законным представителям и местной народной прокуратуре (ст. 180, 181, 182 УПК КНР)¹⁰⁷. Поворот к худшему в суде кассационной инстанции не допускается, если пересмотр был инициирован в интересах защиты. Потерпевший, в свою очередь, вправе обратиться в народную прокуратуру, которая, при наличии оснований, может инициировать повторное рассмотрение уголовного дела судом. В таком случае поворот к худшему возможен.

Система проверочных процедур Японии представлена апелляцией, пересмотром дел по вновь открывшимся обстоятельствам и надзором.

Как отмечает Е.А. Мишина, действующий УПК Японии характеризуется смешением европейских и англо-американских уголовно-процессуальных правовых традиций¹⁰⁸.

¹⁰⁶ Гуськова А.П., Бардамов Б.Г. Система обжалования состоявшихся судебных решений по уголовно-процессуальному законодательству России и Китая // Вестник ОГУ. 2009. №3. С.44.

¹⁰⁷ Там же. С.41.

¹⁰⁸ Мишина Е.А. Реформа системы правосудия в Японии // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 3. С. 113.

Судебную систему Японии образуют: 1) первичные суды; 2) территориальные суды; 3) высшие суды; 4) Верховный суд; 5) семейные суды. Первичные суды – низшая судебная инстанция. В компетенцию входит рассмотрение уголовных и гражданских дел. Территориальные суды расположены в каждой из 47 префектур. В них рассматривается по первой инстанции основная масса гражданских и уголовных дел, а также жалобы на решения первичных судов. Высшие суды (их 8) расположены в крупнейших городах. Они выступают в качестве судов апелляционной инстанции и рассматривают в коллегиях из трех судей жалобы на решения и приговоры нижестоящих судов по гражданским и уголовным делам. В коллегиях из пяти судей они рассматривают дела о некоторых государственных преступлениях. Верховный суд возглавляет судебную систему. Рассматривает в качестве окончательной инстанции жалобы на судебные акты нижестоящих судов. К разбирательству принимаются лишь жалобы по вопросам права, а не по оценке фактических обстоятельств дела¹⁰⁹.

Процедуре апелляционного обжалования посвящена часть 3 УПК Японии. Апелляционная процедура допускает повторное исследование доказательств, а также возможность отмены решения суда с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Ст. 402 УПК Японии предусматривает правило, запрещающее назначать более строгое наказание в случаях, когда решение было обжаловано в интересах обвиняемого¹¹⁰. Таким образом, несмотря на изобличение японского уголовно-процессуального законодательства в благоприятствовании обвинению¹¹¹, исследуемый важнейший принцип запрета поворота к худшему обеспечивает обвиняемому в Японии свободу обжалования.

Действующий поныне УПК Алжира 1966 г. повторяет французскую процессуальную модель без каких-либо новаций. Предусматривает классические

¹⁰⁹ Бибило, В. Н. Судебные системы зарубежных государств: учеб.-метод. пособие для студентов юрид. спец. БГУ / В. Н. Бибило. Минск: БГУ, 2012. С.72.

¹¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Японии, вступил в силу с 1 января 1949 г., в редакции 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=7006>.

¹¹¹ См.: Соловьев С. А. Феномен благоприятствования в уголовном процессе зарубежных стран // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. №2. С. 232.

апелляцию с кассацией, и многие другие французские по происхождению институты¹¹². Те же тенденции присущи Ливану и Марокко¹¹³.

В силу исторических традиций остановимся также на вопросе о том, каким образом институт поворота к худшему регламентируется законодательством стран СНГ. Как известно, бывшие советские республики унаследовали от СССР оригинальную систему обжалования приговоров и иных решений, сложившуюся после реакционного реформирования царского законодательства. Главной особенностью такой системы обжалования приговоров можно назвать усеченную апелляцию, распространяющуюся только на решения судов низшего звена судебной системы, а также кассационное производство, обладающее чертами апелляционного.

С момента выхода республик из состава СССР их уголовно-процессуальное законодательство претерпело фундаментальные изменения. С проблемой восстановления апелляционного производства столкнулись все страны постсоветского пространства. На сегодняшний день в уголовном процессе большинства стран бывшего СССР применяется апелляционная форма проверки судебных решений. Так, в апелляционном порядке осуществляется проверка не вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам в Азербайджане, Армении, Белоруссии, Казахстане, Киргизии, Молдове, Российской Федерации, Узбекистане и Украине¹¹⁴.

Рассмотрим особенности действия института поворота к худшему в судах апелляционной инстанции некоторых из перечисленных стран.

С целью выяснения преимуществ и недостатков регулирования вопросов данного института проведем сравнительный анализ реализации института поворота к худшему на стадии апелляционного производства по действующему

¹¹² Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2017. С. 218.

¹¹³ Там же. С. 219.

¹¹⁴ Солтанович А.В., Скалкович М.А. Введение апелляции в уголовное судопроизводство республики Беларусь // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2015. №8. С. 210.

уголовно-процессуальному законодательству Республики Беларусь, Республики Казахстан, Украины и Российской Федерации.

В основу сравнения положим изучение правовых норм, регламентирующих пределы прав суда апелляционной инстанции, критерии поворота к худшему в уголовном процессе, пределы допустимости поворота к худшему при повторном рассмотрении уголовного дела после отмены приговора, а также круг субъектов, на которых распространяется действие принципа *non reformatio in rejus*.

Кодексы, подвергнутые сравнительному анализу в нашем исследовании, можно отнести к категории «молодых», реформированных (за исключением Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь 1999 года). Так, Уголовно-процессуальный кодекс Украины начал свое действие в октябре 2012 года, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан с 1 января 2015 года. Принятие нового Кодекса в той или иной отрасли права, всегда продиктовано назревшей необходимостью вдохнуть в закон новую жизнь, устранить накопившиеся с годами проблемы применения положений закона, внедрить самые прогрессивные и актуальные институты, и, следовательно, детально регламентировать их на качественно новом уровне.

Анализ подходов законодателя стран ближнего зарубежья к регламентации института апелляционного производства выявляет сильные и слабые стороны юридической техники в данной области уголовного процесса, позволяет на основе позитивных достижений уголовно-процессуального права данных государств сформулировать предложения по совершенствованию института запрета поворота к худшему в отечественном законодательстве.

Итак, перейдем к анализу важнейших норм, действие которых влияет на допустимость *reformatio in rejus* в стадии апелляции.

Пределы прав суда апелляционной инстанции. В первую очередь обращает на себя внимание использование в Кодексах различных формулировок статей. Так, законодатель Казахстана и Украины соответственно используют формулировку: «пределы рассмотрения дела судом апелляционной инстанции», «пределы пересмотра дела судом апелляционной инстанции». Российский же

законодатель ст. 389.19 УПК РФ обозначает как «пределы прав суда апелляционной инстанции». Различие указанных формулировок в своем диссертационном исследовании отмечает С.А. Трухин, который отмечает, что пределы судебного разбирательства шире пределов прав суда той или иной инстанции, нормы российского УПК как следствие определяют лишь пределы прав суда второй инстанции¹¹⁵. Соглашаясь с суждением автора, и учитывая содержание норм УПК Российской Федерации (ст. 389.19), Республики Казахстан (ст.426) и Украины (ст.404) считаем название статьи 389.19 УПК РФ, использованное российским законодателем наиболее приемлемым, в большей мере отражающим ее содержание. Что касается УПК Республики Беларусь, следует отметить, что только в данном государстве законодатель разделяет термины пределы рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции (ст.378 УПК) и пределы полномочий суда апелляционной инстанции (ст.387 УПК).

Переходя к анализу содержания указанных норм, отметим, что наиболее удачно, на наш взгляд, пределы прав суда апелляционной инстанции сформулированы в УПК Республики Беларусь (ст. 387). Подход белорусского законодателя исключает недосказанность, размытость формулировок, которая имеется в ст. 389.19 УПК Российской Федерации. Российская норма требует разъяснения, поскольку ее буквальная трактовка позволяет судье в ревизионном порядке принимать решения, сопряженные с поворотом к худшему и в тех случаях, когда требования об этом не содержалось в апелляционной жалобе, представлении. Отчасти данная норма была разъяснена Верховным Судом РФ указывающим, что «суд вне зависимости от доводов жалобы или представления проверяет, имеются ли предусмотренные ст. 389.15 УПК Российской Федерации основания отмены или изменения судебного решения, не влекущие ухудшение положения осужденного

¹¹⁵ Трухин С.А. Предмет и пределы апелляционного разбирательства уголовных дел. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Сергей Алексеевич Трухин. М., 2016. С. 4.

(оправданного)»¹¹⁶. Полагаем, отсутствие данного указания в самом Кодексе недопустимо.

Должным образом вопрос решается в ч. 2 ст. 404 УПК Украины. Акцент в данном случае следует сделать на том, что принятие решения, улучшающего положение лица, является обязанностью, а не правом суда, в отличие от анализируемой выше ст. 387 УПК Беларуси, что, на наш взгляд, более обосновано. Делегирование суду апелляционной инстанции указанных дискреционных полномочий зачастую подвергается критике¹¹⁷. На наш взгляд, возложение на суд обязанности устранения нарушений, ухудшающих положение осужденного, оправдано. С учетом смешанной организации российского уголовного процесса, наделения в ряде случаев суда дискреционными полномочиями по ухудшению лица (например, направление по собственной инициативе уголовного дела прокурору при необходимости квалификации деяния, как более тяжкого преступления) вписывается в конструкцию *favor defensionis*, компенсирующую более слабое положение стороны защиты в уголовном процессе и угрозы для состязательности не представляет.

Остановимся на регламентации пределов прав суда апелляционной инстанции по УПК Казахстана. Данному вопросу посвящена его ст. 426 «Пределы пересмотра дела судом апелляционной инстанции». В части 1 указанной статьи закрепляется общее правило, в соответствии с которым суд апелляционной инстанции пересматривает судебные решения в пределах апелляционной жалобы. Анализируемая статья допускает изменение или отмену приговора в отношении лиц, о которых жалоба, ходатайство прокурора не поданы, если при рассмотрении дела будут установлены нарушения прав и законных интересов других осужденных, которые повлекли постановление незаконного приговора, постановления (только для приведения в соответствие квалификации действий

¹¹⁶ О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции (п. 17): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 // Российская газета. № 283. 07.12.2012.

¹¹⁷ См., например,: Ковтун Н.Н. Судебные стадии и производства УПК Украины: система и векторы реализованных нормативных реформ // Уголовное судопроизводство. 2013. N 2. С. 28.

других осужденных, совместно совершивших уголовное правонарушение и только в случае отмены или изменения приговора в отношении лица, которого касаются жалоба, ходатайство прокурора). При этом разъяснений, относительно того, возможен ли в таком случае поворот к худшему статья не содержит. Найти ответ на этот вопрос позволяет содержание других норм: ст. 438 «Несоответствие назначенного судом наказания тяжести уголовного правонарушения и личности осужденного» гласит: 1) принятие решения, ухудшающего положение осужденного, допускается лишь при наличии соответствующих доводов в жалобах стороны обвинения или ходатайстве прокурора и лишь в их пределах. 2) применение закона о более тяжком уголовном правонарушении не может выходить за пределы обвинения, предъявленного подсудимому и поддержанного в суде первой инстанции стороной обвинения.

С учетом приведенного выше анализа правовых норм, предлагаем применить в российском уголовно-процессуальном законодательстве положительный опыт законодательной техники дружественных государств¹¹⁸.

Критерии поворота к худшему. Анализ российской судебной практики позволяет сделать вывод о том, что большое количество судебных ошибок, допускаемых судами в процессе применения норм, регламентирующих недопустимость поворота к худшему, связаны с отсутствием в УПК Российской Федерации самих критериев поворота к худшему. Закон не дает ответа на вопрос, в каком случае поворот к худшему имеет место, а в каком нет. Остановимся на том, каким образом указанная проблема решается в странах, чье процессуальное законодательство явилось предметом исследования настоящей работы.

В первую очередь, отметим, что УПК России, Беларуси, Казахстана и Украины не содержат в себе таких терминов как «критерии», «содержание» поворота к худшему. В УПК Республики Казахстан и Украины, равно как и УПК Российской Федерации отсутствуют нормы, посвященные критериям ухудшения положения лица. В свою очередь законодатель Республики Беларусь идет по пути

¹¹⁸ См. приложение Б к настоящей работе. С. 213 – 216.

дифференциации оснований изменения решений судом апелляционной инстанции, тем самым, называя случаи, в которых поворот к худшему имеет место.

Так, статья 396 УПК Республики Беларусь посвящена изменению приговора. Законодатель обоснованно разделяет основания изменения на две группы: 1) изменения, не влекущие ухудшение положение обвиняемого 2) изменения, влекущие положение обвиняемого, допускаемые не иначе как по апелляционным жалобам потерпевшего, частного обвинителя, их представителей, апелляционному протесту прокурора. Для целей данного исследования полагаем необходимым привести полный перечень критериев поворота к худшему (пусть законодатель их не обозначает именно этим термином) Республики Беларусь. Таким образом, ко второй группе оснований относятся:

1. применение закона о более тяжком преступлении и назначение в связи с этим более строгого наказания (в рамках предъявленного обвинения и обвинения, поддержанного государственным обвинителем в суде);

2. увеличение срока, размера основного и (или) дополнительного наказания, назначение более строгого вида наказания; назначение дополнительного наказания в соответствии с требованиями уголовного закона, если оно необоснованно не назначено судом первой инстанции;

3. отмена осуждения с отсрочкой исполнения наказания, или осуждения с условным неприменением наказания, или осуждения без назначения наказания, или осуждения с применением принудительных мер воспитательного характера и назначение обвиняемому наказания, предусмотренного уголовным законом и др.

Представляется, российское уголовно-процессуальное законодательство нуждается в закреплении аналогичного перечня, безусловно, с учетом при этом особенностей национального регулирования всех институтов уголовного и уголовно-процессуального права, затрагиваемых в таком перечне.

Отметим, что для процессуального законодательства постсоветского пространства в целом характерно расширение гарантий прав участников процесса со стороны обвинения, связанных с возможностью ухудшения их положения после принятия итогового решения. В уголовном процессе европейских стран,

принадлежащих континентальной (романо-германской) правовой семье критериями поворота к худшему, как правило, считаются лишь применение закона о более тяжком преступлении и усиление наказания. Подход к регламентации анализируемого института стран – бывших союзных республик представляется нам более прогрессивным, гуманным и нацеленным на соблюдение прав участников процесса.

Пределы прав суда при повторном рассмотрении дела после отмены приговора судом апелляционной инстанции. Законодательство России, Республики Беларусь, Республики Казахстан и Украины предусматривает возможность принятия судом апелляционной инстанции решения о направлении уголовного дела для повторного рассмотрения в суд первой инстанции. Действие принципа *non reformatio in rejus* в таких случаях сохраняется. Однако нормативное закрепление данного правила отсутствует в Кодексах России и Республики Казахстан, что является упущением законодателя.

УПК Республики Беларусь (ст. 398) и Украины (ч.2 ст. 417), кроме того, ч. 3 указанной статьи украинского Кодекса распространяет действие данного правила на более широкий круг субъектов, в частности, на лиц, в отношении которых решается вопрос о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера. Наличие в Кодексах Беларуси и Украины статей, посвященных этому вопросу, является достоинством процессуального закона и должно служить примером для закрепления аналогичной нормы в УПК РФ и УПК Республики Казахстан.

Субъекты действия принципа запрета поворота к худшему в суде апелляционной инстанции. Еще один принципиальный вопрос касается определения перечня участников уголовного производства, на которых распространяются гарантии *non rejus*. Анализ глав кодексов России, Беларуси, Казахстана и Украины, регламентирующих стадию пересмотра дела судом апелляционной инстанции, выявляет некую рассогласованность в данном вопросе. Так, УПК РФ распространяет действие принципа запрета поворота к худшему на осужденного, оправданного, лицо, в отношении которого прекращено уголовное

дело; УПК Беларуси на обвиняемого; УПК Казахстана на осужденного; УПК Украины на обвиняемого или лица, в отношении которого решался вопрос о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера.

Определение оптимального перечня субъектов, на которых распространяется действие принципа недопустимости поворота к худшему, имеет принципиальное значение, поскольку обеспечивает соблюдение прав и законных интересов участников процесса в суде апелляционной инстанции.

В первую очередь обратим внимание на различие в определении статуса лица, обратившегося с апелляционной жалобой, в отношении которого судом первой инстанции был вынесен обвинительный приговор. Как было отмечено выше, в России и Казахстане он именуется осужденным, в Беларуси и Украине обвиняемым. В соответствии с ч. 2 ст. 47 УПК РФ обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, именуется осужденным. Аналогичная норма закреплена в ч. 3 ст. 65 УПК Казахстана. Уголовно-процессуальные кодексы Беларуси и Украины используют термин обвиняемый, поскольку в соответствии со ст. 42, 43 названных кодексов Беларуси и Украины соответственно осужденным именуется лицо, в отношении которого вступил в законную силу приговор суда.

Далее, включение в данный перечень субъектов оправданного и лица, в отношении которого прекращено уголовное дело, на наш взгляд, является бесспорным, должно быть воспринято Кодексами всех приведенных стран. Связано это с необходимостью гарантировать указанным лицам стабильность принятых в отношении них решений, при соблюдении правил, установленных процессуальным законодательством. Часть 2 ст. 389.24 УПК РФ резонно закрепляет дополнительную гарантию прав оправданных.

Что касается лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера или мер воспитательного воздействия, то указанные субъекты также должны быть названы в законе наряду с вышеперечисленными, поскольку обратное положение дел приводит к тому, что их положение может быть ухудшено по инициативе суда, даже в тех случаях, когда данными субъектами их законными представителями или представителями была

подана жалоба в защиту прав и законных интересов указанных лиц. Такая возможность нивелирует право на защиту посредством принесения апелляционной жалобы, поскольку непредсказуемость результата апелляционного рассмотрения наталкивает таких лиц на отказ от реализации данного права.

Исходя из содержания ст. 431, 432 УПК РФ, несовершеннолетние, к которым применяются принудительные меры воспитательного воздействия процессуально относятся либо к лицам, в отношении которых прекращено уголовное дело (в случае освобождения от уголовной ответственности) либо к лицам, в отношении которых вынесен обвинительный приговор (в случае освобождения от наказания), вследствие чего необходимость специального указания указанных субъектов в гл. 45.1 УПК РФ отсутствует. Что касается, лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, в гл. 45.1 УПК РФ существует необходимость регламентации их прав и законных интересов.

Далее, обращает на себя внимание тот факт, что во всех исследованных процессуальных кодексах в контексте обеспечения гарантий недопустимости поворота к худшему неоправданно отсутствует упоминание о гражданском ответчике, относящемся к участникам процесса со стороны защиты. По нашему мнению, гражданский ответчик, безусловно, является субъектом института поворота к худшему, что должно быть воспринято и на законодательном уровне.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что к субъектам, на которых распространяется действие принципа недопустимости поворота к худшему в суде апелляционной инстанции, законодателем России, Беларуси, Казахстана и Украины, с учетом национальных особенностей правового регулирования должны быть отнесены:

- осужденный (обвиняемый);
- оправданный;
- лицо, в отношении которого прекращено уголовное дело;
- лицо, в отношении которого велось или продолжается производство о применении принудительной меры медицинского характера;

— гражданский ответчик.

Анализируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, принцип *non reformatio in pejus* в большей степени нашел свое отражение в странах, принадлежащих романо-германской правовой семье. Закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве западных государств этого института явилось следствием рецепции римского права, которому запрет поворота к худшему был известен. Латиноамериканские страны, относящиеся к романо-германской правовой семье, быстро обнаружили необходимость закрепления принципа *non reformatio in pejus*, на что обратили внимание высшие судебные органы и указанный принцип был воспринят в итоге законодательством Чили, Венесуэлы, Колумбии и др.

Во-вторых, проявления *reformatio in pejus* можно обнаружить и в уголовно-процессуальном праве Англии и США, однако прецедентное право, с одной стороны, и стремление законодателя ограничить право на апелляцию, с другой, приводят к тому, что единых правил, регламентирующих пределы поворота к худшему, в этих государствах не выработано.

В-третьих, анализ законодательства ряда стран ближнего зарубежья (Республики Беларусь, Республики Казахстан и Украины) позволяет констатировать, что, как и в законодательстве России, институт поворота к худшему развит более сильно. В таком случае можно говорить о существовании в кодексах целой совокупности норм, регулирующих основания и условия, критерии поворота к худшему, называющих субъектов этого института и т.д. Анализ процессуального законодательства перечисленных стран позволил сформулировать предложения по совершенствованию института *reformatio in pejus* в УПК РФ, в частности: закрепить в УПК критерии поворота к худшему, расширить перечень субъектов, на которых распространяется действие запрета поворота к худшему, закрепить правило о недопустимости поворота к худшему при повторном рассмотрении уголовного дела после отмены приговора или иного решения, а также закрепить более ясное правило о пределах прав суда апелляционной инстанции.

§ 4. Поворот к худшему в суде апелляционной инстанции: ретроспективный анализ

Уголовно-процессуальное законодательство прошло тысячелетний путь, прежде чем первый кодифицированный акт, посвященный данной отрасли права (Устав уголовного судопроизводства 1864 г.), увидел свет.

Зарождение института обжалования судебных решений исследователи определяют по-разному, как правило, относя его либо к периоду феодальной раздробленности, который определяется действием Псковской (1397 г.) и Новгородской (1440 г.) судных грамот, либо к периоду создания централизованного российского государства, определяемого действием Судебников 1497 и 1550 гг. Пробразамии проверочных стадий в упомянутых процессуальных документах стали институты «пересуда» и «доклада», которые, тем не менее, не были подробно урегулированы в силу несистемности и хаотичности законодательства того периода. «Доклад» заключался в передаче дела для вынесения решения, без проведения при этом повторного пересмотра¹¹⁹. «Пересуд» был формой пересмотра решений судов более всего напоминающей современную апелляцию, поскольку представлял собой повторный пересмотр дела¹²⁰.

Именно централизация государства явилась предпосылкой к развитию института обжалования, поскольку судебная система (пока еще единая с административной властью) стала усложняться. Так, «Государственный суд осуществляли: великий князь, боярская дума, путные бояре. На местах правосудие

¹¹⁹ Петров А.В., Кудрявцева А.В. История развития института апелляции // Вестник ЮУрГУ . 2013, т. 13. № 3. С. 16.

¹²⁰ Хрестоматия по истории государства и права России / под ред. О. И. Чистякова. М., 2010. С. 45.

вершили вначале наместники и волостели, а с середины XVI в. – губные избы. В XV веке функции центральных и местных судов разделились. Центральные суды стали рассматривать жалобы на приговоры местных судов. Церковный и вотчинный суды действовали по особым правилам. В них сохранялись прежние порядки¹²¹».

В период формирования абсолютной монархии (1689 – 1762 гг.) уголовное судопроизводство (которое по-прежнему не было разведено с гражданским) регулировалось главами XI - XV Соборного уложения в 1649 г. «Обжалование решений суда возможно было лишь тогда, когда обиженная сторона доказывала, что судья брал взятки с другой стороны. Если жалоба подтверждалась, то судья подвергался наказанию и должен был заплатить тройную сумму иска. Если жалоба не подтверждалась, то жалобщик наказывался битьем кнутом»¹²².

Институты «доклада» и «пересуда» сохранились и в тексте Соборного уложения.

В период правления Петра Первого апелляционное производство осуществлялось исключительно на основании письменных материалов дела. Возможная апелляция не имела сколько-нибудь существенного смысла, в связи с тем, что решения суда первой инстанции носили окончательный характер¹²³.

В «Екатерининский период» система проверочных стадий регулировалась Указами 1762 и 1764 гг. В течение года лицо имело право подать апелляцию в вышестоящий суд, при условии, что намерение обжаловать решение было выражено в течение семи дней¹²⁴.

Знаменательным событием для правовой системы нашей страны стало принятие Свода законов Российской империи 1832 г., которым было положено начало развития уголовно-процессуального права в качестве самостоятельной

¹²¹ Толстая А.И. История государства и права России: учебник для вузов. 3-е изд., стереотипное. М.: юстицинформ, Омега-Л, 2010 // «СПС КонсультантПлюс».

¹²² Там же.

¹²³ Петров А.В., Кудрявцева А.В. Указ. Соч. С. 17.

¹²⁴ Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.). М., 2004. С. 545-546.

отрасли права. Нормы, посвященные уголовному судопроизводству, нашли свое отражение в части 2 тома XV Свода законов Российской империи, раздел V указанной части был посвящен «ревизии дел уголовных во второй степени Суда». Указанный документ, также как и все предшествующие, не содержал норм, посвященных непосредственно институту поворота к худшему, несмотря на это большим вкладом в развитие института проверочных стадий стало закрепление перечня дел, направляемых на ревизию, порядка направления дела в палату Уголовного суда, требований к процедуре осуществления ревизии и к решениям, выносимым по итогам ревизии. Так, например, ст. 375 предписывала «ревизию по уголовным делам производить во всей подробности и со вниманием, основывая производство дела на точном изыскании истины».

Правило о запрете поворота к худшему нормативно нашло свое отражение в следующем документе, значение которого до сих пор сложно переоценить. Речь идет об Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее по тексту УУС). Его принятие в 1864 году поистине явилось важнейшим этапом в становлении науки и практики уголовного процесса в России. Для более полного понимания действия института поворота к худшему в суде апелляционной инстанции по УУС, позволим себе остановиться также на правилах регулирования *reformatio in rejus* и на других стадиях процесса.

По УУС изначально пределы судебного разбирательства устанавливались следующим образом. В обвинительном акте, который прокурор направлял в суд, предавая обвиняемого суду перечислялись: информация об обвиняемом, собранных органом расследования доказательствах, а также «события, заключающие в себе признаки преступного деяния». Закон не требовал указания точной юридической оценки содеянного в окончательном акте досудебного производства.

За стадией предварительного следствия в УУС следовала стадия предания обвиняемого суду. В соответствии со ст. 751 Закона на разрешение суд ставил вопросы не только на основании выводов обвинительного акта, но также развивающих, дополняющих или изменяющих их выводов судебного следствия и

заключительных прений. Согласно ст. ст. 752, 753 УУС в императорской России времен Александра II суд не вправе был судить лицо за преступление, не предусмотренное обвинительным актом, но вправе был направить дело для проведения предварительного следствия и предъявления нового обвинения¹²⁵.

Интересны в контексте нашего исследования и разъяснения Сената, касающиеся пределов судебного разбирательства и вопросов судебного усмотрения относительно юридической формулировки деяния, анализ которых был проведен С.Г. Щегловитовым. Позиции Сената сводились к тому, что, если описанным фактическим обстоятельствам совершенного преступления была дана ошибочная правовая квалификация, суд не был ей блокирован, а имел возможность поставить вопрос о привлечении лица к ответственности за деяние, предусмотренное другой нормой уголовного закона¹²⁶.

Таким образом, анализ норм УУС и их разъяснение, данное Сенатом, позволяют сделать вывод о том, что суд тех времен обладал большей процессуальной активностью, чем современный, не был связан юридической квалификацией деяния, данной органами расследования и, как следствие, был свободен в выборе материальной нормы закона (при условии, что фактические обстоятельства были изложены в итоговом процессуальном документе, если же совершение деяния обнаруживалось в ходе судебного разбирательства суд должен был направить дело прокурору). Квалификация преступления, таким образом, не выступала в качестве пределов судебного разбирательства.

Что касается рассмотрения дел в порядке апелляционного и кассационного судопроизводства, отметим, что в императорской России XIX в. порядку обжалования уголовных приговоров был посвящен раздел 5 Устава.

Ст. 878 УУС закрепляла предмет апелляционного обжалования того времени. В соответствии с данной нормой подсудимый имел право «апелляционного отзыва

¹²⁵ Баранова И.В. К юбилею Устава уголовного судопроизводства 1864 года. С. 32.

¹²⁶ Щегловитов С.Г. Судебные уставы императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями. Устав уголовного судопроизводства. Издание третье, исправленное, дополненное и переработанное. СПб., 1887. С. 667 - 669.

против неокончательного приговора по всем предметам дела». Как следует из содержания статьи, суд апелляционной инстанции того времени рассматривал как вопросы права, так и вопросы факта¹²⁷.

Что касается решения вопроса о допустимости поворота к худшему в суде апелляционной инстанции, то в соответствии со ст. 889 Устава «прения и само рассмотрение дела не должны были выходить из пределов отзыва или протеста». Далее, ст. 891 Устава позволяет апелляционному суду увеличивать наказание по сравнению с тем, что было определено судом первой степени, только при наличии протеста прокурора или отзыва частного обвинителя, содержащих требование об этом. Аналогичное правило закреплено в ст. 931, посвященной вопросу допустимости поворота к худшему в суде кассационной инстанции того времени. Отметим, при этом, что предметом кассационного обжалования в период действия УУС была законность приговора, но не его обоснованность и справедливость (ст. 912 УУС). Как видим, пределы прав суда апелляционной и кассационной инстанции того времени были ограничены действием принципа *non reformatio in rejus* что, на наш, взгляд является положительным достижением законодательства.

В отношении регламентации поворота к худшему в законодательстве нашей страны в XX веке стоит отметить, что институт прошел определенный путь эволюции: от положений УПК РСФСР 1922 г.¹²⁸ к УПК РСФСР 1960 г.¹²⁹ и далее в ходе судебной реформы 1991 года.

Органы советской власти, пришедшие к управлению государством после революции 1917 года, незамедлительно приступили к революционному реформированию судебной власти, ликвидировав наряду с другими и институт апелляционного обжалования судебных решений. Окончательно апелляционный

¹²⁷ Баранова И.В. К юбилею Устава уголовного судопроизводства 1864 года. С. 32.

¹²⁸ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Принят Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов 25 мая 1922 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757376> 376. Утратил силу.

¹²⁹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Утвержден Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34685/?frame=2#p54. Утратил силу.

пересмотр уголовных дел был упразднен с принятием 7 марта 1918 г. Всероссийским центральным исполнительным комитетом декрета «О суде» № 2.

Стоит ли говорить о возможностях *reformatio in pejus* в период действия «Положения о революционных трибуналах РСФСР» от 21 февраля 1919 года, которым осужденному было предоставлено 48 часов на подачу кассационной жалобы. Пределы поворота к худшему вытекают из ст. 39 названного Положения, позволяющей без каких-либо условий и ограничений лишь при наличии представления изменять Кассационному Трибуналу меру репрессии.

Относительно УПК РСФСР 1922 г. необходимо отметить, что поворот к худшему допускался на протяжении всего производства по уголовному делу. В подтверждение сказанных слов, достаточно привести положения ст. 242 УПК РСФСР 1922 г., в которых указано, что в случае несогласия с содержащейся в обвинительном заключении формулировкой обвинения, суд поручает одному из судей составление нового обвинительного заключения с соответственно измененными обвинительными пунктами. Лицо, в отношении которого велось расследование, не могло рассчитывать на устойчивость и неизменность принятого органом предварительного расследования решения, и на том основании, что в соответствии со ст. 242 Кодекса суд, признав предъявленное обвинение недостаточно обоснованным, мог вынести решение о направлении дела на доследование. Стоит все же отметить, что некоторые проявления запрета поворота к худшему все-таки содержались в УПК РСФСР 1922 г. В силу ст. 317 Кодекса в случае обнаружения в судебном заседании новых обстоятельств, обуславливающих изменение формулировки обвинения, суду предоставлялись два возможных варианта действий: 1) направление дела для дополнительного расследования, в случаях, когда такое обвинение предусматривало назначение более тяжкого наказания; 2) изменение формулировки обвинения непосредственно в судебном заседании в тех, случаях, когда такое изменение не влечет усиление наказания. Анализируя данную норму, можно прийти к выводу о том, что законодатель встал на путь дифференциации принятия решения в зависимости от того, ухудшает такое решение положение лица или нет.

УПК РСФСР 1922 г. предусматривал возможность обжалования решений суда в кассационном и надзорном порядке. Прогрессивной для законодательства того времени и интересной нам в рамках исследования института поворота к худшему можно назвать статью 370 УПК РСФСР, запрещающую усиливать наказание в случае отмены приговора по жалобе осужденного. Как видим, закон гарантировал осужденному недопустимость поворота к худшему при повторном рассмотрении уголовного дела.

УПК РСФСР, принятый в 1960 году, декларировал принцип *non reformatio in rejus*, действующий при рассмотрении уголовных дел в кассационной и надзорной процедуре (ст. ст. 340, 341). Законодателем исчерпывающим образом был очерчен круг субъектов, по жалобе или протесту которых допускался поворот к худшему. Кроме того, на наш взгляд, очень удачно и правильно ст. 353 УПК РСФСР закрепляла пределы прав суда первой инстанции, рассматривающего дело повторно после отмены приговора судом вышестоящей инстанции. Поворот к худшему в таком случае допускался исключительно при условии отмены приговора «за мягкостью наказания или в связи с необходимостью применения закона о более тяжком преступлении, а также если при новом расследовании дела после отмены приговора были установлены обстоятельства, свидетельствующие о совершении обвиняемым более тяжкого преступления». Забегая вперед, аналогичное правило в ст. 382 УПК РСФСР закреплялось и для повторного рассмотрения дел после отмены приговора или иного решения судом надзорной инстанции.

Отметим, что теоретическую и практическую ценность представляют позиции, конкретизирующие действие поворота к худшему, которые были выработаны Верховным судом в период действия УПК РСФСР 1960 г. и актуальны на современном этапе развития уголовного процесса. Приведем некоторые из них¹³⁰.

¹³⁰ Килина И.В. Недопустимость поворота к худшему при повторном рассмотрении уголовного дела после отмены приговора или иного решения судом вышестоящей инстанции // Мир юридической науки. 2017. № 12. С. 71.

Так, поворот к худшему не допускается «если при новом рассмотрении дела будут установлены обстоятельства, свидетельствующие о совершении виновным менее тяжкого преступления, если первоначальный приговор отменяется по протесту прокурора за мягкостью наказания, исходя из прежнего объема обвинения (Бюл. ВС РСФСР, 1968, N 10, с. 9)».

Воспринят современным правоприменителем должен быть и тезис Верховного Суда РСФСР о том, что «при повторном рассмотрении дела суд не вправе квалифицировать действия виновного по более тяжкому закону, если первоначальный приговор был отменен не по этому основанию, хотя и по протесту прокурора либо по жалобе потерпевшего (Бюл. ВС РСФСР, 1971, N 9, с. 10)»¹³¹.

К случаям ухудшения положения подсудимого и нарушения его права на защиту в связи с изменением обвинения судами были отнесены случаи: применения закона о более тяжком преступлении, чем то, по которому он предан суду. В частности, применение закона, вмененного органами следствия, если при предании суду действия обвиняемого были квалифицированы по закону о менее тяжком преступлении; признание виновным в преступлениях, эпизодах и фактах преступной деятельности, не вмененных при предании суду; вменение в вину отягчающих обстоятельств, не вмененных при предании суду, а также фактических обстоятельств, существенно отличающихся от тех, по которым он предан суду.

Пределы *reformatio in pejus* были установлены и применительно к деятельности суда надзорной инстанции (ст. 373 УПК РСФСР). В случаях, когда суд надзорной инстанции приходил к выводу о необходимости принятия решения, сопряженного с поворотом к худшему, приговор или определение подлежали отмене с направлением дела для повторного рассмотрения в суд первой или кассационной инстанции.

Как видим, в период действия УПК РСФСР 1960 г. институт поворота к худшему получил более широкое содержание в науке и практике уголовного процесса.

¹³¹ Там же. С. 71.

В рамках данного исторического экскурса сложно обойти стороной вопрос о потребности уголовного судопроизводства в реабилитации апелляции, которая остро начала ощущаться практически сразу после ликвидации данной формы обжалования решений. С течением времени проблема отсутствия в отечественном законодательстве надлежащего закрепления системы проверочных стадий становилась все очевиднее. Международное законодательство обуславливало необходимость закрепления в законе возможности пересмотра вышестоящим судом каждого судебного решения. Такой пересмотр предполагает, что при подаче жалобы, представления вышестоящий суд должен иметь реальную возможность для повторного исследования доказательств. Существующий же суд кассационной инстанции такой возможности был лишен. Суд кассационной инстанции был вынужден принимать на себя не свойственные ему функции суда апелляционной инстанции. Подобная подмена институтов в отечественном уголовном процессе не имела ничего общего с вектором развития институтов обжалования судебных решений, вобравших в себя весь положительный опыт совершенствования законодательства и правоприменения, который был избран развитыми странами западной Европы. Ситуация начала меняться с принятием Верховным Советом РСФСР в 1991 году Концепции судебной реформы¹³². Введение апелляционного производства явилось одним из направлений реформирования. Однако возможность обжалования в апелляционном порядке была предусмотрена только для решений мировых судей. Решения вышестоящих судов по-прежнему могли быть обжалованы в кассационном порядке. Такие изменения не только не разрешили существующих проблем, но и вызвали массу вопросов, в связи с тем, что по наиболее простой категории уголовных дел закон закрепил для участников бóльшие процессуальные гарантии и возможности для проверки законности, обоснованности и справедливости принятых решений. Таким образом, введение в УПК РФ усеченной (только для решений мировых судей) апелляции стало шагом вперед, но разрешить всех проблем с очевидностью не могло.

¹³² О Концепции судебной реформы в РСФСР: Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 N 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. 31 октября. N 44. Ст. 1435.

29 декабря 2010 г. был принят Федеральный закон РФ N 433-ФЗ¹³³, который закрепил в УПК РФ новую гл. 45.1, посвященную производству в суде апелляционной инстанции, гл. 47.1, регламентирующую производство в суде кассационной инстанции и гл. 48.1, регламентирующую производство в суде надзорной инстанции, которые начали действовать с 1 января 2013 г.

Подводя итог ретроспективного исследования российской законодательной регламентации института поворота к худшему, следует отметить, что его закрепление в законодательстве нашей страны напрямую зависело от исторического, экономического и социально-культурного этапа развития государства. Важнейшим документом, впервые комплексно закрепившим недопустимость поворота к худшему, стал Устав уголовного судопроизводства 1864 года. УПК РСФСР 1922 года, к сожалению, сделал шаг назад в решении данного вопроса – формально закрепленный принцип запрета поворота к худшему по УПК РСФСР 1922 года полностью нивелировался практически безграничной возможностью направления уголовного дела на доследование. УПК РСФСР 1960 года закрепил в числе гарантий соблюдения прав лиц, в отношении которых ведется производство по уголовному делу, принцип недопустимости поворота к худшему при производстве в судах кассационной и надзорной инстанций. Правила о пределах допустимости поворота к худшему получили развитие в судебной практике. Вопросы регламентации данного института на современном этапе развития уголовного судопроизводства подробно будут рассмотрены в последующих положениях работы.

¹³³О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 29.12.2010 г. № 433-ФЗ // Российская газета. 2012. 31 декабря.

Глава II. ПОВОРОТ К ХУДШЕМУ ПРИ ОБЖАЛОВАНИИ ИТОГОВЫХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ, ВЫНЕСЕННЫХ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПРОИЗВОДСТВА В РАЗЛИЧНЫХ ФОРМАХ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

§ 1. Процессуальный порядок производства в суде апелляционной инстанции, сопряженный с поворотом к худшему, при обжаловании итоговых решений, вынесенных в общем порядке судебного разбирательства

Системообразующей нормой, влияющей на процедуру производства в суде апелляционной инстанции, является ст. 389.9 УПК РФ. Именно предмет судебного разбирательства предопределяет его процедуру. Основной особенностью данной стадии уголовного процесса является делегирование суду апелляционной инстанции достаточно широкого круга полномочий, включающих в себя, в том числе и принятие (при соблюдении ряда условий) решений, сопряженных с *reformatio in re ius*. Связано это с тем, что решение, подлежащее проверке, еще не вступило в законную силу.

Остановимся на особенностях судебного разбирательства, имеющего своим итогом поворот к худшему. Ключевыми, требующими разрешения в данном контексте, являются вопросы о том, кем может быть инициирован поворот к худшему и каковы пределы ревизионной активности суда при принятии такого решения. Кроме того, важнейшим является вопрос об определении допустимого объема судебного следствия в суде апелляционной инстанции, который бы позволил принимать законное решение, сопряженное с ухудшением правового положения лица.

Итак, выясним, кем может быть инициирован пересмотр уголовного дела в апелляционном порядке, позволяющий суду принять решение, допускающее поворот к худшему. Именно в решении данного вопроса проявляет себя

классический правовой принцип *non reformatio in pejus*, означающий, что суд вышестоящей инстанции не вправе ухудшить положение лица, если при отсутствии просьбы об этом со стороны участников процесса. Уже упоминалось, что УПК РФ не содержит термина «принцип недопустимости поворота к худшему», однако само правило, традиционно представляющее содержание указанного принципа, в Кодексе прописано (ч.1 ст. 389.24 УПК РФ). Полагаем, что для более ясного понимания правоприменителем указанной нормы и с учетом ее фактического содержания, правильным было бы именовать ее «Недопустимость поворота к худшему».

Кроме того, важнейшим моментом, который не нашел ясного отражения в нормах УПК РФ, является уточнение, согласно которому суд вправе принять решение, ухудшающее положение лица, исключительно рамках доводов, изложенных в апелляционной жалобе, представлении. В ином случае, исходя из буквального толкования статьи, суд вправе оправдать поворот к худшему, например, по представлению прокурора, поданному по мотиву тяжести квалификации, суровости наказания или иным мотивам, не связанным с требованием ухудшения лица, что, безусловно, неприемлемо.

Иллюстрацией подобного неверного толкования положений ст. 389.24 УПК может служить следующее уголовное дело. Так, кассационный суд указал на незаконность действий суда второй инстанции, который принял самостоятельное (в отсутствие требований) решение об изменении в отношении Г. приговора путем исключения указания о назначении ей окончательного наказания по правилам ч. 5 ст. 69 УК РФ, что повлекло фактическое ухудшение положения осужденной вследствие увеличения срока отбывания назначенного наказания. По данному уголовному делу прокурором было принесено апелляционное представление, однако в нем ставился вопрос об ухудшении положения осужденной путем изменения условий отбывания назначенного судом дополнительного наказания в

виде ограничения свободы. Вопрос об усилении основного наказания в представлении не ставился¹³⁴.

Представляется, что принцип недопустимости поворота к худшему не должен иметь исключений, поскольку любая гипотетическая возможность того, что подача апелляционной жалобы участником уголовного судопроизводства, представляющим интересы защиты, может привести к ужесточению наказания, либо к иному ухудшению положения осужденного, приведет к вынужденному отказу от своего права на обжалование решения суда. Однако системный анализ норм уголовно-процессуального закона не создает ощущения безусловного действия принципа *non reformatio in rejus*. В первую очередь это связано с действием в уголовном процессе института возвращения уголовного дела прокурору в рамках ст. 237 УПК РФ.

Остановимся на некоторых сложностях, возникающих в процессе применения ст. 237 УПК РФ, связанных с ситуациями, в которых имеет место ухудшение положения обвиняемого. До недавнего времени суд, в соответствии со ст. 252 УПК РФ, обязан был принимать решение по делу в рамках обвинительного заключения (обвинительного акта, обвинительного постановления), не имея возможности и механизма исправления ошибок в квалификации деяния, допущенных правоохранительными органами на стадии предварительного расследования, если такое исправление приводило к ухудшению положения обвиняемого. Ситуация изменилась с принятием Федерального закона от 21.07.2014 г. N 269-ФЗ¹³⁵, дополнившего ч. 1 ст. 237 УПК РФ пунктом 6, позволяющим возвращать уголовное дело прокурору с целью квалификации действий лица, в отношении которого ведется производство, как более тяжкого преступления.

¹³⁴ Постановление президиума Мурманского областного суда № 44У-62/2017 4У-683/2017 от 26 декабря 2017 г. по делу № 1-1/2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/tb3SKqi8bZVV/>.

¹³⁵ О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 г. N 269-ФЗ // Российская газета. 2014. 25 июля.

В научной литературе внесение указанных изменений вызвало большой интерес. Нашлось как немало сторонников, так и достаточно противников закрепления вышеназванных норм.

Для того чтобы разрешить вопрос о допустимости использования института возвращения уголовного дела прокурору для принятия решений, сопряженных с поворотом к худшему, необходимо разобраться с предпосылками указанных законодательных новелл.

Надо сказать, что механизм исправления ошибок, допущенных органами предварительного расследования, объективно необходим. Его отсутствие, во-первых, ведет к нарушению прав потерпевших, во-вторых, лишает суд возможности самостоятельно и независимо осуществлять правосудие, выносить законное решение по уголовному делу. Юридической практике известны два способа устранения судом подобных ошибок: либо посредством возвращения уголовного дела прокурору, либо путем наделения таким полномочием непосредственно суда. Российский законодатель, как видим, избрал первый подход, вероятно, исходя из действия в уголовном процессе принципа состязательности сторон, не позволяющего суду принимать на себя процессуальную функцию обвинения¹³⁶.

Между тем, учеными высказываются различные позиции относительно рассматриваемого вопроса. Н.Ю. Решетова отмечает целесообразность наделения государственного обвинителя возможностью изменять обвинение в судебном разбирательстве, что способствовало бы процессуальной экономии¹³⁷.

М.А. Никонов, рассуждая с позиции теории уголовного иска, полагает, что использование ст. 237 УПК РФ для исправления ошибок квалификации есть лишь «маскировка» переквалификации по инициативе суда. Свою позицию автор

¹³⁶ Килина И.В. Поворот к худшему при возвращении судами уголовного дела прокурору (на основании пункта 6 части 1 статьи 237 УПК РФ) // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2018. № 5. С. 698.

¹³⁷ Решетова Н.Ю. Возможно ли изменение обвинения на новое, ухудшающее положение подсудимого, при рассмотрении уголовного дела судом // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 4 (30). С. 39.

аргументирует тем, что суду при разрешении уголовного дела нужно исходить из того, что ссылка на конкретную норму права (юридическое основание иска) не входит в основание иска, в отличие от фактических обстоятельств дела (фактическое основание иска). И тот факт, что суд не вправе распоряжаться фактическим основанием иска, не мешает суду самостоятельно выбирать подлежащую применению норму права¹³⁸.

Интерес вызывает позиция О.Я. Баева, который предлагает по-разному решать вопрос о возможности исправления судом ошибок квалификации, в зависимости от того, кому причинен вред преступлением. Автор пишет, что «по уголовным делам о преступлениях, когда объектом их посягательств являются не конкретные физические (юридические) лица, а государство в целом (скажем, шпионаж, контрабанда, легализация денежных средств и имущества и т.п.), «поворот к худшему» в судебном уголовном преследовании недопустим»¹³⁹. Если же в результате совершения преступного деяния причинен физический, имущественный, моральный вред конкретным физическим или юридическим лицам, автор считает допустимым «поворот к худшему»¹⁴⁰.

На наш взгляд, с таким предложением сложно согласиться. Баланс частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве достигается путем выделения видов уголовного преследования: частного, частно-публичного и публичного. Кроме того, отсутствие в уголовном деле потерпевшего – физического или юридического лица не должно открывать возможность органам расследования давать заниженную квалификацию действиям того или иного лица. Думается, вопрос должен решаться единообразно, независимо от наличия или отсутствия потерпевшего в уголовном деле¹⁴¹.

Полагаем, сложно подвергнуть сомнению тезис о том, что уголовно-

¹³⁸ Никонов М.А. Переквалификация *in devaforem* // Уголовный процесс. 2013. № 11. [Электронный ресурс]. URL: <https://e.ugpr.ru/article.aspx?aid=323408>.

¹³⁹ Баев О.Я. Поворот к худшему в судебном уголовном преследовании (постановка проблемы и возможные пути ее решения) // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2011. №1. С. 334.

¹⁴⁰ Там же. С. 335.

¹⁴¹ Килина И.В. Указ. Соч. С. 699.

процессуальное законодательство должно закреплять механизм, позволяющий исправлять ошибки квалификации деяния, допущенные органами предварительного расследования. На сегодняшний день таким механизмом выступает институт возвращения уголовного дела прокурору. Однако применим ли указанный механизм в неизменном виде в суде апелляционной инстанции?

На наш взгляд, возвращение судом второй инстанции уголовного дела прокурору в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ *ex officio* напрямую противоречит принципу запрета поворота к худшему. Принятие такого решения апелляционным судом в случае отсутствия соответствующего требования в апелляционной жалобе, представлении недопустимо.

К такому же выводу пришел президиум Верховного суда республики Татарстан, который в своем постановлении указал, что, принимая решение, ухудшающее положение осужденного (о возвращении прокурору для усиления квалификации), апелляционный суд вышел за пределы доводов апелляционной жалобы, чем нарушил требования закона. При таких обстоятельствах апелляционное постановление было отменено, как не соответствующее требованиям закона, дело направлено на новое рассмотрение¹⁴².

Однако существуют примеры судебной практики, иллюстрирующие противоположный подход к решению вопроса о возвращении судом по собственной инициативе уголовного дела прокурору в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ.

Как справедливо отмечает Н.А. Гущина, конкурирующие нормы права, как и коллизии, вообще, ставят правоприменителя в ситуацию выбора нормы, они затрудняют процесс правореализации¹⁴³. Наличие в законе таких спорных норм зачастую приводит к нарушению прав граждан.

¹⁴² Постановление президиума Верховного суда республики Татарстан № 44У-36/2016 4У-3268/2015 от 17 февраля 2016 г. по делу № 44У-36/2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/AC51TxMyUON7/>.

¹⁴³ Гущина Н.А. Коллизии общих и специальных норм права равной юридической силы // СПС «КонсультантПлюс».

Приведенное суждение подтверждается следующим примером. Так, К. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ. Защитник направил апелляционную жалобу в Судебную коллегию по уголовным делам суда Ямало-Ненецкого автономного округа с просьбой отмены приговора в связи с несправедливостью назначенного осужденному наказания. Прокурор и потерпевший, возражая на апелляционную жалобу, указанные в ней доводы нашли не подлежащими удовлетворению, просили оставить приговор без изменения.

В свою очередь, суд апелляционной инстанции *ex officio* пришел к выводу о необходимости отмены обжалуемого приговора, возвращению прокурору уголовного дела в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом.

Считаем, что при принятии решения суд второй инстанции в каждом случае должен соблюдать требования ч. 1 ст. 389.24 УПК РФ, не допуская принятия по собственной инициативе решения, сопряженного с поворотом к худшему, в случаях, когда апелляционное разбирательство было инициировано участниками со стороны и в интересах защиты.

Позиции ученых по данному вопросу расходятся. На наш взгляд, разобраться с решением этой проблемы возможно, оценив суть самого института российской апелляции. Так, в доктрине по сей день ведется дискуссия о том, что представляет собой апелляционное производство в отечественном уголовном процессе: повторный пересмотр дела или проверку состоявшегося решения суда? К данной дискуссии мы обращались в параграфе втором главы первой настоящего исследования и пришли к выводу, что содержание гл. 45.1 УПК не позволяет назвать апелляционное производство повторным пересмотром уголовного дела. Российская законодательная регламентация апелляции не предусматривает эвокацию. А потому и полномочия суда апелляционной инстанции не могут дублировать в полной мере полномочия суда, рассмотревшего дело впервые и по существу. В силу ст. ст. 389.19, 389.24 УПК ревизия допустима исключительно в интересах защиты. Полагаем, что при принятии решения о необходимости

возвращения уголовного дела прокурору для исправления ошибочно заниженной квалификации недопустимо оставлять без внимания вопрос о том, кем и в чьих интересах была инициирована проверка судебного решения. Полагаем, ч. 1 ст. 389.24 УПК и п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК соотносятся как общая и специальная нормы в пользу применения ч. 1 ст. 389.24 УПК¹⁴⁴.

С этой точки зрения справедливо высказывание А.У. Садыкова о том, что «процессуальный институт запрета поворота к худшему исторически возник и развивался с целью не допустить при пересмотре приговора ухудшения положения осужденного, подавшего жалобу для защиты своих интересов»¹⁴⁵.

И.Л. Петрухин точно указывает на то, что важнее обеспечить ничем не ограниченную свободу обжалования приговора, чем установить истину по уголовному делу¹⁴⁶.

Между тем, Конституционный Суд РФ выразил, на наш взгляд, промежуточную позицию по указанному вопросу. Отвечая на запрос Курганского областного суда, высший орган конституционного контроля разъяснил, что в случае наличия представления прокурора или жалобы потерпевшего, ставящих вопрос о *reformatio in re ius* «суд апелляционной инстанции вправе, вне зависимости от отсутствия в представлении или жалобе вопросов о правовой оценке фактических обстоятельств дела, отменить приговор и вернуть уголовное дело прокурору»¹⁴⁷. Таким образом, Конституционный Суд прибегнул к расширительному толкованию положений ст. 389.24 УПК РФ, позволяя суду апелляционной инстанции *ex officio* возвращать уголовное дело прокурору для усиления квалификации деяния, при условии наличия любого требования об ухудшении положения осужденного (пусть даже не связанного с оспариванием

¹⁴⁴ Килина И.В. Указ. соч. С. 701.

¹⁴⁵ Садыков А.У. Ограничения полномочий суда надзорной инстанции запретом поворота к худшему // Общество и право. 2011. №3 (35). С. 239.

¹⁴⁶ Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. М., 2004. Часть I. С. 148.

¹⁴⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2016 N 15-О «По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности положений статьи 252, части первой статьи 389.13, части третьей статьи 389.20 и части первой статьи 389.24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

квалификации деяния). На наш взгляд, с указанной позицией сложно согласиться в силу изложенных выше аргументов.

Нельзя оставить без внимания в контексте исследования вопроса о возможности принятия судом апелляционной инстанции решения, сопряженного с поворотом к худшему, и вопрос о пределах прав суда в тех случаях, когда государственный обвинитель или прокурор в суде апелляционной инстанции настаивает на изменении (в сторону улучшения) или отказывается от обвинения. Решение этой проблемы носит принципиальный характер, поскольку напрямую определяет возможности *reformatio in pejus* в суде апелляционной инстанции.

Так, если исходить из того, что прокурор вправе отказаться от обвинения (полностью или в его части) в суде апелляционной инстанции – поворот к худшему при принятии решения судом второй инстанции будет определяться относительно обвинения, определенного новой позицией прокурора, а не решения суда первой инстанции. Если же взять за основу, что институт отказа от обвинения применим только в суде первой инстанции, для суда второй инстанции высказанная прокурором позиция (пусть даже и мотивированная) не будет являться обязательной.

Четких предписаний относительно регулирования данного вопроса в УПК РФ не содержится. В то же время буквальное толкование положений ч. 3 ст. 37 и ч. 1 ст. 389.13 УПК приводит ряд авторов к выводу, что положения ч. 7 ст. 246 УПК РФ применяются и в апелляционном суде.

По нашему мнению, правило, изложенное в ст. 246 УПК РФ, в соответствии с которым отказ государственного обвинителя от обвинения обязателен для суда, неприменимо в рамках апелляционного разбирательства в силу природы и назначения института апелляции. И вновь аргументом в решении дискуссии выступает тот факт, что проверка судом вышестоящей инстанции законности, обоснованности и справедливости приговора, не вступившего в законную силу, не есть новое повторное рассмотрение уголовного дела. Апелляция разрешает доводы апелляционных жалоб, представлений, а не вопросы, закрепленные в ст. 299 УПК РФ. Прокурор, принося апелляционное представление или выступая в судебном

заседании, лишь излагает позицию относительно решения, принятого судом по существу.

Изученная судебная практика позволяет сделать вывод, что прокуроры зачастую отказываются от обвинения в суде апелляционной инстанции, а суд признает такой отказ обязательным¹⁴⁸, однако в науке наблюдается расхождение мнений по данному вопросу.

Так, С.А. Баранов, Д.С. Лазарев, Е.А. Новикова, А.В. Волченко полагают, что государственный обвинитель в суде апелляционной инстанции вправе занять любую позицию, он может и не поддержать апелляционное представление, а также вовсе отказаться от обвинения либо изменить его¹⁴⁹.

Д.В. Лесик, выступая за принадлежность прокурору права отказа от обвинения в апелляционном суде, ссылается на делящийся (до вступления в законную силу решения) характер уголовного преследования¹⁵⁰.

В.С. Балакшин, Н.А. Жумаканова предлагают закрепить для суда апелляционной инстанции полномочия отменять обвинительный приговор суда первой инстанции и оправдывать подсудимого или прекращать уголовное дело на основании полного отказа государственного обвинителя от обвинения; а также изменять приговор суда первой инстанции на основании частичного отказа государственного обвинителя от обвинения¹⁵¹.

Противоположную позицию высказала Л.А. Воскобитова, которая утверждает о недопустимости отказа прокурора от обвинения в суде второй инстанции. Аргументируя свою позицию, автор пишет, что к моменту

¹⁴⁸ См., например: Апелляционное постановление № 22-1838/2017 от 27 апреля 2017 г. по делу № 22-1838/2017 (Ростовский областной суд). [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/rG7ccOmkmTY1/>.

¹⁴⁹ Баранов С.А., Лазарев Д.С., Новикова Е.А., Волченко А.В. Проблемные вопросы отказа государственного обвинителя об обвинения в суде апелляционной инстанции // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016 (3). С. 81.

¹⁵⁰ Лесик Д.В. Некоторые особенности поддержания государственного обвинения при рассмотрении уголовного дела судом апелляционной инстанции // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 3. С. 180.

¹⁵¹ Балакшин В.С., Жумаканова Н.А. Возможен ли отказ государственного обвинителя от обвинения в апелляционной инстанции // Вестник Удмуртского университета. 2012. № 2. С. 126.

апелляционного разбирательства поздно отказываться от обвинения, поскольку дело уже рассмотрено по существу¹⁵².

Л.А. Курочкина отмечает, что доводы прокурора должны быть проверены в суде апелляционной инстанции, при этом прекращение уголовного дела является правом, а не обязанностью суда¹⁵³.

Убедительной выглядит позиция, высказанная С.А. Трухиным, что отказ прокурора в суде апелляционной инстанции от обвинения недопустим ввиду отсутствия в законе правила о повторном рассмотрении апелляционным судом уголовного дела по правилам суда первой инстанции¹⁵⁴.

Полагаем, что ученые и практики, придерживающиеся позиции о возможности принятия прокурором решения об отказе от обвинения в суде апелляционной инстанции помимо вышеизложенных аргументов, не учитывают еще несколько принципиальных моментов.

Во-первых, распространение действия ч. 7 ст. 246 УПК РФ на апелляцию нарушало бы права потерпевшего, чье участие в суде апелляционной инстанции не является обязательным. В подобной ситуации может случиться так, что потерпевший, полагаящий, что суд второй инстанции будет разрешать доводы, изложенные в апелляционных жалобах, представлениях «на выходе» получит прекращенное уголовное дело в связи с отказом прокурора от обвинения. При этом право на обжалование фактических обстоятельств дела с момента вступления решения в силу им будет утрачено.

Во-вторых, в условиях широкого судебного усмотрения в вопросе о необходимости исследования доказательств, полагаем, сложно обеспечить исполнение позиции Конституционного Суда РФ, указывающего на возможность

¹⁵² Воскобитова Л.А. Апелляция - принципиально новый институт в уголовном судопроизводстве // Апелляция: реалии, тенденции и перспективы. Материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции к 75-летию Нижегородского областного суда (г. Нижний Новгород, 24-25 октября 2013 г.). С. 39.

¹⁵³ Курочкина Л.А. Прокурор в суде апелляционной инстанции: кто он? // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵⁴ Трухин С.А. Предмет и пределы апелляционного разбирательства уголовных дел. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Сергей Алексеевич Трухин. М., 2016. С.182.

заявления государственным обвинителем ходатайства об отказе от обвинения только после исследования доказательств. Изученная судебная практика показала, что на сегодняшний день апелляционные суды часто отказывают сторонам в удовлетворении ходатайств о повторном исследовании доказательств¹⁵⁵.

Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 8 декабря 2003 года N 18-П указал, что «полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения допустим лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты»¹⁵⁶.

Учитывая вышеизложенное, считаем, что, если прокурор в суде апелляционной инстанции заявляет об отказе от обвинения, такой отказ не обязателен для суда второй инстанции.

Обращает на себя внимание также тот факт, что позиция прокурора, принимающего участие в судебном заседании апелляционной инстанции, не всегда совпадает с позицией прокурора (или государственного обвинителя, участвующего в суде первой инстанции), изложенной в апелляционном представлении. Так, в апелляционном постановлении Ростовского областного суда № 22-5421/2013 от 21 августа 2013 г. по делу № 22-5421/2013 судебная коллегия отразила, что в апелляционном представлении помощник прокурора г. Волгодонска Ростовской области А., считает, что «приговор подлежит отмене вследствие несоответствия выводов суда изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, неправильного применения уголовно-процессуального, уголовного закона», просит усилить осужденной наказание, а также удовлетворить требования гражданского иска, в удовлетворении которых суд первой инстанции отказал. При

¹⁵⁵ См: Определение № 10-1240/2015 от 19 марта 2015 г. по делу № 10-1240/2015 (Челябинский областной суд). [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/VqK1uRGZzzxJ/>.

¹⁵⁶ По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 N 18-П // Вестник Конституционного Суда РФ. N 1. 2004.

этом участвующий в судебном заседании прокурор не поддержала доводов представления и просила приговор оставить без изменения¹⁵⁷.

Представляется, что в тех случаях, когда требование об ухудшении положения лица изложено в апелляционном представлении, но не поддержано прокурором в ходе судебного заседания, поворот к худшему недопустим¹⁵⁸.

Возможна и обратная ситуация, когда из содержания апелляционного представления четко не вытекает требования об ухудшении положения лица, а в ходе заседания суда апелляционной инстанции прокурор на таком ухудшении настаивает¹⁵⁹.

Таким образом, правилом, определяющим влияние позиции прокурора на возможность принятия решения судом апелляционной инстанции, является тезис о том, что суд апелляционной инстанции вправе принять решение, сопряженное с поворотом к худшему, только в случае, когда требование об этом вытекает из апелляционного представления. Такое требование должно быть конкретным, поданным в пределах сроков апелляционного обжалования, а также поддержано прокурором, принимающим участие в судебном заседании апелляционной инстанции.

Как уже отмечалось в нашем исследовании, суд апелляционной инстанции обладает достаточно широким кругом полномочий по принятию решений, в том числе ухудшающих положение лица, в отношении которого ведется производство по делу. Представляется, что для принятия решения, сопряженного с поворотом к худшему, возникает необходимость непосредственного исследования доказательств по делу. УПК РФ, на сегодняшний день, не содержит предписаний

¹⁵⁷ Апелляционное постановление Ростовского областного суда от 21 августа 2013 г. по делу № 22-5421/2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/iMrPGmbD5bUu/>

¹⁵⁸ Аналогичная позиция высказана С.А. Трухиным, см.: Трухин С.А. Предмет и пределы апелляционного разбирательства уголовных дел. Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Сергей Алексеевич Трухин. М., 2016. С.165.

¹⁵⁹ См.: Апелляционное постановление Ачинского городского суда Красноярского края № 10-29/2016 от 30 августа 2016 г. по делу № 10-29/2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/9T1c8R9FoKQn/>.

непосредственного исследования доказательств, адресованных судам апелляционной инстанции.

А.А. Плашевская, на наш взгляд, обоснованно предлагает закрепить в законе запрет *reformatio in pejus*, если апелляционное производство осуществлялось без непосредственной проверки судом апелляционной инстанции доказательств, исследованных судом первой инстанции»¹⁶⁰.

Однако полагаем, что указанное предложение требует некоторого уточнения, связанного с тем, что исследование доказательств судом апелляционной инстанции при принятии решения, ухудшающего положение лица, необходимо в тех случаях, когда пересмотру подлежит именно фактическая (а не юридическая) сторона уголовного дела. В том случае, когда требование об ухудшении положения лица касается процессуальных нарушений (например, судом допущена ошибка при исчислении срока наказания и т.п.) императивное требование повторно исследовать доказательства видится нам излишним.

Представляется необходимым закрепить в УПК РФ правила, в силу которого принятие судом апелляционной инстанции решения, сопряженного с *reformatio in pejus* в случае, если пересмотру подлежит фактическая сторона дела, не допускается без непосредственного исследования судом доказательств по уголовному делу.

Таким образом, процедура принятия судом апелляционной инстанции решения, сопряженного с поворотом к худшему, имеет перечисленные выше особенности, обусловленные необходимостью пристального внимания к соблюдению принципа свободы обжалования приговора или иного решения.

Вышеизложенное позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, в суде второй инстанции начинает действовать принцип запрета поворота к худшему. Во-вторых, ревизионная активность суда допускается только, в интересах стороны защиты. В-третьих, п. 6 ч. 1 ст. 237 и ч. 1 ст. 389.24 УПК РФ соотносятся как общая и

¹⁶⁰ Плашевская А.А. Апелляционный порядок проверки судебного приговора по уголовному делу в соответствии с ФЗ от 29 декабря 2010 г.: проблемные перспективы // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. С. 142.

специальная норма соответственно. *Ex officio* такое возвращение уголовного дела прокурору возможно из суда первой инстанции, рассматривающего уголовное дело по существу. Для возвращения уголовного дела на основании п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК из суда апелляционной инстанции требуется, чтобы требование об этом содержалось в апелляционной жалобе или представлении. В-четвертых, правило, предусмотренное ч. 7 ст. 246 УПК об в суде второй инстанции не применимо. В-пятых, если государственным обвинителем и (или) вышестоящим прокурором принесена жалоба, представление с требованием, направленным на ухудшение положения осужденного, то суд вправе принять такое решение, только если доводы представления были поддержаны в судебном заседании. В-шестых, представляется необходимым закрепление в законе правила, согласно которому, суд апелляционной инстанции не может принять решение, сопряженное с поворотом к худшему в части, касающейся фактической стороны уголовного дела, без непосредственного исследования доказательств.

§ 2. Поворот к худшему при обжаловании не вступивших в законную силу приговоров, вынесенных в порядке, предусмотренном главами 40, 40.1 УПК РФ

Новеллами уголовного процесса при принятии нового процессуального Кодекса стало закрепление в нём глав 40, и 40.1, закрепляющих особый порядок принятия судебных решений в отношении лиц, заявивших о согласии с предъявленным обвинением, а также для лиц, выразивших желание сотрудничать с органами расследования¹⁶¹.

¹⁶¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.06.2009 № 141-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 26. Ст. 3139.

По данным судебной статистики, опубликованной Судебным Департаментом при Верховном Суде РФ, федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями в особом порядке, в соответствии со ст. ст. 316, 317.7 УПК РФ в 2017 году рассмотрено 615 234 из 914 965 уголовных дел (67,2 %) в 2016 году 640 567 из 963 930 уголовных дел (66,4 %), в 2015 году 631 931 из 962 636 уголовных дел (65,6 %), в 2014 году 606 468 из 936 525 (64,7%) уголовных дел¹⁶².

Таким образом, большинство уголовных дел в России из года в год сопровождается применением особой процессуальной формы к лицам, согласившимся с предъявленным обвинением. Указанная тенденция однозначно свидетельствует о необходимости обеспечения гарантий соблюдения прав и законных интересов лиц, отказывающихся от полноценного судебного разбирательства, а вместе с ним и от ряда прав, предусмотренных процессуальным законодательством.

Полагаем, вопрос об особенностях апелляционного обжалования приговоров, постановленных в особом порядке, не может быть разрешен без уяснения сущности, правовой природы и предпосылок появления указанных институтов в российской правовой действительности.

Нельзя не отметить повышенный интерес ученых к особым производствам в уголовном процессе. Имеется большое количество научных публикаций, кандидатских и докторских диссертаций, посвященных различным аспектам институтов, регламентированных в гл. гл. 40, 40.1 УПК¹⁶³.

¹⁶² Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4151>.

¹⁶³ Абрамова Н.Г., Чугаева В.В. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве как эффективное средство борьбы с организованной преступностью // Российская юстиция. 2016. № 7. С. 31 - 33. Абшилава Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Абшилава Георгий Валерьянович. Москва, 2012. 55 с. Бочкарев А.Е. Особый порядок судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Бочкарев Александр Евгеньевич. Владимир, 2005. 216 с. Глухов Д.В. Совершенствование института особого порядка судебного разбирательства в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Глухов Дмитрий Викторович. Санкт-Петербург, 2012. 25 с. Дудина Н.А. Порядок производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как процессуальная форма деятельного раскаяния: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 /

Правовая природа указанных институтов различна. Согласимся с суждениями авторов, отмечающих, что расположение их в одном разделе кодекса является не совсем логичным¹⁶⁴. Связано это с тем, что гл. 40.1 УПК, по сути, отражает особенности не судебного разбирательства, а, по большей части, досудебного производства.

Разрабатывая указанные институты, законодатель преследовал различные цели. Особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением был призван ускорить уголовно-процессуальную деятельность в судебных стадиях. Предусматривая в УПК новую гл. 40.1, законодатель ставил задачу повысить эффективность борьбы с организованной преступностью, именно эта цель определяет сущность института досудебного соглашения о сотрудничестве.

Дудина Надежда Афанасьевна. Томск, 2015. Иванов А.А. Теоретические и организационно-правовые аспекты реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Иванов Андрей Андреевич. Н. Новгород, 2013. 265 с. Качалова О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Качалова Оксана Валентиновна. М., 2016. С. 482. Косарева А. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве // ЭЖ-Юрист. 2016. N 25. С. 8. Овсянников И.В. Допустимо ли заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетним? // Законность. 2016. 6. С. 57 - 60. Пилюк А.В. Сравнительный анализ современных упрощенных процедур уголовного судопроизводства Российской Федерации и сокращенного порядка уголовного судопроизводства по Судебным уставам 1864 года // Российская юстиция. 2016. N 5. С. 34 - 36. Россинский С.Б. Особый порядок судебного разбирательства как форма доказывания обстоятельств уголовного дела: возражения оппонентам // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. N 4. С. 40 - 48. Сычев П.Г. Теория дифференциации уголовного судопроизводства: понятие, задачи и направления // Российский следователь. 2015. N 19. С. 29 - 35. Тисен О.Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Тисен Ольга Николаевна. Оренбург, 2017. 487 с. Тонков В.Е. Особый порядок судебного разбирательства: влияние сокращенной формы судопроизводства на реализацию конституционных принципов // Актуальные проблемы российского права. 2014. N 11. С. 2587 - 2591. Шарапова Д.В. Основания апелляционного обжалования приговора, постановленного в особом порядке судебного разбирательства // Адвокатская практика. 2016. N 3. С. 49 - 52. Якимович Ю.К. Актуальные вопросы дифференциации российского уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2015. N 12. С. 123 - 130.

¹⁶⁴ Глухов Д.В. Совершенствование института особого порядка судебного разбирательства в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Глухов Дмитрий Викторович. Санкт-Петербург, 2012. С. 8. Касаткина С.А. Признание обвиняемого: монография // СПС «КонсультантПлюс». Тисен О.Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Тисен Ольга Николаевна. Оренбург, 2017. С. 19.

Ученые по-разному оценивают правовую природу особых порядков, предусмотренных главами 40 и 40.1 УПК.

О.В. Качалова определяет процессуальные формы, закрепленные в гл. гл. 40, 40.1 УПК, как «включенные в институт ускоренного производства субинституты»¹⁶⁵.

В.Е. Тонков использует термин «сокращенные формы судопроизводства»¹⁶⁶.

Г.В. Абшилава, О.Н. Тисен характеризуют их как согласительные процедуры¹⁶⁷.

Отсутствует единство мнений и при оценке каждого института в отдельности. Применительно к гл. 40 УПК можно встретить различную терминологию: «делка с правосудием», «делка о признании вины», «ускоренное производство», «упрощенное производство» и т.п.

А.Е. Бочкарев определяет особый процессуальный порядок, предусмотренный гл. 40 УПК, как разновидность упрощенного производства¹⁶⁸. Аналогичного мнения придерживается Л.Г. Татьяна¹⁶⁹.

Ю.К. Орлов приходит к выводу, что «...особый порядок судопроизводства по УПК РФ (речь о главе 40 – И.К.) обладает всеми признаками сделки»¹⁷⁰. К таким признакам автор относит: 1. Цель (помимо экономичности) – получение признания обвиняемого и (или) даже его раскаяния. 2. Сделка о признании вины осуществляется только по желанию сторон, в отличие от упрощенного порядка, который применяется автоматически и от желания сторон не зависит. 3. При сделке

¹⁶⁵ Качалова О.В. Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе. Монография // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶⁶ Тонков В.Е. Особый порядок судебного разбирательства: влияние сокращенной формы судопроизводства на реализацию конституционных принципов // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶⁷ Абшилава Г.В. Указ. соч. Тисен О.Н. Указ. соч.

¹⁶⁸ Бочкарев А.Е. Особый порядок судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Бочкарев Александр Евгеньевич. Владимир, 2005. С. 11.

¹⁶⁹ Татьяна Л.Г. Особый порядок принятия судебного решения // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷⁰ Орлов Ю.К. Особый порядок судебного разбирательства: упрощенная форма или сделка о признании вины? // Российская юстиция. 2009. N 11. С. 48–49.

каждая сторона получает какую-то выгоду, при упрощенном производстве обвиняемый никаких льгот не получает.

А.С. Александров, А.Ф. Кучин и А.Г. Смолин пишут, что «... в настоящее время институт, предусмотренный главой 40 УПК, не может считаться сделкой о признании. Прежде всего из-за предписанной законом роли судьи, который может по своему усмотрению поломать соглашение сторон, если посчитает, что обвинение не обоснованно»¹⁷¹.

По-разному авторы определяют и правовую природу института досудебного соглашения о сотрудничестве.

О.Я. Баев применительно к досудебному соглашению прокурора с подозреваемым или обвиняемым о сотрудничестве употребляет термин «сделка с правосудием»¹⁷².

С.А. Касаткина, отмечая наличие некоторых схожих черт, полагает, что «основным вопросом, разрешаемым сделкой о признании вины, является вопрос виновности обвиняемого в совершении того преступления, обвинение в котором предъявлено прокурором. Предметом досудебного соглашения о сотрудничестве является не столько согласование виновности обвиняемого, сколько определение условий сотрудничества обвиняемого со следствием в целях раскрытия иных преступлений, обнаружения сообщников, розыска имущества, добытого преступным путем»¹⁷³. Схожая позиция высказана Х.М. Хупсергеновым¹⁷⁴.

На наш взгляд, особый порядок принятия судебного решения при согласии с предъявленным обвинением относится к категории упрощенных производств, предполагающих отказ от некоторых этапов уголовного процесса (в данном случае полноценного судебного следствия, объем которого, в свою очередь, влияет на

¹⁷¹ Александров А.С., Кучин А.Ф., Смолин А.Г. Правовая природа института, регламентированного гл. 40 УПК РФ // Российский судья. 2007. № 7. С. 3–4.

¹⁷² Баев О.Я. Посягательства на доказательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷³ Касаткина С.А. Признание обвиняемого: монография // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷⁴ Хупсергенов Х.М. Обеспечение прав потерпевшего при рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Хупсергенов Хачим Мухамедович. Краснодар, 2009. С. 77–87.

объем прений сторон и пределы апелляционного обжалования) в пользу процессуальной экономии. В свою очередь институт досудебного соглашения о сотрудничестве назвать упрощенным производством (несмотря на отнесение его некоторыми авторами к таковым¹⁷⁵) можно только с большой долей условности. Согласимся с О.Н. Тисен, отмечающей, что «...упрощение производства имеет место лишь на стадии судебного разбирательства и только при соблюдении предусмотренных законом условий. В ходе предварительного расследования производство по уголовным делам рассматриваемой категории значительно усложняется». Сложно, по нашему мнению, назвать досудебное соглашение о сотрудничестве и «делкой о признании вины», поскольку получение согласия обвиняемого с предъявленным обвинением является лишь одним из процессуальных условий применения указанного института, а не его целью, основным же назначением института является получение информации, способствующей раскрытию совершенного преступления. Кроме того, использование термина «делка о признании вины» с неизбежностью привело бы к отождествлению российского института с американским, однако такое отождествление недопустимо в силу различия назначения, процедуры и содержания сравниваемых понятий. Таким образом, рассмотрение дел в порядке гл. 40.1 УПК является результатом дифференциации процессуальной формы и обусловлено необходимостью повышения уровня борьбы с организованной преступностью.

Рассмотрев ряд необходимых общих положений, перейдем к исследованию основного вопроса – о допустимости поворота к худшему при обжаловании решений, вынесенных в особом порядке. Вопрос о *reformatio in rejus* при обжаловании приговоров или иных решений, принятых в порядке гл. 40 УПК РФ, рассмотрим сквозь призму правил допустимости поворота к худшему,

¹⁷⁵ Головинский М.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве: нормативно-правовое регулирование и практика применения: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.09 / Головинский Максим Михайлович. Владимир, 2011. С. 10.

применяемых в рамках ординарного производства, в совокупности с особенностями, продиктованными этой формой судопроизводства.

Принципиальное значение имеет вопрос о том, допустим ли поворот к худшему для лица, которое, рассчитывая, что взамен ему будет назначено менее строгое наказание, согласилось с предъявленным обвинением, в тех случаях, когда по обстоятельствам, независящим от обвиняемого, судья принимает решение о переходе на общий порядок рассмотрения уголовного дела.

По нашему мнению, гарантией соблюдения прав подсудимого и его защитой от злоупотреблений со стороны должностных лиц, будет выступать предписание о назначении наказания по правилам, предусмотренным ч. 7 ст. 316 УПК РФ в случаях, когда по причинам, независящим от лица, согласившегося с предъявленным обвинением и заявившим ходатайство о постановлении приговора в особом порядке, разбирательство осуществляется в общем порядке. Обратная ситуация с неизбежностью привела бы к снижению доверия со стороны обвиняемого к институту особого порядка судебного разбирательства и к правоохранительным органам в целом.

Так, З. в порядке гл. 40 УПК был осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 166 УК РФ. Судом апелляционной инстанции приговор отменен, дело направлено на новое рассмотрение, поскольку судом вопреки требованиям ч. 1 ст. 314 УПК РФ не было принято во внимание возражение государственного обвинителя против рассмотрения дела в особом порядке. При этом суд указал, что срок наказания необходимо определять соответственно льготным пределам, определенным в ч. 7 ст. 316 УПК РФ¹⁷⁶.

Такая позиция суда представляется вполне обоснованной, полагаем, она должна найти отражение в тексте УПК РФ. В связи с чем, предлагаем ч. 6 ст. 316 УПК РФ изложить в следующем варианте: «в случаях, когда по причинам, независящим от лица, согласившегося с предъявленным обвинением и заявившего

¹⁷⁶ Обзор апелляционной и кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда за шесть месяцев 2014 года (утв. Президиумом Красноярского краевого суда 22.07.2014) // Буква закона. N 91. 2014.

ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства, судебное разбирательство проведено в общем порядке, суд назначает наказание при соблюдении требований ч. 7 ст. 316 УПК РФ».

Разделяем также замечание В.Е. Тонкова о том, что, соглашаясь на особый порядок «надеется лицо и на освобождение его от процессуальных издержек в случае сокращенной процедуры судопроизводства»¹⁷⁷. Справедливым будет сохранять в подобной ситуации и указанную льготу.

Аналогичную позицию Верховный Суд РФ, высказал применительно к правилам назначения наказания лицам, подписавшим досудебное соглашение о сотрудничестве¹⁷⁸.

Следующей важной особенностью обжалования приговора, постановленного судом в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, является недопустимость оспаривания в суде второй инстанции фактических обстоятельств уголовного дела. Мнения ученых относительно обоснованности исключения возможности обжалования по основанию, предусмотренному п. 1 ст. 389.15 УПК РФ разделились. Можно выделить две группы ученых:

1) указывающих на недопустимость исключения указанного основания из общего числа оснований обжалования приговоров, постановленных в особом порядке судебного разбирательства¹⁷⁹;

¹⁷⁷ Тонков В.Е. Особый порядок судебного разбирательства: влияние сокращенной формы судопроизводства на реализацию конституционных принципов // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷⁸ См.: О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 N 16 // Российская газета. 2012. 11 июля.

¹⁷⁹ Васильев О.Л. Новый этап реформы досудебных стадий уголовного процесса. Критический анализ новелл 2013 г. // Закон. 2013. N 8; Доля Е.А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Российский судья. 2013; Кувалдина Ю.В. Обжалование приговоров, постановленных в особом порядке: настоящее и будущее // Уголовное судопроизводство. 2011. N 3; Мазина Н.Н. Апелляционное производство в современном уголовном процессе России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Мазина Наталья Николаевна. М., 2015. С. 11 - 12. Сапронова Т. Пересмотр уголовных дел в надзорном порядке // Законность. 2010. N 11; Татьяна Л. Особый порядок принятия судебного решения // СПС «КонсультантПлюс»; Трубникова Т.В. Упрощенные судебные производства в УПК РФ // Проблемы уголовного процесса в свете нового Уголовно-процессуального кодекса РФ. Томск, 2002. С. 35; Пилюк А.В. Некоторые проблемные аспекты особого порядка разрешения уголовных дел // Российская юстиция. 2014. N 2.

2) обосновывающих разумность и допустимость подхода законодателя по этому вопросу¹⁸⁰;

Так, Л.Г. Татьяна отмечает, что «основания для отмены приговора являются едиными, поэтому нельзя в зависимости от порядка судебного разбирательства изменять их. Указанный мотив может иметь место в случаях, когда судья в приговоре описывает события не в соответствии с доказательствами, находящимися в уголовном деле»¹⁸¹.

Н.Н. Мазина считает запрет обжалования по указанному основанию «надуманным препятствием реализации эффективной судебной защиты»¹⁸².

Основным аргументом «в пользу» ограничения пределов обжалования служит тезис о том, что решение вопроса о несоответствии выводов суда фактическим обстоятельствам требует полноценного судебного следствия, которое не предусмотрено указанным институтом, а также тот факт, что лицо добровольно согласилось с предъявленным обвинением и в части квалификации, и в части описания фактической стороны деяния.

Так, Ж.К. Конярова видит обоснованным, вытекающим из правовой природы особого порядка, исключение из числа оснований обжалования оспаривание фактических обстоятельств¹⁸³.

¹⁸⁰ Конярова Ж.К. Специфика обжалования судебных решений, постановленных в особом порядке: при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением; при заключении с обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве // *Мировой судья*. 2011. № 1. С. 24.; Касаткина С.А. Признание обвиняемого: монография. М.: Проспект, 2010. 224 с. Качалова О.В. Пересмотр приговоров, постановленных в особом порядке судебного разбирательства, в суде апелляционной инстанции // *Российский судья*. 2015. № 12. С. 32–36. Алтынникова Л.И. Особенности реализации состязательности в апелляционном производстве по уголовным делам, рассмотренным в особом порядке судебного разбирательства // *Мировой судья*. 2016. № 8. С. 14–19.

¹⁸¹ Татьяна Л.Г. Особый порядок принятия судебного решения // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸² Мазина Н.Н. Апелляционное производство в современном уголовном процессе России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Мазина Наталья Николаевна. М., 2015. С. 11–12.

¹⁸³ Конярова Ж.К. Специфика обжалования судебных решений, постановленных в особом порядке: при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением; при заключении с обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве // СПС «КонсультантПлюс».

Л.И. Алтынникова полагает, что «наделение сторон таким правом может привести к злоупотреблению правом обжалования»¹⁸⁴.

О.В. Качалова отмечает, что возможность обжалования по рассматриваемому спорному основанию стала бы нарушением всякой процессуальной логики и привела бы к трансформации ускоренного производства в удлинённое¹⁸⁵.

На наш взгляд, приведённая проблема тесно переплетается с вопросом о разграничении понятий признание вины и согласие с предъявленным обвинением и, как следствие, с требованием российского законодательства о проверке судом при рассмотрении уголовного дела в особом порядке обоснованности обвинения. Необходимо выяснить, что означает «согласие с предъявленным обвинением» и в чем его принципиальное отличие от «признания обвиняемым своей вины».

О.Н. Тисен полагает, что признание вины (в отличие от согласия с предъявленным обвинением) не всегда предполагает согласие с правовой квалификацией деяния¹⁸⁶.

А. Косарева, отмечая различную природу указанных понятий, полагает, что признание вины представляется логичным рассматривать именно как психическое отношение лица к совершенному деянию¹⁸⁷.

Свою позицию относительно содержания понятия «согласие с предъявленным обвинением» выразил и Верховный Суд РФ, указав что «под обвинением, с которым соглашается обвиняемый, ... следует понимать фактические обстоятельства содеянного обвиняемым, форму вины, мотивы

¹⁸⁴ Алтынникова Л.И. Особенности реализации состязательности в апелляционном производстве по уголовным делам, рассмотренным в особом порядке судебного разбирательства // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸⁵ Качалова О.В. Пересмотр приговоров, постановленных в особом порядке судебного разбирательства, в суде апелляционной инстанции // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸⁶ Тисен О.Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Тисен Ольга Николаевна. Оренбург, 2017. С. 63.

¹⁸⁷ Косарева А. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве // ЭЖ-Юрист. 2016. N 25. С. 8.

совершения деяния, юридическую оценку содеянного, а также характер и размер вреда, причиненного деянием обвиняемого»¹⁸⁸.

Таким образом, можно констатировать, что государство в лице правоохранительных органов формулирует обвинение, включающее как описание фактических обстоятельств (времени, места совершения преступления и т.д.), так и обозначает свою позицию конкретной квалификацией по пункту, части и статье Особенной части УК РФ. Обвиняемый соглашается в совокупности и с описанием совершенного деяния и с данной органами расследования правовой квалификацией. Исходя из этого, нелогичным видится предоставление дальнейшей возможности оспаривания в вышестоящем суде обстоятельств, с которыми лицо согласилось (добровольно, после консультаций с защитником и т.д.).

Однако в таком случае неучтенными остаются несколько моментов: как поступать суду апелляционной инстанции, в случае, если он придет к выводу, что обвинение, с которым согласился обвиняемый, не подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу? И как обвиняемый может защитить свои права в том случае, когда описание фактических обстоятельств совершенного преступления в приговоре расходится с описанием, изложенным в обвинительном акте, обвинительном заключении (с которым, собственно, соглашался обвиняемый)? Полагаем, что недопустимо лишать суд апелляционной инстанции возможности проверить обоснованность обвинения.

Л.И. Алтынникова справедливо замечает связь между несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом, и необоснованностью предъявленного обвинения¹⁸⁹.

¹⁸⁸ О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 N 60 // Российская газета, N 286, декабрь. 2006.

¹⁸⁹ Алтынникова Л.И. Особенности реализации состязательности в апелляционном производстве по уголовным делам, рассмотренным в особом порядке судебного разбирательства // СПС «КонсультантПлюс».

Д.В. Шарапова отмечает, что в случаях, когда суд не выполнил обязанность по проверке обоснованности обвинения имеет место незаконность приговора¹⁹⁰.

Достаточно компромиссное, на наш взгляд, решение вопроса было предложено О.В. Качаловой, которая предлагает разрешить суду второй инстанции отменять или изменять приговор ввиду несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела, при сохранении существующего запрета на обжалование по указанному основанию¹⁹¹.

Полагаем, что запрет оспаривания фактических обстоятельств в вышестоящем суде является вполне разумным и подчеркивает основную особенность этой формы судебного разбирательства, которая заключается в отсутствии необходимости полноценного судебного следствия. В то же время в случае, когда судья апелляционной инстанции приходит к выводу о том, что обвинение является необоснованным и не подтверждается собранными по делу доказательствами, имеет место нарушение процедуры (отсутствие необходимого условия, при соблюдении которого возможно рассмотрение уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства). В таком случае нет никаких преград для принятия соответствующего решения со ссылкой на нарушение уголовно-процессуального закона. Аналогично, в тех ситуациях, когда суд в приговоре привел описание совершенного преступления принципиально отличное от того, что изложено органами расследования – осужденный должен обжаловать приговор, ссылаясь на его незаконность, ввиду нарушения требований ст. 252 УПК РФ о пределах судебного разбирательства.

Далее рассмотрим особенности реализации поворота к худшему при апелляционной проверке не вступившего в законную силу приговора, вынесенного в порядке гл. 40.1 УПК.

¹⁹⁰ Шарапова Д.В. Основания апелляционного обжалования приговора, постановленного в особом порядке судебного разбирательства // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹¹ Качалова О.В. Пересмотр приговоров, постановленных в особом порядке судебного разбирательства, в суде апелляционной инстанции // СПС «КонсультантПлюс».

Среди предусмотренных УПК РФ гарантий соблюдения прав подозреваемых, обвиняемых, при производстве в порядке гл. 40.1 УПК РФ можно назвать: 1) проведение судебного заседания с обязательным участием подсудимого, его защитника, государственного обвинителя (ч. 1 ст. 246, ч. 2 ст. 317.7 УПК РФ); 2) применение при необходимости мер безопасности, в отношении подозреваемого или обвиняемого (ст. 317.9 УК РФ); 3) отсутствие у потерпевшего возможности, выразив несогласие, блокировать применение условий досудебного соглашения.

Для уголовных дел, производство по которым ведется в порядке гл. 40.1 УПК РФ, закон устанавливает особенности рассмотрения, как в суде первой инстанции, так и в последующих стадиях при пересмотре приговора, до и после вступления его в законную силу. Поворот к худшему при апелляционном обжаловании приговора, вынесенного в этой форме судебного разбирательства, осуществляется при соблюдении следующих правил.

Во-первых, в апелляционном производстве при обжаловании приговора, постановленного в порядке гл. 40.1 УПК РФ действует принцип *non reformatio in rejus*, не позволяющий ухудшать положение лица, если требование об этом не содержится в апелляционной жалобе или представлении.

Во-вторых, свобода усмотрения суда при назначении наказания ограничивается пределами поощрительной санкции, гарантированной осужденному досудебным соглашением о сотрудничестве и правилами назначения наказания, предписанными ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ. Верховный Суд РФ выразил позицию о том, что в тех случаях, когда условия досудебного соглашения осужденным были соблюдены, прокурором соглашение не было расторгнуто или изменено, суд не вправе усиливать наказание, выходя за пределы поощрительной санкции, и, лишая, тем самым, осужденного гарантированных ему преимуществ¹⁹².

¹⁹² О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (п. 16): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 N 16 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. N 9.

В-третьих, учитывая положения ст. 317 УПК РФ, в апелляционной процедуре недопустимо исследование доказательств, подтверждающих либо опровергающих обвинение¹⁹³.

В-четвертых, п. 6 ст. 389.15 УПК РФ¹⁹⁴ предусматривает специальное основание отмены или изменения приговора, закрепленное в законе в 2016 году¹⁹⁵.

Исследование судебных решений, принятых в рамках гл. 40.1 УПК РФ, выявило ряд проблем практического свойства. Остановимся на следующем примере. Так, П. заключил с прокурором досудебное соглашение о сотрудничестве, в рамках которого изобличил преступную деятельность лиц Е., К., Р., М., К., М. вместе с которыми П. занимался преступной деятельностью по незаконному обороту наркотических средств. После чего, в отношении П. был вынесен приговор, которым он был признан виновным в организации преступного сообщества (ст. 210 УК РФ) наряду с незаконным оборотом наркотических средств. Однако, по тем же самым фактическим обстоятельствам позднее Е., К., Р., М., К., М. по ст. 210 УК РФ были оправданы ввиду отсутствия в их действиях состава преступления.

По уголовному делу в отношении соучастников данного преступления имело место полноценное исследование доказательств в условиях состязательности сторон, оценив которые, суд не усмотрел признаков преступного сообщества в действиях подсудимых. Суд посчитал, что выводы стороны обвинения о создании преступного сообщества являлись предположительными и основаны на фактах изъятия у подсудимых наркотических средств в крупном и особо крупном размере, результатах большого количества проведенных в этих целях оперативно-розыскных мероприятий, которые сами по себе не дают оснований для вывода о

¹⁹³ Там же. Пункт 15.

¹⁹⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу совершенствования порядка судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: Федеральный закон от 3 июля 2016 N 322-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. N 27 (часть II). ст. 4255.

¹⁹⁵ Однако, исходя из данных отчета Судебного департамента при Верховном Суде РФ о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке за первое полугодие 2017 года, по указанному основанию приговоры не изменялись и не отменялись.

том, что в содеянном подсудимыми имеются объективные и субъективные признаки преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ¹⁹⁶.

Отметим, что судебной практике известно множество подобных примеров¹⁹⁷, в связи с чем вопрос об обеспечении соблюдения прав и законных интересов осужденных, оказавшихся в ситуации, когда избалованные ими соучастники преступления по тем же фактическим обстоятельствам в последствии оправданы или осуждены по статье Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за менее тяжкое преступление, заслуживает более пристального внимания.

Как это не парадоксально, момент вынесения в отношении соучастников преступления оправдательного приговора является для осужденного моментом, с которого имеет место начало поворота к худшему для указанного лица, и, подобное состояние прекращается лишь в момент прекращения в отношении него уголовного дела / уголовного преследования в связи с непричастностью к совершению преступления. При этом очевидно, что вышестоящие суды обязаны в силу преюдициального значения приговоров, вынесенных в общем порядке, прекращать уголовное дело / уголовное преследование в отношении лица, приговор которому вынесен в порядке гл. 40.1 УПК РФ. Однако, как избежать ситуаций, в которых обвинительные приговоры, вынесенные в порядке гл. 40.1 УПК РФ, противоречащие приговору суда в отношении соучастника преступления, судебное разбирательство, в отношении которого проводилось в общем порядке, останутся не пересмотренными? Особую важность в таких случаях приобретает вопрос инициирования пересмотра уголовного дела. Анализ судебной практики показывает, что в ряде случаев прокурором в подобной ситуации не вносилось представления. Полагаем, в подобных случаях органы прокуратуры должны

¹⁹⁶ Приговор Новгородского областного суда от 21 мая 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/lZ7Z4p8PdWZ1/>.

¹⁹⁷ См. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 23 мая 2012 г. дело № 65-П12. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/vsrf/doc/ckiSGGWJOrgO/>. Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 7 октября 2014 года по делу №22-6666/2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/N0o9IoMmAY1K/> и др.

подходить к выявлению упомянутых нарушений с особой внимательностью. В обязательном порядке вносить при обнаружении противоречивых приговоров, вынесенных по одним и тем же фактическим обстоятельствам, апелляционные представления либо инициировать возобновление уголовного дела ввиду новых обстоятельств.

Недопущению подобных ситуаций мог бы способствовать также предлагаемый учеными-процессуалистами порядок рассмотрения уголовных дел в порядке гл. 40.1 УПК РФ, при котором выделенное в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве уголовное дело рассматривается после вступления в силу приговора по уголовному делу в отношении изобличенных соучастников преступления¹⁹⁸.

Предложенный подход, на наш взгляд, имеет ряд преимуществ и должен быть воспринят законодателем. Во-первых, он позволяет при вынесении решения по выделенному делу более обоснованно оценить вклад лица, сотрудничающего с органами расследования, в раскрытие и расследование преступления, во-вторых, позволит еще до вынесения приговора с применением «льготы» при назначении наказания исключить ложность показаний лица, сотрудничающего с правоохранительными органами, в-третьих, позволит избежать приведенных выше ситуаций, когда лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве по тем же фактическим обстоятельствам, что и изобличенные им соучастники, привлекается к ответственности за более тяжкое преступление.

¹⁹⁸ См.: Курченко В.Н. Ошибки при рассмотрении уголовных дел в случае наличия досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2012. № 3. С. 10–19. Александров Р.А. Проблемы рассмотрения в особом порядке уголовных дел при заключенном досудебном соглашении о сотрудничестве, вызванные смешением различных институтов «сделок с правосудием» // Российский судья. 2015. № 6. С. 26–30. Тисен О.Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Тисен Ольга Николаевна. Оренбург, 2017. С. 234.

В этой связи обосновано также предложение О.Н. Тисен о дополнении ч. 1 ст. 208 УПК РФ специальным основанием приостановления предварительного следствия¹⁹⁹.

Неразрешенной в контексте действия института преюдиции применительно к рассмотрению уголовных дел в порядке гл. 40.1 УПК РФ остается еще одна ситуация: как поступать в том случае, когда приговор по основному делу, постановленный в общем порядке (и, как следствие, носящий преюдициальный характер в силу прямого указания в ст. 90 УПК) содержит формулировку о виновности соучастников преступления в совершении более тяжкого преступления чем того, с которым согласился обвиняемый в рамках сотрудничества, либо при тождественности квалификации суд в описательной части приговора приводит описание деяния, увеличивающее фактический объем обвинения? Возникает резонный вопрос – правомерно ли на данном основании изменять предъявленное лицу, заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве, обвинение на более тяжкое, ухудшая тем самым его положение? Ситуацию осложняет и тот факт, что УПК не содержит норм, детально регламентирующих основания и процедуру изменения досудебного соглашения о сотрудничестве, в котором описывается фактическая часть обвинения.

На наш взгляд, возможность и процессуальная форма ухудшения положения обвиняемого зависит от стадии уголовного процесса, на которой появляется указанное обстоятельство (вступает в силу приговор по основному делу, имеющий для выделенного уголовного дела преюдициальное значение).

Так, если в силу каких-то причин, выделенное уголовное дело в отношении сотрудничающего со следствием лица, к моменту вступления в силу приговора в отношении соучастников находится на этапе досудебного производства – фактические обстоятельства, установленные приговором, подлежат обязательному

¹⁹⁹ Тисен О.Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Тисен Ольга Николаевна. Оренбург, 2017. С. 235.

учету без дополнительной проверки, механизмом такого учета выступает процедура изменения обвинения.

Нельзя не отметить, что вопрос об изменении обвинения в отношении лица, согласившегося на сотрудничество, является одним из наиболее сложных.

Законодатель предпринял определенные шаги в указанном направлении. Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 322-ФЗ в ст. 317.4 УПК была введена новая часть 5²⁰⁰. При этом разрешить поставленные выше вопросы внесенные изменения не позволяют. Законодатель закрепил примерный перечень оснований прекращения досудебного соглашения о сотрудничестве, однако вся новая информация о возможности его изменения исчерпывается правилом: «В случае вынесения прокурором постановления об изменении досудебного соглашения о сотрудничестве составляется новое досудебное соглашение о сотрудничестве в порядке, предусмотренном статьей 317.3 настоящего Кодекса».

Ученые расходятся во мнениях относительно возможности изменения в худшую сторону обвинения, с которым согласился сотрудничающий с правоохранительными органами обвиняемый.

О.Н. Тисен предлагает закрепить в законе подробную процедуру изменения и расторжения досудебного соглашения о сотрудничестве, что позволит изменять обвинение в сторону, ухудшающую положение обвиняемого²⁰¹.

Д.Д. Гаджиев проблему изменения досудебного соглашения о сотрудничестве предлагает решать с учетом договорной природы этого соглашения, взяв за основу положения гражданского законодательства. Автор предлагает следующие основания для изменения или прекращения досудебного соглашения о сотрудничестве: 1) соглашение сторон; 2) существенное нарушение или невыполнение условий досудебного соглашения о сотрудничестве

²⁰⁰ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу совершенствования порядка судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: Федеральный закон от 3 июля 2016 № 322-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. 2). Ст. 4255.

²⁰¹ См.: Тисен О.Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Тисен Ольга Николаевна. Оренбург, 2017.С. 303–315.

подозреваемым или обвиняемым; 3) в связи с существенным изменением обстоятельств; 4) иные обстоятельства, предусмотренные законом или соглашением, в том числе отказ от его исполнения²⁰².

Преимственность уголовно-процессуальной практикой положения, закрепленного в ч. 1 ст. 405 ГПК о том, что «изменение обстоятельств признается существенным, когда они изменились настолько, что, если бы стороны могли это разумно предвидеть, договор вообще не был бы ими заключен или был бы заключен на значительно отличающихся условиях», на наш взгляд, могла бы позволить учитывать интересы обеих сторон досудебного соглашения о сотрудничестве при изменении его условий. Такой подход, позволяет, например, стороне обвинения отразить в соглашении эпизоды преступной деятельности, которые будут установлены в ходе расследования после заключения досудебного соглашения с обвиняемым.

Т.В. Топчиева замечает, что «... специфика рассматриваемого института заключается в том, что после заключения соглашения о сотрудничестве положение обвиняемого не может быть ухудшено»²⁰³. По мнению автора, в случаях, когда возникает необходимость ухудшить положение обвиняемого досудебное соглашение должно быть расторгнуто и заключено новое. «Отказ обвиняемого от заключения нового соглашения о сотрудничестве не должен являться поводом для прекращения действия предыдущего, а должен быть процессуально закреплен, а уже оказанное содействие обвиняемого в расследовании должно быть учтено при назначении наказания как смягчающее обстоятельство»²⁰⁴.

²⁰² Гаджиев Д.Д. Основания и порядок изменения или прекращения досудебного соглашения о сотрудничестве // Legal Concept, 2017. № 3. С. 118.

²⁰³ Топчиева, Т.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе: монография / Т.В. Топчиева. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2015. С. 104.

²⁰⁴ Там же. С. 119.

Обосновано, на наш взгляд, суждение Д.Д. Гаджиева о том, что в тексте досудебного соглашения о сотрудничестве должны быть отражены обговоренные сторонами условия его возможного изменения (дополнения) или расторжения²⁰⁵.

Высказываются и противоположные мнения.

Г.В. Абшилава отметит, что пока гл. 40.1 УПК РФ не предусматривает достаточных гарантий обеспечения интересов обвиняемого, давшего согласие на сотрудничество со следствием. Для борьбы со злоупотреблениями со стороны обвинения автор предлагает закрепить запрет на ухудшение обвинения по сравнению с положенным в основу соглашения (кроме случаев, когда это специально оговорено в его тексте)²⁰⁶.

По нашему мнению, изменение досудебного соглашения о сотрудничестве в связи с необходимостью изменения обвинения на более тяжкое надо признать допустимым по следующим причинам. Суть института досудебного соглашения о сотрудничестве, исходя из действующего законодательства, заключается в том, что лицо получает существенную «скидку» при назначении наказания взамен на информацию, позволяющую быстро и эффективно расследовать групповое преступление. Российский институт принципиально отличен от американской сделки, он не представляет собой торг сторон относительно обвинения. Исключена ситуация, когда обвиняемый заведомо для прокурора признает вину в менее тяжком преступлении взамен на какие-то привилегии. Отечественная конструкция требует от суда проверять обоснованность обвинения, это значит, что лицо должно понести более мягкое наказание за совершенное преступление, а не за то, на которое оно «договорилось с обвинением». В этой связи позволим не согласиться с высказыванием Г.В. Абшилавы о том, что досудебное соглашение о сотрудничестве «это вынужденный компромисс, применение его должно быть

²⁰⁵ Гаджиев Д.Д. Основания и порядок изменения или прекращения досудебного соглашения о сотрудничестве // Legal Concept, 2017. № 3. С. 118.

²⁰⁶ Абшилава Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Абшилава Георгий Валерьянович. Москва, 2012. С. 14.

исключением из общего правила неотвратимости уголовной ответственности»²⁰⁷. По нашему мнению, речь идет не о неотвратимости ответственности, а о ее смягчении, подтверждением тому служит хотя бы отсутствие возможности оправдания лица в случае, когда дело в отношении него было рассмотрено в особом порядке.

Таким образом, в ситуации, когда после заключения досудебного соглашения органами расследования будут выявлены новые эпизоды преступной деятельности обвиняемого или появятся новые обстоятельства совершенного преступления, ухудшающие положение лица, но не отраженные в обвинении, досудебное соглашение о сотрудничестве должно подлежать изменению. К аналогичной процедуре ведет также и вступление в законную силу приговора по основному уголовному делу в отношении соучастников, если такой приговор ведет к необходимости ухудшения положения обвиняемого. Гарантиями соблюдения прав лица, сотрудничающего со следствием должны стать, во-первых, правило о том, что обвиняемый должен быть предупрежден о возможности таких изменений, что должно быть отражено в тексте досудебного соглашения о сотрудничестве, во-вторых, учет осуществленного обвиняемым сотрудничества при назначении наказания судом в том случае, когда обвиняемый откажется соглашаться с измененным обвинением.

Возвращаясь к вопросу, с которого начали наше рассуждение, делаем вывод о том, что преюдициальный характер приговора по основному уголовному делу должен быть учтен следователем, в чьем производстве находится выделенное уголовное дело, это означает, что фактические обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором суда должны быть учтены органами расследования – механизмом такого учета выступает процедура перепредъявления обвинения и изменения досудебного соглашения о сотрудничестве (путем составления нового).

²⁰⁷ Там же. С. 16.

В том случае, когда после направления выделенного уголовного дела в суд приговор, вступивший в законную силу в рамках рассмотрения уголовного дела в отношении соучастников увеличивает фактический объем обвинения, по сравнению с тем, которое изложено в обвинительном заключении (и, как следствие, отражено в тексте досудебного соглашения о сотрудничестве), механизмом учета преюдициального решения выступает институт возвращения уголовного дела прокурору, поскольку суд ограничен в своей свободе действием пределов судебного разбирательства. Кроме того, рассматривая дело в особом порядке, суд не исследует доказательства, а, по справедливому утверждению С.А. Лопатина «реализация преюдиции представляет собой применение правила доказывания»²⁰⁸. После возвращения уголовного дела прокурору, который в свою очередь, направит его органам расследования, должны быть реализованы описанные выше процедуры перепредъявления обвинения и изменения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Далее, рассмотрим особенности разрешения подобной ситуации, когда на момент вступления в силу приговора в отношении соучастников выделенное уголовное дело находится в стадии апелляционного обжалования. Учет приговора, носящего преюдициальный характер и ухудшающего положение осужденного, подписавшего досудебное соглашение о сотрудничестве, в стадии апелляционного обжалования осложняет действие принципа недопустимости поворота к худшему, не позволяющий суду второй инстанции инициировать поворот к худшему.

Таким образом, для отмены приговора с возвращением уголовного дела прокурору требуется наличие апелляционного представления, содержащего требование об учете судом приговора, имеющего в силу ст. 90 преюдициальное значение по отношению к обжалуемому приговору. Неразрешенным, в таком случае, остается вопрос о том, что делать, если прокурором не будет принесено представление? К сожалению, институт преюдиции в российском законодательстве

²⁰⁸ Лопатин С.А. Реализация или преодоление преюдиции в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Лопатин Сергей Александрович. Москва, 2017. С. 91.

более чем статичен, не позволяет разрешить подобную ситуацию, которая способна привести к одновременному существованию двух приговоров, вынесенных по одним и тем же фактическим обстоятельствам, но противоречащих друг другу.

Рассуждая далее, согласимся с позицией С.А. Лопатина о том, что вопрос реализации преюдиции является неотъемлемой частью «вопроса факта»²⁰⁹. Исходя из этого, после вступления приговора в законную силу, приговор, связанный с первоначальной преюдициальной силой, может быть учтен в рамках института возобновления уголовного дела ввиду новых обстоятельств.

На наш взгляд, анализ столь сложной с процессуальной точки зрения ситуации с неизбежностью ведет к единственно возможному из нее выходу – необходимости закрепления в законе очередности рассмотрения уголовных дел, при которой выделенное в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве уголовное дело рассматривается после вступления в силу приговора по уголовному делу в отношении избличенных соучастников преступления.

Вместе с тем, вынуждены констатировать, что даже закрепление в законе указанного правила не разрешит всех проблем, связанных с реализацией института преюдиции в особом порядке судебного разбирательства. В частности, открытым остается вопрос о том, как быть, когда по параллельно расследуемым делам (выделенному и основному) судами в дальнейшем была дана различная оценка одним и тем же фактическим обстоятельствам. В таком случае, формально, судья, вынесший приговор в особом порядке и на основе внутреннего убеждения пришедший к выводу о необходимости квалификации действий лица по конкретной статье Особенной части УК РФ, действует правомерно в силу того, что преюдициальный характер, исходя из буквального толкования ст. 90 УПК, носит не судебное решение, а фактические обстоятельства им установленные. Юридическую оценку этим фактическим обстоятельствам, в пределах судебного разбирательства, очерченных в ст. 252 УПК, судья вправе давать исходя из своей

²⁰⁹ Там же. С. 86.

независимости и руководствуясь принципом свободы оценки доказательств. Однако в таком случае в правовой действительности могут иметь место два приговора, вынесенных по одним и тем же фактическим обстоятельствам, но противоречащих друг другу, что по мнению Конституционного суда недопустимо²¹⁰. Указанная ситуация не нашла своего разрешения даже в кругу ученых, специализирующихся на исследовании института преюдиции, и, требует дальнейшей разработки.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что решение вопроса о возможности поворота к худшему при апелляционном обжаловании приговоров, постановленных в порядке глав 40, 40.1 УПК предопределяется спецификой указанных особых производств, в первую очередь связанной с выраженным лицом согласием с предъявленным обвинением, сокращенным судебным следствием, а также законодательным запретом оспаривания в вышестоящем суде фактических обстоятельств уголовного дела. В суде апелляционной инстанции так же, как и при обжаловании решений судов, принятых в общем порядке судопроизводства, действует принцип недопустимости поворота к худшему. Выявлены сложности, связанные с реализацией института преюдиции при производстве по уголовным делам, в которых одним из соучастников преступления заключается досудебное соглашение о сотрудничестве. Поиск способов преодоления обозначенных проблем привел к выводу о необходимости рассмотрения уголовного дела, выделенного в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, лишь после вступления в силу приговора по уголовному делу в отношении изобличенных соучастников преступления.

²¹⁰ По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Власенко Е.А.: Постановление КС РФ от 21 декабря 2011 № 30-П. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru>.

§ 3. Поворот к худшему при обжаловании в апелляционном порядке приговоров, вынесенных мировым судьей по делам частного обвинения

Уголовно-процессуальному законодательству России известно деление видов уголовного преследования на частное, частно-публичное и публичное. Выделение законодателем особой категории дел, в которой интересам отдельного лица (потерпевшего) отдается предпочтение над интересами публичными, имеет под собой объективные основания. Таковыми являются невысокая степень общественной опасности совершенных преступлений, а также наличие прямой связи между субъективным восприятием потерпевшим совершаемых в отношении него действий и необходимостью осуществления уголовного преследования. Ученые справедливо обращают внимание на то, что частное обвинение – проявление диспозитивности в уголовном процессе²¹¹. Досудебное производство при расследовании данной категории уголовных дел не предусмотрено (ч.1 ст. 318 УПК). По мнению А.Л. Корякина, «отсутствие стадии предварительного расследования, предполагающей «консервацию» доказательств до суда и для суда, а также квалифицированное обвинение влекут неустранимые в ходе судебного разбирательства проблемы и неблагоприятные для потерпевшего последствия в виде оправдательного приговора или прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям». Высказывание автора видится вполне

²¹¹ Быковская, Е. В. Уголовное судопроизводство по делам частного обвинения: проблемы правовой регламентации и их решение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Быковская Елена Васильевна. М., 2006. 24 с. Мухтасипова, Т. Н. Механизм реализации функции частного обвинения в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Мухтасипова Татьяна Николаевна. Челябинск, 2004. 20 с. Ретунская, Т. П. Защита частного интереса в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ретунская Татьяна Павловна. СПб., 2005. 26 с. Старовойтов, А. А. Особенности производства по делам частного обвинения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Старовойтов Андрей Александрович. М., 2005. 23 с. Тензина, Е. Ф. Производство по делам частного обвинения как форма диспозитивности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Тензина Елена Фанавиевна. Ижевск, 2004. 30 с. Хатуаева, В. В. Реализация частного (диспозитивного начала) в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Хатуаева Виктория Владимировна. М., 2006. 393 с.

справедливым, ввиду того, что действующая сегодня модель частного обвинения, на наш взгляд, не гарантирует потерпевшему в полной мере право на доступ к правосудию. Приведенный тезис подтверждается данными судебной статистики.

За 2017 год мировыми судьями в РФ по делам частного обвинения всего окончено 8 109 уголовных дел, возбужденных по заявлениям, поступившим в суд непосредственно от граждан и переданным из других органов. В рамках указанного количества дел осуждено 2 123 лица, оправдано 1 083, прекращено уголовное преследование по реабилитирующим основаниям: отсутствие события, состава преступления в отношении 1 460 лиц, по другим основаниям в отношении 3 774 лиц. За 2017 год обжаловано приговоров и других судебных постановлений по существу дела, вынесенных мировыми судьями при рассмотрении уголовных дел частного обвинения: всего 812 по делам, возбужденным по заявлениям, поступившим в суд непосредственно от граждан и переданным из других органов. Судами апелляционной инстанции отменено 69 судебных решений; изменено 11 судебных решений – из них лишь 1 с усилением наказания.

Аналогичные показатели за 2016 год представлены следующими цифрами: мировыми судьями в РФ по делам частного обвинения всего окончено 30 581 уголовных дела, возбужденных по заявлениям, поступившим в суд непосредственно от граждан и переданным из других органов. В рамках указанного количества дел осуждено 6 243 лиц, оправдано 2 318, прекращено уголовных дел по реабилитирующим основаниям: отсутствие события, состава преступления в отношении 8 263 лиц, по другим основаниям в отношении 16 748 лиц, применены принудительные меры медицинского характера к невменяемым в 8 случаях. За 2016 год обжаловано приговоров и других судебных постановлений по существу дела, вынесенных мировыми судьями при рассмотрении уголовных дел частного обвинения: всего 5 557 по делам, возбужденным по заявлениям, поступившим в суд от граждан и других органов. Судами апелляционной инстанции отменено 718

судебных решений; изменено 77 судебных решений – из них лишь 10 с усилением наказания²¹².

Уголовно-процессуальная форма рассмотрения уголовных дел частного обвинения имеет ряд особенностей, которые, как следствие, влияют на решение вопроса о допустимости поворота к худшему в рамках данного вида производства. По делам частного обвинения исключительную важность приобретает качество законодательной техники. В силу того, что государство возлагает на непрофессиональных участников уголовного процесса все функции по защите их прав и свобод – процедура судопроизводства должна быть описана полно, понятно и непротиворечиво.

На наш взгляд, уяснение вопроса о возможности поворота к худшему в суде апелляционной инстанции невозможно без определения пределов судебного разбирательства при рассмотрении дел по первой инстанции. Однако в вопросе о пределах судебного разбирательства по делам частного обвинения имеется ряд проблемных моментов, требующих разрешения. В соответствии с ч. 5 ст. 321 УПК РФ обвинитель вправе отказаться от обвинения или изменить его, кроме тех случаев, когда это приведет к ухудшению положения подсудимого. Нормы УПК РФ не вносят ясности в решение вопроса о пределах судебного разбирательства уголовных дел частного обвинения. Возникает ситуация, в которой законодатель обязанность по формулированию обвинения прямо не возлагает ни на суд, ни на обвиняемого. При этом нормы права, закрепляющие правила изменения обвинения, адресованы обвинителю. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 318 УПК РФ заявление потерпевшего или его законного представителя должно содержать (наряду с иными требованиями) «описание события преступления, места, времени, а также обстоятельств его совершения». Закон не возлагает на частного обвинителя обязанности указывать пункт, часть, статью Уголовного кодекса РФ, предусматривающую ответственность за преступление, в котором потерпевший

²¹² Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4151>.

обвиняет лицо. Одновременно с этим, Конституционный суд РФ высказал однозначную позицию на этот счет, указав на обязательность уточнения формулировки обвинения в заявлении потерпевшего.

При разрешении данного вопроса высший орган конституционного контроля опирался на общие положения и принципы уголовно-процессуального законодательства, из которых вытекает, что возложение на судебный орган обязанности по формулированию обвинения противоречит принципу состязательности. Конституционный Суд РФ приписывает заявлению потерпевшего силу обвинительного акта, определяющего пределы уголовного преследования²¹³. При этом определить границы обвинения надлежащим образом можно, указав (наряду с описанием фактических обстоятельств) конкретную норму материального уголовного закона²¹⁴.

На первый взгляд, такой подход обоснован, согласуется с принципом состязательности и идеей выделения в уголовном процессе уголовных дел частного обвинения, возлагающих функции обвинения на потерпевшего. Однако возложение обязанности по определению квалификации деяния на потерпевшего, не обладающего юридическими знаниями зачастую затрудняет для него доступ к правосудию. Кроме того, отсутствие приведенных выше требований в самом законе является существенным пробелом, тем более в условиях, когда речь идет о возложении процессуальной функции обвинения на непрофессиональное лицо, которое не знакомо (да и не обязано) с позициями Конституционного суда РФ и осуществляет функцию уголовного преследования, строго руководствуясь нормами УПК РФ.

²¹³ По делу о проверке конституционности отдельных положений уголовно - процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 года N 1-П // Собрание законодательства РФ. 2000. 31 января. N 5. ст. 611.

²¹⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению запроса мирового судьи судебного участка N 1 города Смоленска о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 145, статей 318 и 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2005 N 268-О // СПС «КонсультантПлюс».

При рассмотрении уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения, инструментом, позволяющим преодолеть препятствия рассмотрения дела судом, выступает институт возвращения уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК). Что касается уголовных дел частного обвинения, таким механизмом выступает процедура возвращения заявления потерпевшему, однако в силу того, что ст. 318 УПК РФ не предусматривает обязательного указания в заявлении пункта, части и статьи УК РФ, по которой потерпевший желает привлечь лицо к ответственности, то и полномочие возвращения заявления ввиду отсутствия указания нормы УК РФ не предусматривается, что еще более усугубляет сложившуюся ситуацию.

Критерии поворота к худшему, обозначенные в указанной работе применимы и при производстве по делам частного обвинения. Разница лишь в том, что процессуальным документом, определяющим пределы судебного разбирательства, в данной форме производства, является заявление потерпевшего, выступающее, как уже было отмечено, в роли обвинительного акта. Именно с этим связаны сложности, возникающие в процессе рассмотрения дел частного обвинения. Так, в случаях, когда потерпевшим при описании обстоятельств совершенного деяния в заявлении не указывается какой-либо признак одного из обязательных элементов состава преступления, возникает ситуация, в которой суд лишен возможности самостоятельного установления обстоятельств дела в силу его связанности объемом заявления потерпевшего.

Для уголовных дел частного обвинения законом не предусмотрено аналогичного (с учетом особенностей данной категории дел) механизму возвращения уголовного дела прокурору.

Возникает парадоксальный дисбаланс, когда законодатель исходит из того, что профессиональный участник уголовного процесса ошибиться вправе, а для непрофессионального участника – потерпевшего, ошибка может обернуться препятствием при получении доступа к правосудию. Представляется, что подобное положение дел недопустимо. Согласимся с И.С. Дикаревым в том, что «то обстоятельство, что вместо государственного обвинителя в суде выступает

обвинитель частный, не влечет кардинальных изменений порядка производства на данной стадии». На наш взгляд, позиции, высказанные Конституционным судом в Постановлении от 2 июля 2013 г. № 16-П в полной мере должны распространяться и на производство в рамках гл. 41 УПК РФ²¹⁵.

Ситуация, которая требует пристального внимания законодателя – когда фактические обстоятельства, установленные в ходе судебного разбирательства, дают основания для квалификации деяния как более тяжкого преступления, чем потерпевший изначально указывал в своем заявлении. На сегодняшний день, согласно ч. 2 ст. 20 УПК РФ уголовными делами частного обвинения наряду с клеветой (ч. 1 ст. 128.1 УК РФ) считаются уголовные дела о следующих преступлениях: умышленное причинение легкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 115 УК РФ) и нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 116.1 УК РФ). При решении вопроса об уголовной ответственности за совершение перечисленных преступлений, ситуация, в которой может возникнуть необходимость изменения квалификации деяния ввиду смежности составов преступления, не исключена.

В частности, в тех случаях, когда потерпевший в своем заявлении просит привлечь лицо к ответственности за совершение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию, а судебно-медицинской экспертизой устанавливается причинение лицу легкого вреда здоровью, закон не содержит ответа на вопрос, как должен поступать суд. На указанную проблему также обращает внимание А.Л. Корякин. Автор называет четыре возможных варианта действий мирового судьи в ситуациях, когда в процессе разбирательства уголовного дела частного обвинения выявляется необходимость квалификации

²¹⁵ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П // Российская газета. 2013. 12 июля.

деяния лица по преступлению, предусматривающему более тяжкую ответственность²¹⁶.

Отсутствие в законе надлежащей регламентации судебной процедуры по уголовным делам частного обвинения противоречит таким базовым принципам, как законность, обеспечение гражданам права на судебную защиту и доступ к правосудию, призванных обеспечить надлежащую судебную процедуру защиты нарушенных прав граждан. В сложившейся ситуации судам приходится искать пути восполнения пробелов законодательства. Проанализируем сложившуюся судебную практику.

Нытвенский районный суд Пермского края в апелляционном постановлении от 16 марта 2016 г. указал, что «по делам частного обвинения пределы судебного разбирательства установлены в заявлении потерпевшего, по которому мировым судьей осуществляется производство по делу». По данному уголовному делу потерпевшим было подано заявление мировому судье о возбуждении уголовного дела частного обвинения в отношении Д. по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК РФ. Выводы судебно-медицинской экспертизы указали на причинение потерпевшей легкого вреда здоровью, в связи с чем в судебном заседании, частным обвинителем к материалам дела было приобщено заявление о привлечении Д. к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 115 УК РФ. Суд удовлетворил ходатайство о приобщении к материалам дела данного заявления, судебное заседание по делу было отложено, копия заявления вручена подсудимой. Суд апелляционной инстанции указал, что изменение частным обвинителем обвинения не препятствовало подсудимой приводить доводы о своей невиновности относительно уточненного частным обвинителем обвинения и представлять доказательства в их подтверждение, и, как следствие не повлекло за собой нарушение права подсудимой на защиту²¹⁷.

²¹⁶ См.: Корякин А.Л. Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 3 (40). С. 210.

²¹⁷ Апелляционное постановление Нытвенского районного суда Пермского края № 10-6/2016 от 16 марта 2016 г. по делу № 10-6/2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/cRH8QBRittJr/>.

Представляется, такая практика вполне обоснована. Право подсудимого на защиту в указанном выше примере должно обеспечиваться предоставлением ему дополнительного времени для подготовки к продолжению судебного разбирательства по уточненному обвинению.

Противоположный подход выработан судебной практикой применительно к ситуациям, когда при подаче заявления потерпевший, в силу каких-либо причин (иногда просто не придавая этому серьезного значения), неполно описывает обстоятельства совершенного преступления. Подобная ситуация чревата для потерпевшего весьма отрицательными последствиями. Анализ судебной практики показывает, что в таких случаях суд разрешает дело исключительно в пределах тех обстоятельств, которые описаны в заявлении потерпевшего. Расширение объема обвинения путем установления обстоятельств в ходе судебного разбирательства судами не допускается.

Так, судьей судебного участка № 1 города Собинки, вынесен приговор от 31 августа 2016 г., оправдывающий Г. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, по предусмотренному п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ основанию. В обоснование принятого решения суд указал на отсутствие в заявлении частного обвинителя указания на присутствие других лиц в момент произнесения подсудимой спорной фразы. Как установлено в приговоре «о присутствии в коридоре иных лиц частным обвинителем заявлено лишь в ходе судебного следствия». Оправдывая подсудимую, судья сослался на то, что суд не вправе самостоятельно изменить существо предъявленного частным обвинителем обвинения, изложенного в его заявлении о привлечении к уголовной ответственности, и дополнить его в части указания обстоятельств совершения преступления, а от существования обстоятельств предъявленного обвинения зависит определение пределов судебного разбирательства²¹⁸.

²¹⁸ Приговор мирового судьи судебного участка № 1 города Собинки, Собинского района и ЗАТО г. Радужный Владимирской области от 31 августа 2016 г. по делу № 1-44/2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/magistrate/doc/vUmnbo8nboJx/>.

В другом случае суд установил, что принятие мировым судьей уточненного заявления от 26 сентября 2013 года частного обвинителя Л., в котором она утверждала, что «испытала от ударов физическую боль» и вынесение на основе сформулированного в данном заявлении обвинения приговора нарушает положения ч. 5 ст. 321 УПК РФ и ухудшает положение К. Данное нарушение норм УПК вышестоящий суд назвал существенным, повлиявшим на вынесение законного и обоснованного судебного решения, что явилось основанием для отмены приговора. При вынесении итогового решения суд апелляционной инстанции взял за основу первоначальное заявление частного обвинителя, поступившее мировому судье 7 февраля 2013 года. В конечном итоге обвинительный приговор от 31 января 2014 года в отношении К. подлежал отмене, в отношении К. вынесен оправдательный приговор²¹⁹. В данном случае отсутствие в первоначальном заявлении потерпевшей указания на то, что она испытала от действий К. физическую боль, повлекло вынесение оправдательного приговора.

Таким образом, анализ правоприменительной практики показывает, что в тех случаях, когда речь идет о внесении частным обвинителем в рамках производства по делу изменений в описание фактических обстоятельств произошедшего, суды признают такие действия недопустимыми.

В научной литературе существуют предложения, направленные на решение анализируемых выше проблем. Как правило, они связаны с вовлечением в процесс органов предварительного расследования, которые могли бы оказывать профессиональное содействие потерпевшему при подаче заявления. Так, А.Л. Корякин предлагает в случаях, когда потерпевший сталкивается с какими-либо правовыми трудностями, направлять заявление потерпевшего органам предварительного расследования, которые будут оказывать потерпевшему помощь в направлении заявления мировому судье²²⁰.

²¹⁹ Апелляционный приговор Рыбинского городского суда Ярославской области от 22 апреля 2014 г. № 10-15/2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/QZcoZggqBvgq/>.

²²⁰ Корякин А.Л. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Корякин Алексей Леонидович. Сургут, 2015. С. 14.

В.М. Быков полагает, что «устранить недостатки поданного заявления, а также составить протокол устного заявления потерпевшего должен мировой судья или другой работник суда по его поручению»²²¹.

Т.В. Трубникова считает необходимым обеспечивать потерпевшему бесплатную юридическую помощь адвоката²²².

По мнению В.Н. Перекрестова функцию сбора документов и материалов по уголовному делу частного обвинения необходимо возложить на органы дознания²²³.

Имеют место предложения вовсе исключить возможность возбуждения уголовных дел частного обвинения путем подачи заявления мировому судье, как «вызывающую определенные сложности у граждан, связанные с оформлением заявления, так и несколько противоречащую общим процессуальным подходам к процедуре возбуждения уголовных дел, которая регламентирована ст. 140-141, 144-145 УПК РФ»²²⁴.

Полагаем, что совершенствование процедуры рассмотрения уголовных дел частного обвинения возможно без столь кардинальных мер. Представляется, что наделение мирового судьи чуть большей процессуальной активностью не приведет к полному краху состязательности в том случае, когда оказание судьей содействия сторонам в осуществлении их процессуальных прав будет осуществляться в присутствии сторон и с предоставлением необходимого времени для защиты с учетом изменения фактических или юридических обстоятельств дела.

С учетом вышеизложенного, предлагаем внести в УПК изменения, которые способствовали бы обеспечению доступа к правосудию и к эффективной судебной процедуре лицам, пострадавшим от преступлений, преследуемых в частном

²²¹ Быков В.М. Новые законы о порядке производства по уголовным делам частного обвинения // СПС «КонсультантПлюс».

²²² Трубникова Т.В. Частное обвинение или отказ в правосудии? // Уголовная юстиция. 2015. № 2(6) С. 62.

²²³ Перекрестов В.Н. Некоторые проблемы рассмотрения дел частного обвинения // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 143.

²²⁴ Ухова, Е. В. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ухова Елена Викторовна. М., 2004. С. 6.

порядке. На наш взгляд, наиболее оптимальным вариантом, который бы позволил учесть действительную волю лица, пострадавшего от преступления и не приводил бы к формальным неразрешимым препятствиям при рассмотрении уголовного дела, является отражение в УПК РФ законной процедуры, позволяющей частному обвинителю изменять обвинение.

Законодательно необходимо закрепить правила допустимости поворота к худшему по делам частного обвинения в случаях, когда:

1) фактические обстоятельства, указанные в заявлении потерпевшего (частного обвинителя) свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого в качестве более тяжкого преступления;

2) в процессе разбирательства дела выявлены фактические обстоятельства, свидетельствующие о наличии оснований для признания действий подсудимого в качестве более тяжкого преступления;

3) частный обвинитель в ходе судебного разбирательства уточняет фактические обстоятельства деяния, в совершении которого он обвиняет лицо.

По нашему мнению, наиболее оптимально существующий пробел правового регулирования может быть восполнен путем закрепления в УПК РФ полномочия мирового судьи, во-первых, по возвращению заявления потерпевшему с разъяснением возможности приведения квалификации деяния в соответствие с действующим законом, во-вторых, по разъяснению частному обвинителю права на подачу дополнительного заявления, в случае установления в ходе судебного разбирательства, имеющих значение для разрешения уголовного дела обстоятельств.²²⁵

Что же касается возможности уточнения частным обвинителем фактических обстоятельств произошедшего, представляется, при решении этого вопроса нужно исходить из специфики рассмотрения дел частного обвинения, в которых отсутствует предварительное расследование. Отсюда реализация права потерпевшего поддерживать обвинение диктует необходимость иного подхода к

²²⁵ См. Приложение Б к настоящей работе. С. 214.

решению вопроса о пределах судебного разбирательства. На наш взгляд, по делам частного обвинения подсудимый и потерпевший ведут «равный бой», в котором за спиной потерпевшего нет государства в лице правоохранительных органов, в связи с чем лишение частного обвинителя возможности дополнять обвинение, изложенное в первоначальном заявлении, является надуманным. Мы убеждены, что решение вопроса об изменении обвинения должно решаться по аналогии с процедурой повторного предъявления обвинения на стадии предварительного расследования по уголовным делам частно-публичного и публичного обвинения. В связи с чем, предлагаем закрепить в УПК возможность подачи частным обвинителем дополнительного заявления, в котором уточняются обстоятельства совершенного деяния. В таком случае судья принимает заявление к производству, предоставляет подсудимому время для защиты от нового обвинения, о чем выносит постановление²²⁶.

В апелляционном производстве при обжаловании приговора или иного решения мирового судьи вопрос о возможности *reformatio in pejus* решается с учетом специфики указанной стадии. Таким образом, без каких-либо исключений в рамках апелляционного производства по делам частного обвинения действует принцип недопустимости поворота к худшему, означающий, что апелляционный пересмотр, инициированный в интересах защиты, не может окончиться для нее поворотом к худшему. Не стоит забывать и о распространении *non reformatio in pejus* на случаи повторного рассмотрения уголовного дела после отмены приговора.

Так, суд второй инстанции отменил приговор мирового судьи в отношении И., Х., Ч., передал уголовное дело мировому судье судебного участка № 28 для повторного рассмотрения по существу, поскольку дело рассмотрено и приговор вынесен незаконным составом суда. Постановлением Президиума Забайкальского краевого суда от 03 февраля 2015 года, вышеуказанное апелляционное постановление в этой части оставлено без

²²⁶ См. Приложение Б к настоящей работе. С. 214.

изменения. По результатам нового судебного разбирательства суд признал в качестве отягчающего обстоятельства, совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном принятием алкоголя. Суд апелляционной инстанции постановил исключить из описательно-мотивировочной части приговора признание отягчающего наказание обстоятельства, поскольку первоначальный приговор не отменялся по основаниям ухудшения положения лица²²⁷.

Еще одной особенностью уголовных дел частного обвинения, влияющей на допустимость поворота к худшему при апелляционном обжаловании решений, является возможность одновременного рассмотрения в судебном заседании первоначального и поданного до начала судебного следствия встречного заявлений (ч. 3 ст. 321 УПК). В таком случае процессуальный статус сторон характеризуется дуализмом, выражаемым в одновременном приобретении ими процессуального статуса, как потерпевшего (частного обвинителя), так и обвиняемого (подсудимого). Следовательно, суд апелляционной инстанции, проверяя законность, обоснованность и справедливость решения, вынесенного мировым судьей, должен учитывать указанную особенность. Для суда апелляционной инстанции в таком случае особую значимость приобретают изложенные сторонами доводы, которыми и должны, на наш взгляд, быть ограничены пределы апелляционного судебного разбирательства. Необходимость запрета «ревизии в интересах защиты» при обжаловании решений мирового судьи, рассмотревшего в суде первой инстанции одновременно встречные доводы сторон, вытекает из того, что при ином подходе невозможно обеспечить действие принципа запрета поворота к худшему, поскольку решение суда, улучшающее положение осужденного, с неизбежностью станет решением, ухудшающим положение другого осужденного по данному уголовному делу.

При решении вопроса о допустимости поворота к худшему при производстве по делам частного обвинения как в первой, так и в апелляционной инстанциях, принципиальное значение играет уяснение роли и возможности влияния прокурора

²²⁷ Апелляционное постановление Шилкинского районного суда Забайкальского края № 10-12/2016 от 24 мая 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/t2Z8hE7jn4Lu/>.

на исход дела. Затронутый аспект приобретает исключительное значение ввиду специфики уголовных дел данной категории, во главу угла ставящих частный интерес. Регламентируя указанную процессуальную форму, законодатель исходил из необходимости максимального ограничения вмешательства государственных органов в данный вид судопроизводства, допуская его лишь в случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК. В таком случае, исходя из буквального толкования ч. 5 ст. 20 УПК частное обвинение трансформируется в публичное, порядок апелляционного обжалования, а, следовательно, и вопрос о допустимости поворота к худшему решается по общим правилам, без учета особенностей, обусловленных спецификой дел частного обвинения.

Далее, внимания заслуживает ч. 8 ст. 318 УПК. Закрепив упомянутую норму, законодатель не дал никаких разъяснений по ее реализации. В УПК нет ответа ни на вопрос о процессуальном статусе прокурора, вступившего в уголовное дело, ни о его полномочиях, ни о том, как соотносится его позиция с позицией потерпевшего, становится ли прокурор государственным обвинителем, утрачивает ли потерпевший при этом статус частного обвинителя, что делать, если позиции прокурора и потерпевшего противоречат друг другу, в каком порядке (частном или публичном) подлежит прекращению уголовное дело в случае примирения сторон, возможно ли привлечение в процесс прокурора в случаях, когда мировой судья одновременно рассматривает дело по встречному заявлению второй стороны дела.

Исходя из буквального содержания указанной нормы, в таких случаях имеет место участие прокурора в уголовном деле частного обвинения, а принятое мировым судьей решение по итогам судебного разбирательства может быть обжаловано прокурором в апелляционном порядке. Возникает вопрос и о том, не противоречит ли возможность обжалования решения прокурором, сущности частного обвинения, не ставится ли в таком случае осужденный в неравное положение с потерпевшим? В литературе указанным проблемам, на наш взгляд, не уделяется должного внимания. Вместе с тем, можно встретить различные позиции авторов, анализирующих положения ч. 8 ст. 318 УПК.

Так, В.А. Андреев отмечает, что в подобной ситуации сохраняется частный порядок уголовного судопроизводства²²⁸. По мнению автора, допускается одновременное поддержание обвинения государственным и частным обвинителем.

Э.Р. Галимов придерживается мнения, что в подобной ситуации государственный обвинитель должен поддерживать обвинение от имени государства²²⁹.

Полагаем, что закрепление в законе ч. 8 ст. 318 УПК было вызвано стремлением законодателя повысить гарантии соблюдения права потерпевшего на доступ к правосудию, на оказание содействия в реализации им процессуальных прав, однако, в конечном итоге, указанная норма в том виде, в котором она существует сегодня, оказалась процессуально неэффективной. На наш взгляд, привлечение прокурора для участия в судебном разбирательстве по делу частного обвинения порождает массу неразрешимых противоречий, связанных с невозможностью в конечном итоге определить его роль в судебном процессе.

Считаем, что в случае, когда мировой судья рассматривает одновременно первоначальное и встречное заявление по делу частного обвинения и в процессе обнаруживает невозможность осуществления одним из частных обвинителей защиты своих прав, привлечение прокурора в порядке ч. 8 ст. 318 УПК недопустимо. В противном случае сложилась бы ситуация, при которой один из потерпевших защищен государством в лице прокурора, а другой потерпевший нет.

Неясным, кроме этого, остается вопрос о том, какую роль привлеченный прокурор играет в процессе доказывания – призван ли он способствовать полному, объективному и всестороннему установлению обстоятельств по уголовному делу или его задача способствовать собиранию доказательств исключительно «в пользу» частного обвинителя, не способного в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам защищать свои права и законные интересы.

²²⁸ Андреев В.А. Коллизии в процессуальном положении государственного обвинителя при рассмотрении уголовных дел частного обвинения // СПС «КонсультантПлюс».

²²⁹ Галимов Э.Р. Участие государственного обвинителя по делам частного обвинения у мировой судьи. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-gosudarstvennogo-obvinitelya-po-delam-chastnogo-obviniya-u-mirovogo-sudi>

Первый подход с неизбежностью может привести к возникшим противоречиям в позициях потерпевшего (в целях защиты прав которого, прокурор, собственно, был привлечен) и прокурора. Таким образом, будет не исключена ситуация, когда привлечение прокурора в процесс приведет к ухудшению положения потерпевшего, а не наоборот.

Второй подход, при котором суть участия прокурора будет сведена к содействию в доказывании лишь потерпевшему, не способному осуществлять свои права, на наш взгляд, приведет к нарушению прав второй стороны, в первую очередь принципов равенства прав сторон и презумпции невиновности.

Аналогичные неразрешимые проблемы возникают при определении роли и пределов участия привлеченного в уголовное дело прокурора в суде апелляционной инстанции, в частности в решении вопроса о том, правомерно ли прокурору ставить вопрос об ухудшении положения осужденного, например, в случае, когда потерпевший согласен с исходом дела.

В этой связи, видится справедливым рассуждение И. Дикарева, о том, что порок воли потерпевшего препятствует частному порядку разрешения дела²³⁰.

Приходим к убеждению, что в ситуации, описанной в ч. 8 ст. 318 УПК, уголовное дело должно рассматриваться в публичном порядке. Мировому судье в подобной ситуации необходимо прекращать уголовное преследование и направлять материалы в органы предварительного расследования для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке публичного обвинения, о чем выносить постановление.

²³⁰ Дикарев И. Публично-правовые механизмы защиты прав личности в производстве по уголовным делам, подсудным мировому судье // СПС «КонсультантПлюс».

§ 4. Поворот к худшему при обжаловании приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных заседателей

Народное представительство при осуществлении уголовного судопроизводства возможно в двух исторически сложившихся формах: суд шеффенов и суд присяжных. Основным критерием разграничения указанных моделей рассмотрения уголовных дел является отнесение к компетенции представителей народа разрешения фактических или правовых вопросов. В частности, при рассмотрении уголовных дел судом с участием присяжных заседателей компетенция судьи (судей) не совпадает с компетенцией коллегии присяжных – последние наделены лишь полномочиями по разрешению вопросов «факта», вопросы права разрешает судья после провозглашения вердикта присяжными. Суд шеффенов предполагает разрешение дела совместно коллегией профессиональных и народных судей, разрешающих и фактические и правовые вопросы.

Нашему государству известна форма рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей, существовавшая в период с 1864 по 1917 гг. и с 1993 г. по настоящее время. Особенности производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей, посвящена глава 42 УПК РФ.

Участие в рассмотрении дела присяжных заседателей определяет особенности структуры судебного разбирательства. В силу положений УПК РФ присяжные заседатели участвуют в разрешении уголовного дела ровно в тех пределах, которые позволяют им ответить на вопросы, перечисленные в ч. 1 ст. 339 УПК. Часть вопросов, в том числе затрагивающих исследование фактических обстоятельств дела, разрешается судом самостоятельно уже после оглашения вердикта присяжных заседателей.

Государствами, законодательство которых допускает участие в отправлении правосудия представителей народа, выработаны различные модели

апелляционного обжалования приговоров. Н.А. Насонов называет следующие из них:

а) модель «горизонтальной» апелляции, предполагающей рассмотрение дела в апелляционном порядке иной коллегией присяжных заседателей (на сегодняшний день существует только в Норвегии);

б) модель «полной» апелляции, когда профессиональный суд полномочен в апелляционном порядке решать вопросы как факта, так и права;

в) модель «неполной» апелляции, предполагающей проверку профессиональным судом вопросов права, но не факта²³¹.

Наше государство традиционно придерживается последней из вышеперечисленных моделей, не допуская повторного исследования в апелляционной инстанции вопросов, разрешаемых присяжными заседателями при рассмотрении дела по существу.

Достигая цель обеспечения стабильности вердикта присяжных заседателей, современный законодатель предусматривает правила, закрепляющие особенности обжалования приговоров, вынесенных в порядке гл. 42 УПК РФ, что, в свою очередь, влияет и на решение вопроса о допустимости в суде апелляционной инстанции поворота к худшему. Основания отмены или изменения решений суда, вынесенных при участии присяжных предусмотрены ст. 389.27 УПК РФ. Из содержания указанной нормы следует, что приговор или иное решение, вынесенное при рассмотрении дела в порядке гл. 42 УПК РФ, не могут быть обжалованы в связи с оспариванием фактических обстоятельств, изложенных в приговоре, а также выявления обстоятельств, указанных в ч. 1 и п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК. Указанное положение закона разделяется не всеми учеными и практиками.

Так, Н.Н. Ковтун отмечает, что запрет оспаривания в апелляционном суде фактических обстоятельств приводит к нивелированию главного преимущества

²³¹ Насонов С.А. Модели пересмотра не вступивших в законную силу приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных заседателей, в России и зарубежных странах // СПС «КонсультантПлюс».

апелляционной процедуры, которое заключается в возможности прямой проверки вышестоящим судом фактических и правовых сторон судебного решения²³².

А.Т. Валеев подвергает сомнению идею безошибочности вердикта коллегии присяжных заседателей²³³.

По мнению С.А. Насонова «в апелляционном судебном следствии предметом проверки может быть лишь допустимость доказательств, исследованных с участием присяжных, а также могут быть проверены доказательства, исследованные в отсутствие присяжных (например, на этапе обсуждения последствий вердикта присяжных заседателей)»²³⁴.

А.А. Ильюхов подвергает критике возможность производства в суде второй инстанции без участия в ней присяжных заседателей. По мнению автора, такой порядок апелляционного пересмотра не позволяет полностью реализовывать положения Конституции РФ²³⁵.

О.А. Калякин замечает, что проверка исключительно юридической стороны приговора, предусмотренная законом, является прерогативой кассации²³⁶.

Аналогичную точку зрения высказывает Н.А. Колоколов, отмечая, что «приговор, вынесенный на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, рассмотрению в апелляционном порядке не подлежит. И это вполне закономерно, поскольку данный вид судопроизводства предполагает анализ и «факта», и «закона». Присяжные по существу «факта» уже высказались, и максимум, на что имеет право в таких условиях суд, – это проверка закона»²³⁷.

²³² Ковтун Н.Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство по уголовным делам в контексте соответствия международно-правовому стандарту // СПС «КонсультантПлюс».

²³³ Валеев А.Т. К вопросу о праве на апелляционное обжалование и сущности российской апелляции по уголовным делам // Актуальные проблемы российского права. 2016. N 5. С. 134.

²³⁴ Насонов С.А. Модели пересмотра не вступивших в законную силу приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных заседателей, в России и зарубежных странах // СПС «КонсультантПлюс».

²³⁵ Ильюхов А.А. Проблемы теории и практики апелляционного производства уголовных дел, рассмотренных судом с участием присяжных заседателей // Lex russica. 2016. N 4. С. 85

²³⁶ Калякин О.А. Апелляция в системе современных проверочных производств // СПС «КонсультантПлюс».

²³⁷ Колоколов Н. Уплотнение нынче в моде. Комментарий к изменениям, внесенным в уголовно-процессуальное законодательство РФ // СПС «КонсультантПлюс».

Изложив свою позицию, Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что правовой характер разбирательства с участием присяжных, предполагает такое различие между функциями профессионального судьи и присяжных, при котором решение фактических вопросов входит в компетенцию присяжных. В то же время особенность их вердикта, являющегося кратким ответом на поставленные вопросы, содержащие только выводы присяжных без изложения ими аргументов принятия решения, исключает возможность его проверки по фактическим обстоятельствам²³⁸.

Как видим, в науке и практике имеется широкий круг не совпадающих позиций относительно пределов обжалования решений, вынесенных судом с участием присяжных заседателей от предложений обжаловать такие решения в кассационном порядке, минуя апелляционный, до расширения пределов прав суда апелляционной инстанции.

По нашему мнению, сохранение российским законодателем возможности обращения в суд второй инстанции с просьбой проверки приговора, вынесенного при участии народного представительства является одной из гарантий соблюдения прав участников процесса.

Согласимся с Т.Г. Бородиновой, которая пишет, что «современный законодатель, руководствуясь принципами уголовного судопроизводства, попытался уравнивать права подсудимых, уголовные дела которых рассматриваются в разных процессуальных формах»²³⁹. Нельзя, кроме того, забывать о том, что исключение апелляционного обжалования из числа проверочных производств указанной категории судебных решений лишило бы возможности участников процесса обжаловать несправедливость приговора.

²³⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Рябушкиной Веры Григорьевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 348, пунктом 2 статьи 350, частью второй статьи 385 и статьей 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 февраля 2011 года N 116-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

²³⁹ Бородинова Т.Г. О специфике пересмотра приговоров, постановленных на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, в российском уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12 (49). С. 2823.

Что касается приведенной выше дискуссии о допустимости обжалования приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных в части установления фактических обстоятельств, полагаем, что переоценка профессиональным судом апелляционной инстанции фактических обстоятельств, установленных присяжными, на основании их внутреннего убеждения и жизненного опыта противоречит самой идее «народного правосудия».

Видится убедительной позиция Т.Г. Бородиновой, обращающей внимание, что «юридическая немотивированность вердикта присяжных заседателей, отсутствие ответственности за содержание вердикта является гарантией независимости и беспристрастности присяжных заседателей, руководствующихся прежде всего собственным усмотрением»²⁴⁰.

Свои разъяснения дает и Конституционный суд РФ, указывающий, что «присяжные заседатели, не будучи профессиональными судьями и основываясь при оценке доказательств и принятии решения преимущественно на своем жизненном опыте и сформировавшихся в обществе представлениях о справедливости, не обязаны мотивировать сделанные ими в вердикте выводы»²⁴¹.

Однако в этой связи, представляется, правильной было бы вести речь лишь о запрете оспаривания фактических обстоятельств, изложенных в вердикте. По нашему мнению, неоспоримость фактических обстоятельств, установленных председательствующим после провозглашения вердикта, ничем не мотивирована.

Согласно ч. 3 ст. 348 УПК РФ «председательствующий квалифицирует содеянное подсудимым в соответствии с обвинительным вердиктом, а также установленными судом обстоятельствами, не подлежащими установлению присяжными заседателями и требующими соответственно юридической оценки».

На упомянутую проблему было обращено внимание в диссертационном исследовании С.А. Трухина. Автор отмечает, что ряд вопросов, касающихся

²⁴⁰ Бородинова Т.Г. Указ. соч. С. 2824.

²⁴¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мирошниченко Владимира Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 379 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 N 1052-О // СПС «КонсультантПлюс».

фактических обстоятельств уголовного дела решается судом самостоятельно после провозглашения вердикта присяжных заседателей, однако «правильность установления единолично председательствующим этих вопросов факта практически оставлена законодателем без права на апелляционное обжалование»²⁴².

В контексте указанного вопроса о неоспоримости фактических обстоятельств, установленных вердиктом присяжных заседателей, обращают на себя внимание положения ч. 4 ст. 348 УПК. В силу указанной нормы «обвинительный вердикт коллегии присяжных заседателей не препятствует постановлению оправдательного приговора, если председательствующий признает, что деяние подсудимого не содержит признаков преступления»²⁴³. Возникает резонный вопрос: что если к выводу о необходимости оправдания придёт суд апелляционной инстанции, осуществляющий проверку обвинительного приговора? Установленный сегодня запрет пересмотра фактических обстоятельств дела не позволяет суду апелляционной инстанции вынести оправдательный приговор в таком случае. Полагаем, сложившаяся ситуация не способствует достижению закрепленных в ст. 6 УПК целей уголовного судопроизводства. Представляется, что при обнаружении оснований, предусмотренных в ч. 4 ст. 348 УПК РФ, судья должен иметь возможность постановить оправдательный приговор. Подход, в силу которого запрещается апелляционное обжалование на основании п. 1 ст. 389.15 УПК исключительно выводов коллегии присяжных заседателей, изложенных в вердикте, с успехом разрешит эту проблему.

На основании вышеизложенного приходим к выводу, что вопрос о допустимости поворота к худшему при обжаловании в апелляционном порядке решений, вынесенных судом с участием присяжных заседателей необходимо

²⁴² Трухин, С. А. Предмет и пределы апелляционного разбирательства уголовных дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Сергей Алексеевич Трухин. М., 2016. С.219.

²⁴³ Представляется, правильнее было бы указать на отсутствие в деянии подсудимого состава преступления, а не признаков преступления, поскольку основанием для вынесения оправдательного приговора в силу п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ является «отсутствие в деянии подсудимого состава преступления».

решать дифференцированно, во-первых, в зависимости от того, подлежит обжалованию непосредственно содержание вердикта присяжных, либо решение суда в остальной части, во-вторых, в зависимости от юридических или фактических оснований обжалования.

Примечательно, что в период действия Устава уголовного судопроизводства 1864 года законодатель разделял обжалование приговора в целом и обжалование содержания вердикта присяжных. В силу ст. 915 «постановление судом приговора, несогласного с решением присяжных заседателей, или несмягчение судом наказания, когда присяжными при решении дела было признано, что подсудимый заслуживает снисхождения, не может быть поводом к отмене решения присяжных, а должно служить основанием лишь к отмене приговора суда, основанного на этом решении». Нельзя, при этом, не отметить, что УУС предполагал лишь кассационный порядок проверки приговора, постановленного в такой процессуальной форме.

Полагаем, что обжалование фактической части приговора в той мере, в которой не ставятся под сомнение выводы присяжных, изложенные в вердикте, поворот к худшему допускается не иначе как по апелляционной жалобе потерпевшего, его законного представителя или представителя, либо представлению прокурора на основании и по мотивам, изложенным в жалобе, представлении. Что касается фактических обстоятельств, установленных вердиктом присяжных заседателей, в судебном разбирательстве апелляционного суда должен действовать абсолютный запрет *reformatio in rejus*. Представляется, такой подход в большей степени обеспечивает права потерпевшего по уголовному делу, рассмотренному с участием присяжных заседателей.

Что касается апелляционного обжалования приговора в части наличия процессуальных нарушений (а также учета требования справедливости приговора), поворот к худшему допускается. При этом без каких-либо особенностей соблюдению подлежит принцип *non reformatio in rejus*.

Основания отмены или изменения приговора, постановленного судом с участием присяжных заседателей, указаны в п. п. 2 - 4 ст. 389.15, п. п. 2 и 8 ч. 2 ст.

389.17, ч. 1.1 ст. 389.22, ст. 389.25 УПК РФ. Законодатель, а вслед за ним Верховный Суд РФ, закрепляют примерный перечень безусловно существенных нарушений закона, которые влекут отмену приговора, постановленного на основании вердикта коллегии присяжных заседателей²⁴⁴.

Применительно к указанной категории уголовных дел особое значение при анализе института поворота к худшему приобретает правило, согласно которому, при повторном рассмотрении уголовного дела после отмены приговора вышестоящим судом, положение лица может быть ухудшено только в случае, когда поводом для отмены указанного решения послужили жалоба или представление, содержащие подобное требование. Применительно к обжалованию обвинительного приговора – это требование об усилении наказания или применении закона о более тяжком преступлении, применительно к оправдательному приговору – это, как видится, требование об отмене оправдательного приговора и осуждении оправданного.

Таким образом, принятие судом решения о повороте к худшему (если такое решение не связано с фактической стороной дела) допускается при соблюдении следующих правил:

1) суд второй инстанции вправе постановить приговор, ухудшающий правовое положение осужденного, чье дело было рассмотрено с участием коллегии присяжных, только при наличии просьбы об этом прокурора, потерпевшего, его законного представителя и (или) представителя.

2) ужесточение наказания, применение закона о более тяжких преступлениях или любой другой поворот к худшему в новом уголовном процессе судом первой инстанции допускается исключительно, если первоначальный приговор был отменен в связи с мягкостью наказания, а также по другим причинам, приводящим к ухудшению положения осужденного.

²⁴⁴ См.: О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 N 23 (ред. от 15.05.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

3) при рассмотрении уголовного дела после отмены оправдательного приговора, вынесенного с участием присяжных, обвинительный приговор может быть вынесен только в том случае, если первоначальный приговор был отменен ввиду незаконности и необоснованности оправдания подсудимого.

В заключение можно сформулировать следующие выводы:

Во-первых, специфика рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей диктует необходимость дифференцированно подходить к возможности поворота к худшему при обжаловании судебных решений, вынесенных при рассмотрении указанной категории уголовных дел. Это означает, что правила *reformatio in rejus* разнятся в зависимости от того, подлежит обжалованию содержание вердикта коллегии присяжных или приговор в части, касающейся действий председательствующего после оглашения вердикта. Фактические обстоятельства, установленные присяжными, не могут быть пересмотрены апелляционным судом, поскольку последние не обязаны мотивировать свое решение; при ответе на вопросы руководствуются жизненным опытом и общими представлениями о справедливости. Единственным исключением из указанного правила является возможность апелляционной отмены вердикта в том случае, когда суд придет к убеждению о невиновности осужденного.

Во-вторых, независимо от оснований принятия судом второй инстанции решения, сопряженного с поворотом к худшему, необходимо учитывать действие принципа *non reformation in rejus*, в силу которого недопустимо ухудшение положения лица за пределами требований, изложенных в апелляционных жалобах, представлениях.

**§ 5. Поворот к худшему при обжаловании постановлений суда,
вынесенных в ходе производства о применении принудительной меры
медицинского характера в порядке гл. 51 УПК РФ**

Одной из форм проявления дифференциации уголовно-процессуальной формы является выделение в УПК РФ гл. 51, посвященной производству о применении принудительных мер медицинского характера. Основанием для выделения рассматриваемой категории дел является наличие у лиц, совершивших общественно-опасное деяние, психических расстройств, исключающих привлечение таких лиц к уголовной ответственности или делающих невозможным назначение или исполнение им наказания.

Лицо может заболеть психическим расстройством до, в момент, после совершения общественно-опасного деяния, в момент назначения или исполнения наказания. Если психическое заболевание является неизлечимым – лицо освобождается от уголовной ответственности. Бесспорно, что объем гарантий соблюдения в уголовном судопроизводстве прав и законных интересов лиц, страдающих психическими заболеваниями, ни в коем случае, не может быть меньшим, нежели для здоровых подозреваемых, обвиняемых. Указанный тезис подтверждается и на международном уровне²⁴⁵.

Российские законодательные предписания, посвященные правам лиц, в отношении которых ведется производство о назначении принудительных медицинских мер, сводятся к указанию в ч. 1 ст. 437 УПК РФ на то, что такое лицо вправе осуществлять права, гарантированные законом подозреваемым и обвиняемым, если это возможно в силу его психического состояния. Однако ст. ст. 46, 47 УПК, к которым отсылает законодатель, посвящены лицам, совершившим преступления, отсылка к ним не обеспечивает лицу, совершившему общественно-

²⁴⁵ Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи: Приняты резолюцией 46/119 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1991 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mental_health_care.shtml.

опасное деяние, должного правового регулирования его процессуального статуса, которое бы учитывало наличие психического заболевания. В связи с чем, разделяем позицию Г.Я. Борисевич, предлагающую главу 7 УПК «Участники уголовного судопроизводства со стороны защиты» дополнить статьей 47¹ «Лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера»²⁴⁶.

Возможность *reformatio in pejus* для лиц, страдающих психическими заболеваниями, в отношении которых ведется производство по уголовному делу, следует рассматривать с учетом сущностных особенностей указанной категории дел, продиктованных особой правовой природой принудительных мер медицинского характера. Не вызывает возражений позиция авторов, утверждающих, что они являются социально-правовыми мерами безопасности²⁴⁷.

Не стоит, однако, забывать о необходимости обеспечения прав потерпевших в указанной категории дел, а значит и необходимости не только обеспечить эффективное лечение лицу, совершившему общественно-опасное деяние, но и точную квалификацию совершенного деяния, в связи с чем, вопрос о допустимости поворота к худшему при производстве в порядке гл. 51 УПК более чем актуален.

Виды решений, которые могут быть приняты судом апелляционной инстанции, рассматривающим жалобы, представления на постановления, вынесенные в рамках указанной формы производства перечислены в ст. 389.20 УПК.

Рассмотрим особенности действия института поворота к худшему при принятии судом апелляционной инстанции различных видов решений.

²⁴⁶ Подробнее см.: Борисевич Г.Я. Законодательное регулирование производства по применению принудительных мер медицинского характера нуждается в совершенствовании // Тезисы докладов международной научно-практической конференции «Пермский конгресс ученых-юристов». 2010. С.545– 550.

²⁴⁷ Назаренко Г.В. Правовая природа принудительных мер медицинского характера // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. № 4 (17). С. 132. Гасанова В.Ш. Производство о применении принудительных мер медицинского характера: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Гасанова Вусалы Шахин кызы. Нижний Новгород, 2006. С. 10.

В случаях, когда постановление суда по итогам апелляционного разбирательства оставляется судом без изменения, вопросов не возникает. В связи с чем начать рассуждение резонно с анализа возможности *reformatio in pejus* в случаях изменения судом апелляционной инстанции постановления нижестоящего суда о применении принудительной меры медицинского характера. Принцип *non reformatio in pejus* действует при рассмотрении судом апелляционной инстанции жалоб, представлений на решения суда первой инстанции, вынесенных при производстве в порядке гл. 51 УПК РФ. Однако действие указанного принципа при обжаловании решений, вынесенных в порядке гл. 51 УПК РФ, имеет свои особенности, на которые и обратим внимание.

Так, поворот к худшему при производстве о применении принудительной меры медицинского характера возможен в двух направлениях: 1) при определении вида принудительной меры медицинского характера; 2) при определении правовой квалификации совершенного лицом общественно-опасного деяния.

Остановимся подробнее на каждом из случаев. По итогам рассмотрения данной категории дел к лицу может быть применен один из трех видов принудительных мер медицинского характера, предусмотренных ст. 99 УК РФ. Согласно п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ, посвященного производству в рамках гл. 51 УПК: суд, определяя вид принудительной меры, должен мотивировать свое решение, основываясь на заключении эксперта о психическом состоянии лица и других доказательствах, имеющихся в уголовном деле. В частности, Пленум Верховного Суда Российской Федерации рекомендует спрашивать экспертов, необходимо ли к такому человеку применять принудительные меры медицинского характера и какие именно (п. 6 Постановления)²⁴⁸. Несмотря на то, что заключение эксперта не имеет для суда заранее установленной силы и подлежит оценке в совокупности с другими доказательствами, оно является одним из основных источников получения судом

²⁴⁸ О практике применения судами принудительных мер медицинского характера: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 N 6 // Российская газета – Федеральный выпуск №5460 (84). Апрель. 2011.

квалифицированной информации о необходимости того или иного лечения для лица. Отвечая в заключении на поставленные вопросы, эксперт рекомендует применение конкретной принудительной меры медицинского характера, исходя из диагностируемого заболевания, требуемой лицу²⁴⁹. При этом определение экспертом необходимости назначения того или иного вида принудительной меры медицинского характера носит для суда рекомендательный характер.

Таким образом, возможна ситуация, когда суд назначит лицу принудительную меру медицинского характера, несовпадающую с той, что указана в заключении эксперта. В таком случае, если постановление суда будет обжаловано, суд апелляционной инстанции, оценивший заключение эксперта и другие доказательства, может прийти к выводу о необходимости ее изменения, как на более мягкую, так и на более строгую. Отсюда возникает необходимость разрешения вопроса о том, каковы пределы прав суда в подобной ситуации. Иными словами, требуется ответить - имеет ли место поворот к худшему в тех случаях, когда суд вышестоящей инстанции принимает решение об изменении вида принудительной меры медицинского характера с менее строгого на более строгий. Значение имеет и то, вправе ли суд апелляционной инстанции принимать такое решение по собственной инициативе.

При решении аналогичного вопроса о возможности суда апелляционной инстанции по собственной инициативе изменить вид исправительного учреждения, в главах нашего исследования выше мы пришли к выводу о том, что принятие такого решения есть не что иное, как поворот к худшему в отношении осужденного, в связи с чем он не может быть допущен без соответствующей жалобы, представления. В ситуации с изменением вида принудительной меры медицинского характера, на наш взгляд, необходим иной подход, в соответствии с

²⁴⁹ См., например,: Постановление Косинского районного суда Пермского края об освобождении от уголовной ответственности и применении принудительных мер медицинского характера № 1-20/2012 от 7 сентября 2012 г. по делу № 1-20/2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/ltw5E7HX2oJu/>.

которым суд апелляционной инстанции вправе по собственной инициативе изменять вид принудительной медицинской меры.

Согласимся с позицией А.Л. Осипова, обращающего внимание на дуалистичность правового и фактического положения страдающих психическими расстройствами лиц, нуждающихся в возможности надлежащей реализации функции защиты, с одной стороны, и в скором, квалифицированном лечении, с другой²⁵⁰.

Верховный Суд РФ расценивает изменение вида принудительной меры медицинского характера с менее строгой на более строгую как поворот к худшему, не допуская принятия решения о замене принудительной медицинской меры на более строгую вышестоящим судом *ex officio* (п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ)²⁵¹. На наш взгляд, с такой позицией сложно согласиться, поскольку применение к лицу принудительной меры медицинского характера лишено карательной цели, направлено, на излечение лица и обеспечение, в том числе его собственной безопасности.

Считаем возможным обратиться также к позициям Верховного Суда СССР, в силу которых изменение кассационным или надзорным судом по собственной инициативе вида принудительной меры медицинского характера не противоречит закону²⁵². Авторы научно-практического пособия по применению УПК РФ, разделяющие указанную позицию, поясняли, что определение вида психиатрического стационара не может рассматриваться как ухудшающее

²⁵⁰ Осипов А.Л. Производство о применении принудительных мер медицинского характера: национальное и международно-правовое измерения // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3. С. 137.

²⁵¹ О практике применения судами принудительных мер медицинского характера: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 // Российская газета – Федеральный выпуск №5460 (84). Апрель. 2011.

²⁵² О судебной практике по применению, изменению и отмене принудительных мер медицинского характера: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 апреля 1984 г. № 4. Утратил силу. [Электронный ресурс]. URL: <https://law.wikireading.ru/42986>

положение лица, поскольку связано с защитой самого лица, совершившего общественно-опасное деяние²⁵³.

Как видим, позиция Верховного Суда РФ по исследуемому вопросу менялась с течением времени. Представляется, разрешая анализируемую проблему, необходимо, в первую очередь, исходить из самой сущности этой формы уголовного судопроизводства. Решение о возможности поворота к худшему должно решаться через призму того, что производство в порядке гл. 51 УПК имеет цели отличные от целей ординарного процесса. Необходимо понимать, что лицу должно быть обеспечено не только соблюдение законной процедуры при производстве по уголовному делу, а в первую очередь возможность излечения. В силу ст. 98 УК РФ целями применения принудительных мер медицинского характера являются «излечение лиц, указанных в части первой статьи 97 настоящего Кодекса, или улучшение их психического состояния, а также предупреждение совершения ими новых деяний, предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса».

По нашему мнению, лишение суда апелляционной инстанции возможности по собственной инициативе, независимо от доводов апелляционной жалобы, представления изменить принудительную меру медицинского характера таит в себе опасность для самого лица, страдающего психическим заболеванием. Представляется, что такое решение может приниматься судом апелляционной инстанции в ревизионном порядке, однако должно сопровождаться исследованием доказательств, на основании которых суд приходит к выводу о замене вида принудительного лечения.

Далее рассмотрим возможность принятия решения, ухудшающего положение лица, в отношении которого ведется производство в порядке гл. 51 УПК при определении правовой квалификации совершенного этим лицом общественно-опасного деяния.

²⁵³ Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / Верин В.П., Дорошков В.В., Лебедев В.М. и др.; под ред. Лебедева В.М. М.: НОРМА, 2004. 448 с.

Пределы судебного разбирательства в части определения судом юридической квалификации совершенного лицом общественно-опасного деяния определяются исходя из формулировки, указанной в постановлении о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера. Однако при рассмотрении уголовного дела по существу суд может прийти к обоснованному выводу о необходимости иной, более тяжелой квалификации совершенного лицом деяния. Квалификация деяния, определяемая в постановлении о назначении принудительной меры медицинского характера, имеет юридическое значение. Выясним, приведет ли изменение квалификации к ухудшению положения лица, которому назначено принудительное медицинское лечение.

Так, для лица, психическое расстройство которого наступило уже после совершения преступления и сделало невозможным назначение наказания или его исполнение, правовая квалификация деяния имеет исключительное значение. Поскольку в случае излечения такое лицо подлежит уголовной ответственности (при условии, что не истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности). Следовательно, квалификация вышестоящим судом деяния как более тяжкого или расширение фактической стороны инкриминируемого лицу деяния ухудшает его положение.

Для лица, к которому применена принудительная мера медицинского характера, на первый взгляд, юридическая квалификация не имеет значения, поскольку такое лицо в любом случае не подлежит уголовной ответственности за содеянное. Однако более внимательное рассмотрение ситуации не позволяет сделать однозначный вывод, что изменение судом фактической или юридической сторон совершенного деяния не приведет для такого лица к повороту к худшему.

Большое значение в контексте данного вопроса играет ответ на вопрос – подлежит ли указанное лицо гражданско-правовой ответственности. В силу позиций Верховного Суда РФ заявленный по такому уголовному делу гражданский иск не подлежит удовлетворению. Однако это не препятствует реализации права на возмещение вреда в порядке гражданского судопроизводства. Что касается

положений гражданского законодательства – ч. 2 ст. 1078 ГК РФ, регламентирует ответственность за причинение вреда лицами, не способными понимать значения своих действий. Указанная норма не исключает возможность возложения ответственности на гражданина, причинившего вред жизни или здоровью потерпевшего в состоянии невменяемости.

Кроме того, ч. 3 ст. 1078 ГК РФ допускает возложение обязанности возместить вред на «проживающих совместно с лицом, совершившим общественно-опасное деяние, его трудоспособных супруга, родителей, совершеннолетних детей, которые знали о психическом расстройстве причинителя вреда, но не ставили вопрос о признании его недееспособным».

Квалификация деяния, указанная в постановлении так или иначе влияет на оценку судом размера возмещения по иску. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что изменение судом апелляционной инстанции формулировки совершенного лицом в состоянии невменяемости деяния приведет для такого лица к повороту к худшему.

Далее, остановимся на возможности *reformatio in re ius* в ходе принятия судом апелляционной инстанции решения о возвращении уголовного дела прокурору. Исходя из положений УПК, суд может вернуть уголовное дело прокурору по собственной инициативе, в следующих случаях. Во-первых, когда «есть необходимость составления обвинительного заключения или обвинительного акта по уголовному делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера». Мы солидарны с Л.Г. Татьяниной, в том, что, что без проведения повторной экспертизы решение данного вопроса может иметь место только в случае постановки под сомнение заключения судебно-психиатрической экспертизы, проведенной на предварительном следствии²⁵⁴. Находим этот тезис справедливым и применительно к ситуации принятия указанного решения судом апелляционной инстанции.

²⁵⁴ Татьяна Л.Г. Процессуальные проблемы производства по уголовным делам с участием лиц, имеющих психические недостатки (Вопросы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Татьяна Лариса Геннадьевна. Ижевск, 2003. 53 с.

Второе основание для возвращения уголовного дела прокурору определено в п.6 ч. 1 ст. 237 УПК. В таком случае имеет место поворот к худшему для лица, в отношении которого ведется производство в порядке гл. 51 УПК. Следовательно, принятие такого решения в силу, закрепленного в ч. 1 ст. 389.24 УПК принципа недопустимости поворота к худшему, должно сопровождаться наличием указанного требования в доводах апелляционной жалобы либо представления.

Следующий вид решения – отмена постановления суда вышестоящим судом при наличии неустранимых в суде апелляционной инстанции нарушений закона и передача уголовного дела в суд первой инстанции на новое разбирательство. К их числу принято относить, например, необеспечение судом лицу возможности личного участия в судебном заседании, если это позволяло состояние его психики²⁵⁵.

Допускает законодатель и прекращение уголовного дела в апелляционном суде. Принятие такого решения по нереабилитирующим основаниям в отношении лица, находящегося в момент совершения общественно-опасного деяния в состоянии невменяемости, не согласуется с сущностью и назначением применения принудительных мер медицинского характера к лицам, страдающим заболеваниями психики, ухудшает положение указанных лиц, поскольку означает констатацию виновности лица в совершении преступления. Представляется, закон должен содержать правило о недопустимости принятия такого решения.

Существует еще один вопрос, требующий разрешения. Так, ст. 444 УПК РФ²⁵⁶, закрепляющая порядок обжалования, не вступившего в законную силу постановления о применении принудительной меры медицинского характера, отсылает к гл. 45.1, устанавливая, что при реализации участниками процесса права обжаловать такое постановление применяются общие нормы, регламентирующие

²⁵⁵ О практике применения судами принудительных мер медицинского характера: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 N 6 // Российская газета. 2011. 20 апреля.

²⁵⁶ Нельзя не обратить внимания на несовершенство указанной нормы, которая, во-первых, не указывает на возможность обжалования решения суда законным представителем потерпевшего, во-вторых, исключает возможность обжалования постановления суда в кассационном порядке.

производство в суде апелляционной инстанции. Однако в гл. 45.1 нет нормы, в которой бы упоминалось лицо, в отношении которого вынесено постановление о применении принудительных мер медицинского характера, данная категория участников процесса осталась за пределами правового регулирования.

Представляется, для преодоления этой проблемы могут быть избраны два пути решения. Первый: закрепление непосредственно в гл. 51 УПК РФ правовых норм, предусматривающих особенности обжалования постановлений суда о применении принудительных мер медицинского характера. Второй путь, на наш взгляд, более приемлемый – включение в нормы глав 45.1 (и по тем же причинам в нормы глав 47.1, 48.1 УПК РФ) лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера в качестве субъектов обжалования.

Учитывая вышеизложенное, предлагаем внести в гл. 45.1 УПК РФ соответствующие изменения, которые будут способствовать соблюдению прав и законных интересов лиц, страдающих психическими заболеваниями²⁵⁷.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Во-первых, существует необходимость включения в нормы главы 45.1 УПК лиц, совершивших общественно-опасные деяния, в качестве субъектов обжалования.

Во-вторых, вопрос о повороте к худшему при обжаловании в апелляционном порядке решений, принимаемых судом по итогам рассмотрения уголовных дел в порядке, определенном гл. 51 УПК РФ, решается с учетом правовой природы института принудительных мер медицинского характера. Указанные меры отличаются от наказания, их применение нацелено на излечение или улучшение психического состояния совершивших общественно опасное деяние лиц, а также на предупреждение совершения ими новых предусмотренных уголовным законом деяний.

В-третьих, ухудшение или улучшение положения лица, производство, в отношении которого осуществляется в порядке гл. 51 УПК может быть связано, во-

²⁵⁷ См. Приложение Б к настоящей работе. С. 213 – 216.

первых, с выбором судом той или иной принудительной медицинской меры, во-вторых, с определением юридической квалификации общественно-опасного деяния. В зависимости от этого вопрос о допустимости поворота к худшему решается по-разному. Изменение судом апелляционной инстанции в ревизионном порядке вида принудительной меры медицинского характера, в том числе на более строгую, если такое решение мотивировано, с учетом исследования заключения эксперта и других доказательств не является поворотом к худшему. В свою очередь, возможность принятия судом апелляционной инстанции решения, ухудшающего положение лица, в отношении которого судом вынесено постановление в порядке, предусмотренном гл. 51 УПК, при определении правовой квалификации совершенного этим лицом общественно-опасного деяния допускается при одновременном соблюдении правила, изложенного в ч. 1 ст. 389.24 УПК.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Поворот к худшему представляет собой сложный, межотраслевой, регулятивный институт уголовно-процессуального права, представляющий собой систему взаимодействующих правовых норм, обеспечивающих соблюдение прав и законных интересов лиц, в отношении которых ведется или велось производство по уголовному делу, в ходе принятия сопряженных с поворотом к худшему процессуальных решений дознавателем, следователем, прокурором, судом на различных этапах уголовного процесса.

2. Ухудшение положения лица имеет место в случаях, когда в обвинение включаются дополнительные, не вмененные лицу ранее факты (эпизоды); увеличивается фактический объем обвинения без переквалификации деяния; исключаются какие-либо смягчающие наказание обстоятельства; увеличивается размер взыскания по гражданскому иску и т.д. Отсутствие в УПК РФ примерного перечня критериев поворота к худшему приводит к судебным ошибкам.

3. К субъектам института наряду с теми, что перечислены в законе, необходимо отнести лицо, в отношении которого ведется или велось производство о применении принудительной меры медицинского характера, гражданского ответчика.

4. Выделяются материальные и процессуальные основания поворота к худшему. В качестве материальных оснований могут выступать имеющие место в конкретном уголовном деле: наступление новых общественно-опасных последствий совершенного преступления, общественно-опасного деяния; установление новых обстоятельств преступления, общественно-опасного деяния; назначение судом чрезмерно мягкого наказания и др. В качестве процессуального основания выступает уголовно-процессуальный акт-решение, вынесенный в отношении конкретного лица, в порядке, определенном УПК РФ, ухудшающий его

положение по сравнению с определенным в процессуальном решении, принятом на предыдущем этапе уголовного судопроизводства.

5. Условия поворота к худшему представляют собой предусмотренную законом совокупность правил, при соблюдении которых допускается принятие решения, сопряженного с *reformatio in pejus*. Условия поворота к худшему определяются в зависимости от стадии уголовного процесса, а также вида производства.

6. На этапе досудебного производства потребность в возможности поворота к худшему обусловлена активным процессом собирания, проверки и оценки доказательств, установления обстоятельств уголовного дела. Законодатель требует указания точной квалификации деяния во всех уголовно-процессуальных актах (постановлении о возбуждении уголовного дела, постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном заключении и т.д.). Процедура принятия решений, ухудшающих положение подозреваемого, обвиняемого строго формализована.

7. Поворот к худшему на стадии подготовки к судебному заседанию может иметь место в ходе предварительного слушания при принятии решения о возвращении уголовного дела прокурору.

8. Возможность принятия решений, сопряженных с поворотом к худшему, в суде первой инстанции ограничивается пределами судебного разбирательства, определенными в ст. 252 УПК РФ, однако на сегодняшний день это правило преодолимо, в связи с наличием оснований возвращения уголовного дела прокурору, перечисленных в п. 6 ч. 1 и ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ.

9. Принцип недопустимости поворота к худшему (*non reformatio in pejus*) является элементом института поворота к худшему, находит отражение в проверочных стадиях уголовного процесса и представляет собой правило, согласно которому суд вышестоящей инстанции вправе принять решение, ухудшающее положение лица, в отношении которого велось или продолжается уголовное судопроизводство, на основании и в пределах требований, изложенных в жалобе, представлении участников процесса со стороны защиты.

10. Возвращение уголовного дела прокурору на основании п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК по инициативе суда должно допускаться лишь в суде первой инстанции – на предварительном слушании либо по итогам судебного разбирательства. При решении данного вопроса в стадии апелляционного обжалования применению подлежит специальная норма (ст. 389.24 УПК).

Возможность возвращения судом уголовного дела прокурору на основании п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ после вступления приговора в законную силу должна быть исключена из закона как противоречащая сущности стадий кассационного и надзорного производств.

11. Стадия апелляционного производства занимает особое место в системе уголовного процесса, является единственным порядком, предусматривающим проверку законности, обоснованности и справедливости судебных решений, не вступивших в законную силу. Предмет апелляционного судебного разбирательства предопределяет специфику данной стадии, которая выражается в широких полномочиях по принятию процессуальных решений и возможности исследования фактических обстоятельств уголовного дела.

Российское законодательство закрепляет такой тип апелляции, который не предполагает повторный пересмотр уголовного дела по правилам суда первой инстанции. Отечественная модель определяется контрольно-проверочным характером стадии, представляет собой инициированную сторонами проверку законности, обоснованности, справедливости решения суда первой инстанции, с возможностью суда прибегнуть к исследованию доказательств, исследованных судом первой инстанции, а также новых доказательств.

12. Поворот к худшему при пересмотре решений суда, вступивших в законную силу, возможен лишь в редчайших, исключительных случаях. Возможность *reformatio in rejus* предусмотрена законодателем при строгом соблюдении нескольких условий. Во-первых, срок, отпущенный для принятия такого решения, ограничен законом в один год. Во-вторых, поворот к худшему возможен лишь в том случае, когда в процессе рассмотрения дела были допущены фундаментальные нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона.

Кроме того, право суда кассационной и надзорной инстанции на принятие решения, ухудшающего положение осужденного, ограничено законом пределами, в рамках которых ухудшить положение лица можно лишь в том случае, когда данное требование отражено в поданной в отношении него жалобе, представлении.

13. Ретроспективный анализ исторического законодательства нашего государства позволил прийти к выводу, что говорить о существовании норм, направленных непосредственно на регулирование поворота к худшему возможно начиная с момента принятия первого кодифицированного акта, регламентирующего уголовное судопроизводство. Так, применительно к апелляционной инстанции, важнейшим документом, впервые комплексно закрепившим недопустимость поворота к худшему, стал Устав уголовного судопроизводства 1864 года. В период действия УПК РСФСР 1922 года формально закрепленный принцип запрета поворота к худшему полностью нивелировался практически безграничной возможностью направления уголовного дела на следствие. УПК РСФСР 1960 года предусматривал в числе гарантий соблюдения прав лиц, в отношении которых ведется производство по уголовному, делу принцип недопустимости поворота к худшему при производстве в судах кассационной и надзорной инстанций, кроме того, правила о пределах допустимости поворота к худшему получили развитие в судебной практике.

С принятием Верховным Советом РСФСР в 1991 году Концепции судебной реформы был взят курс на четкое определение границ института поворота к худшему, упразднение института дополнительного расследования, закрепление принципа недопустимости поворота к худшему. Указанные положения были реализованы с принятием в 2001 году УПК РФ. Однако с течением времени многие принципиальные положения, регламентирующие *reformatio in rejus* претерпели изменения.

14. Принцип *non reformatio in rejus* в большей степени нашел свое отражение в уголовно-процессуальном законодательстве стран, принадлежащих романо-германской правовой семье. Закрепление в кодексах западных государств этого института явилось следствием рецепции римского права, которому запрет

поворота к худшему был известен. Единых правил, регламентирующих пределы поворота к худшему в государствах англо-саксонского права, не выработано.

Анализ законодательства ряда стран ближнего зарубежья (Республики Беларусь, Республики Казахстан и Украины) позволяет констатировать, что, как и в законодательстве России, институт поворота к худшему развит более сильно, чем в европейском. В таком случае можно говорить о существовании в кодексах целой совокупности норм, регулирующих основания, условия, критерии поворота к худшему и т.д.

15. Институт поворота к худшему в суде апелляционной инстанции имеет особенности реализации в зависимости от вида производства, в рамках которого вынесен приговор или иное решение. В связи с чем, выделяются общие условия, при соблюдении которых допустим поворот к худшему в суде апелляционной инстанции и специальные условия, продиктованные особенностями различных процессуальных форм.

16. К общим условиям, при соблюдении которых допустим поворот к худшему в суде апелляционной инстанции, относятся: 1) соблюдение принципа *non reformatio in pejus*; 2) ограничение возможности поворота к худшему правовой квалификацией деяния, изложенной в обвинительном заключении, обвинительном акте, обвинительном постановлении; 3) ограничение ревизионной активности суда правилом о запрете возможности ухудшения положения лица за пределами требований, изложенных в апелляционной жалобе, представлении.

17. Поворот к худшему при обжаловании не вступивших в законную силу приговоров или иных решений суда, вынесенных в порядке, предусмотренном главами 40, 40.1 УПК РФ возможен с учетом ряда особенностей. Во-первых, суд апелляционной инстанции не может выйти за пределы предъявленного обвинения, с которым согласился обвиняемый. Во-вторых, изменяя размер или вид наказания, назначенный судом первой инстанции суд апелляционной инстанции не вправе отступить от пределов поощрительной санкции, гарантированной обвиняемому в обмен на согласие с предъявленным обвинением, в том числе в случаях, когда судебное разбирательство проведено в общем порядке по причинам, независящим

от лица, согласившегося с предъявленным обвинением, и заявившим ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства.

На решение вопроса о допустимости поворота к худшему при обжаловании решений, вынесенных в порядке гл. 40.1 УПК РФ, влияет закрепленное законодателем в ст. 90 УПК РФ правило о том, что указанные решения не носят преюдициального характера. Необходимо разрешение ситуаций, связанных с действием указанной нормы:

1) когда изблеченные лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве, соучастники преступления по тем же фактическим обстоятельствам в последствие оправданы или осуждены по статье Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за менее тяжкое преступление;

2) когда приговор по основному делу, постановленный в общем порядке (и, как следствие, носящий преюдициальный характер в силу прямого указания в ст. 90 УПК) содержит формулировку о виновности соучастников преступления, в совершении более тяжкого преступления чем того, с которым согласился обвиняемый в рамках сотрудничества, либо при тождественности квалификации, суд в описательной части приговора приводит описание деяния, увеличивающее фактический объем обвинения.

Предлагается ряд мер, способствующих принятию законных, обоснованных и справедливых решений в указанных случаях. Среди них:

-закрепление в законе очередности рассмотрения уголовных дел в порядке гл. 40.1 УПК РФ, не позволяющей рассматривать уголовное дело в отношении лица, подписавшего досудебное соглашение о сотрудничестве, до момента вступления в силу итогового судебного решения по делу соучастников преступления;

- использование в качестве механизма учета обстоятельств, установленных решением, имеющим преюдициальную силу, процедуры изменения досудебного соглашения о сотрудничестве.

18. Особенности определения правил допустимости поворота к худшему при обжаловании приговоров и иных решений, вынесенных мировым судьей по делам

частного обвинения, обусловлены особой природой данного вида производства, в котором отсутствует стадия предварительного расследования, а функция обвинения возложена на потерпевшего.

В стадии апелляционного обжалования приговора или иного решения мирового судьи вопрос о возможности *reformatio in pejus* должен решаться с учетом пределов судебного разбирательства, сформированных при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции.

В том случае, когда в ходе рассмотрения уголовного дела по существу одновременно с первоначальным было рассмотрено встречное заявление по уголовному делу, должно действовать особое правило о запрете ревизионной проверки, заключающееся в том, что суд апелляционной инстанции ни при каких обстоятельствах не вправе выйти за пределы доводов, изложенных сторонами при подаче апелляционной жалобы.

Закрепление в законе ч. 8 ст. 318 УПК противоречит диспозитивному началу уголовных дел частного обвинения. Привлечение прокурора для участия в судебном разбирательстве по делу частного обвинения порождает массу неразрешимых противоречий, связанных с невозможностью в конечном итоге определения его роли в судебном процессе. В связи с чем, при наличии обстоятельств, обозначенных в ч. 8 ст. 318 УПК, уголовное дело должно рассматриваться в публичном порядке.

19. Специфика рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей диктует необходимость дифференцированно подходить к возможности поворота к худшему при обжаловании судебных решений, вынесенных при рассмотрении указанной категории уголовных дел. Это означает, что правила *reformatio in pejus* разнятся в зависимости от того, подлежит обжалованию содержание вердикта коллегии присяжных или приговор в части, касающейся действий председательствующего после оглашения вердикта. Фактические обстоятельства, установленные присяжными, не могут быть пересмотрены апелляционным судом, поскольку последние не обязаны мотивировать свое решение, при ответе на вопросы руководствуются жизненным

опытом и общими представлениями о справедливости. Единственным исключением из указанного правила является возможность апелляционной отмены вердикта в том случае, когда суд придет к убеждению о невиновности осужденного.

Независимо от оснований принятия судом апелляционной инстанции решения, сопряженного с поворотом к худшему, необходимо учитывать действие принципа недопустимости поворота к худшему, распространяющегося, в том числе на повторное рассмотрение уголовного дела после отмены приговора.

20. Поворот к худшему при обжаловании постановлений суда, вынесенных в порядке гл. 51 УПК, теоретически возможен в двух направлениях: 1) при определении вида принудительной меры медицинского характера; 2) при определении правовой квалификации совершенного лицом общественно-опасного деяния.

В случае обжалования постановления суда о применении принудительной меры медицинского характера суд апелляционной инстанции, оценивший заключение эксперта и другие доказательства, может прийти к выводу о необходимости ее изменения, как на более мягкую, так и на более строгую.

Изменение судом вида принудительной меры медицинского характера на более строгую не ухудшает положение лица, страдающего психическим заболеванием, поскольку применение к лицу принудительной меры медицинского характера лишено карательной цели, направлено, на излечение лица и обеспечение, в том числе его собственной безопасности. Такое решение может приниматься судом апелляционной инстанции в ревизионном порядке, однако должно сопровождаться исследованием доказательств, на основании которых суд принимает указанное решение.

Поворот к худшему, связанный с юридической характеристикой совершенного лицом общественно-опасного деяния, может иметь место только при соблюдении правила, изложенного в ч. 1 ст. 389.24 УПК о недопустимости поворота к худшему.

Проведенное исследование открывает пути дальнейшего изучения института поворота к худшему, существует необходимость исследования особенностей его реализации и на других стадиях уголовного процесса, а также применительно к промежуточным решениям суда.

Список литературы

I. Нормативные правовые акты

2. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. N 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. N 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. N 11-ФКЗ) // СЗ РФ. – 2014. – N 31. – ст. 4398.

3. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // URL: <http://base.garant.ru/10135532>.

4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm>.

5. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // URL: <http://base.garant.ru/2540295>.

6. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Принят Государственной Думой Федерального Собрания РФ 22 ноября 2001 г. №174-ФЗ (в ред. ФЗ РФ от 30 марта 2015 № 62-ФЗ) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. 1) . – Ст. 4921.

7. Уголовный кодекс РФ. Принят Государственной Думой Федерального Собрания РФ 24 мая 1996 г. №63-ФЗ (в ред. ФЗ РФ от 8 марта 2015 г. №45-ФЗ) // СЗ РФ. – 1996. – №25. – Ст. 2954.

8. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ (в ред. ФЗ РФ от 5 июня 2012 г. № 62-ФЗ) // Российская газета. – 2012. – 31 декабря.

9. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 4 марта 2013 г. N 23-ФЗ // Российская газета. – 2013. – 6 марта.

10. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: Федеральный закон от 3 июля 2016 N 323-ФЗ // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200696/.

11. О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 г. N 269-ФЗ // Российская газета. – 2014. – 25 июля.

12. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 июня 2009 № 141-ФЗ // СЗ РФ. – 2009. – № 26. – Ст. 3139.

13. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу совершенствования порядка судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: Федеральный закон от 3 июля 2016 N 322-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2016. – N 27 (часть II). – ст. 4255.

14. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Принят Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов 25 мая 1922 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757376> 376. Утратил силу.

15. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Утвержден Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34685/?frame=2#p54. Утратил силу.

16. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // [электронный документ] URL: <http://base.garant.ru/57791498>. Утратил силу.

17. О Концепции судебной реформы в РСФСР: Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 N 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – 31 октября. – N 44. – Ст. 1435.

II. Материалы судебной практики

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород» // СЗ РФ. – 1999. – № 17. – Ст. 2205.

19. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 года N 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений уголовно - процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2000. – 31 января. – N 5. – ст. 611.

20. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 N 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно- процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. – N 1. – 2004.

21. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 N 2-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» // СПС «КонсультантПлюс».

22. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. N 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ

«Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2010. – N 2.

23. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко» // URL: <http://www.ksrf.ru/ru>.

24. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Российская газета. – 2013. – 12 июля.

25. Определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2005 N 268-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса мирового судьи судебного участка N 1 города Смоленска о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 145, статей 318 и 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

26. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 февраля 2011 года N 116-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Рябушкиной Веры Григорьевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 348, пунктом 2 статьи 350, частью второй статьи 385 и статьей 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

27. Определение Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 N 1052-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мирошниченко Владимира Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 379 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

28. Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2016 N 15-О «По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности положений статьи 252, части первой статьи 389.13, части третьей статьи 389.20 и части первой

статьи 389.24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

29. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 сентября 1975 N 5 «О соблюдении судами Российской Федерации процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных дел» // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1974. – №3.

30. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 года №1 «О судебном приговоре» // Российская газета. – 1996. – 22 мая. – N 95. – (Утратило силу).

31. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 N 23 (ред. от 15.05.2018) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» // СПС «КонсультантПлюс».

32. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05 декабря 2006 N 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Российская газета. – N 286. – декабрь. – 2006.

33. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 N 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» // Российская газета. – №5460 (84). – Апрель. – 2011.

34. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 N 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Российская газета. – 2012. – 11 июля.

35. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Российская газета. – 2014. – 7 февраля.

36. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. N 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. – № 7145 (277). – <https://rg.ru/2016/12/07/prigovor-dok.html>.

37. Надзорное определение Верховного Суда РФ от 8 октября 2008 г. по Делу № 30-ДП08-23.
38. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 23 мая 2012 г. дело № 65-П12 // URL: <http://sudact.ru/vsrf/doc/ckiSGGWJOrgO/>.
39. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 октября 2005 г. (Дело № 48-005-81 2005) // URL: <http://sudact.ru/vsrf/doc/ruH9dslWucgR/>.
40. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 21 ноября 2007 г. по делу № 2-11/07 (Дело № 29-007-17) // URL: <http://sudact.ru/vsrf/doc/PMUp6Cg6gON8/>.
41. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2008 г. (Дело № 42 - 008 - 9) // URL: <http://sudact.ru/vsrf/doc/IIEcZ2Sw8mYQ/>.
42. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. (Дело № 18-009-47) <http://sudact.ru/vsrf/doc/aO9gCKDdgv58/>.
43. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26 октября 2010 г (Дело № 14-010-44) // URL: <http://sudact.ru/vsrf/doc/10hWrVykyngP/>.
44. Кассационное Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 сентября 2011 г. (Дело № 67 - ОН - 77) // URL: <http://sudact.ru/vsrf/doc/GvnsxQqEukmX/>.
45. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. по делу № 2-11/2011 (Дело № 19-ОП-41СП) // URL: <http://sudact.ru/vsrf/doc/zWfA1Lj9YVHq/>.
46. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 октября 2012 г. N 56-О12-57сп.
47. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 22 сентября 2016 N 16-АПУ16-17 // URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-22092016-n-16-apu16-17//>.

48. Постановление Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2008 г. по делу «Проценко против Российской Федерации» (Protsenko v. Russia), жалоба N 13151/04, §§ 25 – 34.

49. Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 декабря 2008 г. по делу «Тишкевич против Российской Федерации» (Tishkevich v. Russia), жалоба N 2202/05, §§ 25 – 26.

50. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Кот против Российской Федерации», § 24.

51. Постановление Европейского Суда по правам человека от 14.03.2013 «Дело «Асмаев (Asmayev) против Российской Федерации» (жалоба N 44142/05 §54).

52. The European Court of Human Rights in the case of Sinichkin v. Russia (Appl. no. 20508/03, 08 July 2010) // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-98128>.

53. Обзор апелляционной и кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда за шесть месяцев 2014 года (утв. Президиумом Красноярского краевого суда 22 июля 2014) // Буква закона. N 91. 2014.

54. Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда № 1-426/2014 22-1045/2015 от 14 апреля 2015 г. по делу № 1-426/2014 // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/5RQP2Wwft7bO/>.

55. Апелляционное постановление суда Ханты-Мансийского автономного округа № 22-1828/2016 от 13 октября 2016 г. по делу № 22-1828/2016 // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/feSYRxiVhxWK/>.

56. Апелляционное постановление № 10-1/2017 10-49/2016 от 2 февраля 2017 г. по делу № 10-1/2017 // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/UW5qICE4RgZZ/>.

57. Апелляционное постановление № 22-1838/2017 от 27 апреля 2017 г. по делу № 22-1838/2017 (Ростовский областной суд) // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/rG7ccOmkmTY1/>.

58. Апелляционное определение Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 14 декабря 2015 г. по делу N 22-1182/2015.

59. Постановление Президиума Брянского областного суда № 44У-38/2014 4У-52/2014 от 12 марта 2014 г. по делу № 44У-38/2014 // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/tV3J9S6fnXm1/>.

60. Постановление Президиума Верховного Суда Республики Башкортостан № 44У-454/2015 4У-1246/2015 от 2 сентября 2015 г. по делу № 44У-454/2015 // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/5YL9gT3zRO8/>.

61. Постановление Президиума Ростовского областного суда от 01.10.2015 N 44у-218/2015.

62. Постановление Президиума Московского городского суда от 04.12.2015 по делу N 44у-301/2015// URL: <http://www.consultant.ru>.

63. Постановление Президиума Верховного суда Республики Коми от 17 февраля 2016 N 44у-2/2016.

64. Постановление Президиума Белгородского областного суда от 30 июня 2016 N 4У-365/2016.

65. Постановление Президиума Белгородского областного суда от 14 июля 2016 N 44У-60/2016.

66. Постановление Президиума Ростовского областного суда от 28 июля 2016 N 44у-191/2016.

67. Постановление президиума Мурманского областного суда № 44У-62/2017 4У-683/2017 от 26 декабря 2017 г. по делу № 1-1/2015 // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/tb3SKqi8bZVV/>.

68. Апелляционное постановление Ростовского областного суда от 21 августа 2013 г. по делу № 22-5421/2013. // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/iMrPGmbD5bUu/>.

69. Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 7 октября 2014 года по делу №22-6666/2014 // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/N0o9ЮmMAY1K/>.

70. Определение Челябинского областного суда № 10-1240/2015 от 19 марта 2015 г. по делу № 10-1240/2015 // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/VqK1uRGZzzxJ/>.

71. Апелляционный приговор Рыбинского городского суда Ярославской области от 22 апреля 2014 г. № 10-15/2014 // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/QZcoZggqBvgq/>.
72. Постановление Гусь-Хрустального городского суда № 10-23/2014 1-32-1/14 от 11 августа 2014 г. // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/blB5jOacn2rJ/>
73. Апелляционное постановление Шолоховского районного суда Ростовской области № 10-6/2014 от 8 сентября 2014 г. по делу № 10-6/2014 // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/esRXVKCg90YX/>.
74. Апелляционное постановление Нытвенского районного суда Пермского края № 10-6/2016 от 16 марта 2016 г. по делу № 10-6/2016 // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/cRH8QBRittJr/>.
75. Апелляционное постановление Ачинского городского суда Красноярского края № 10-29/2016 от 30 августа 2016 г. по делу № 10-29/2016. // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/9Tic8R9FoKQn/>.
76. Апелляционное постановление Шилкинского районного суда Забайкальского края № 10-12/2016 от 24 мая 2016 г. // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/t2Z8hE7jn4Lu/>.
77. Апелляционное постановление Забайкальского краевого суда № 22-3329/2016 от 27 сентября 2016 г. по делу № 22-3329/2016 // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/YLnLwMXIz9J1/>.
78. Приговор мирового судьи судебного участка № 1 города Собинки, Собинского района и ЗАТО г. Радужный Владимирской области от 31 августа 2016 г. по делу № 1-44/2016 г. // URL: <http://sudact.ru/magistrate/doc/vUmnbo8nboJx/>
79. Приговор Лысьвенского городского суда (Пермский край) от 2 марта 2011 г. № 10-11(11г.) // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/DNuJMwMBCBmO/>.
80. Приговор Новгородского областного суда от 21 мая 2012 г. // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/lZ7Z4p8PdWZ1/>.
81. Постановление Косинского районного суда Пермского края об освобождении от уголовной ответственности и применении принудительных мер

медицинского характера № 1-20/2012 от 7 сентября 2012 г. по делу № 1-20/2012 // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/ltw5E7HX2oJu/>.

82. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4151>.

III. Диссертации и авторефераты

83. Абшилава, Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Абшилава Георгий Валерьянович. – Москва, 2012. – 55 с.

84. Алтынникова, Л. И. Особенности реализации принципа состязательности сторон в современном российском апелляционном производстве по уголовным делам: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Алтынникова Лиля Игоревна. – Москва, 2017. – 32 с.

85. Бородинова, Т. Г. Институт пересмотра приговоров в современном уголовно-процессуальном праве Российской Федерации: дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.09 / Татьяна Геннадьевна Бородинова. – Краснодар, 2016. – 455 с.

86. Бочкарев, А.Е. Особый порядок судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Бочкарев Александр Евгеньевич. – Владимир, 2005. – 216 с.

87. Быковская, Е. В. Уголовное судопроизводство по делам частного обвинения: проблемы правовой регламентации и их решение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Быковская Елена Васильевна. — М., 2006. — 24 с.

88. Варьяс, Михаил Юрьевич. Теократическое государство в романо-германской правовой системе: Дис. ... канд. юрид. наук. 2003. [Электронный ресурс] // <https://dl1.lib.ua-ru.net/files/dfd/251/030345025.doc>.

89. Гайворонская, Л.В Особенности доказывания в суде апелляционной инстанции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09/ Гайворонская Лина Вениаминовна. - Москва, 2017. – 239 с.

90. Гасанова, В.Ш. Производство о применении принудительных мер медицинского характера: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Гасанова Вусаля Шахин кызы. – Нижний Новгород, 2006. – 21 с.

91. Глухов, Д.В. Совершенствование института особого порядка судебного разбирательства в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Глухов Дмитрий Викторович. – Санкт-Петербург, 2012. – 25 с.

92. Головинский, М.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве: нормативно-правовое регулирование и практика применения: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.09 / Головинский Максим Михайлович. – Владимир, 2011.

93. Головков, В.Л. Апелляционное производство по уголовным делам в Российской Федерации: проблемы и пути решения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Головков Вячеслав Леонидович. – Ижевск, 2004. – 30 с.

94. Головков, В.Л. Апелляционное производство по уголовным делам в Российской Федерации: проблемы и пути решения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Головков Вячеслав Леонидович. – Ижевск, 2004. – 314 с.

95. Дудина, Н.А. Порядок производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как процессуальная форма деятельного раскаяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Дудина Надежда Афанасьевна. – Томск, 2015. – 23 с.

96. Иванов, А.А. Теоретические и организационно-правовые аспекты реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Иванов Андрей Андреевич. – Н. Новгород, 2013. – 265 с.

97. Ивасенко, К.В. Пределы прав вышестоящих инстанций при проверке судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном производствах: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ивасенко Кристина Вадимовна. – Москва, 2014. – 265 с.

98. Качалова, О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Качалова Оксана Валентиновна. – Москва, 2016. – 482 с.

99. Комогорцева, К. А. Рассмотрение уголовных дел в апелляционном порядке по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Комогорцева Ксения Анатольевна. – Москва, 2013. – 34 с.

100. Корякин, А.Л. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Корякин Алексей Леонидович. – Сургут, 2015. – 221 с.

101. Лопатин, С.А. Реализация или преодоление преюдиции в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Лопатин Сергей Александрович. – Москва, 2017. – 245 с.

102. Мазина, Н. Н. Апелляционное производство в современном уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Наталья Николаевна Мазина. – Казань, 2015. – 29 с.

103. Михеенкова, М.А. Благоприятствование защите (*favor defensionis*) и его проявление в современном уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2012. – 31 с.

104. Мухтасипова, Т. Н. Механизм реализации функции частного обвинения в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Мухтасипова Татьяна Николаевна. – Челябинск, 2004. – 20 с.

105. Ретунская, Т. П. Защита частного интереса в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ретунская Татьяна Павловна. — СПб, 2005. — 26 с.

106. Романова, А.А. Современное апелляционное производство в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09/ Романова Анастасия Андреевна. – Нижний Новгород, 2017. – 230 с.

107. Сидорова, Н.В. Апелляция в системе производств в суде второй инстанции в уголовном процессе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Сидорова Наталия Викторовна. – Томск, 2005. – 244 с.

108. Старовойтов, А. А. Особенности производства по делам частного обвинения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Старовойтов Андрей Александрович. – Москва, 2005. – 23 с.

109. Татьяна, Л.Г. Процессуальные проблемы производства по уголовным делам с участием лиц, имеющих психические недостатки (Вопросы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Татьяна Лариса Геннадьевна. – Ижевск, 2003. – 53 с.

110. Тензина, Е. Ф. Производство по делам частного обвинения как форма диспозитивности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Тензина Елена Фанавиевна. – Ижевск, 2004. – 30 с.

111. Тисен, О.Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Тисен Ольга Николаевна. – Оренбург, 2017. – 487 с.

112. Тришина, Н. Т. Юридикто-фактическая проверка приговора в апелляционном производстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Надежда Тельмановна Тришина. – Саратов, 2012. – 243 с.

113. Трухин, С. А. Предмет и пределы апелляционного разбирательства уголовных дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Сергей Алексеевич Трухин. – Москва, 2016. – 28 с.

114. Трухин, С. А. Предмет и пределы апелляционного разбирательства уголовных дел: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Сергей Алексеевич Трухин. – Москва, 2016. – 315 с.

115. Ухова, Е. В. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ухова Елена Викторовна. – Москва, 2004. – 27 с.

116. Хатуаева, В. В. Реализация частного (диспозитивного начала) в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Хатуаева Виктория Владимировна. — Москва, 2006. — 393 с.

117. Хупсергенов, Х.М. Обеспечение прав потерпевшего при рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Хупсергенов Хачим Мухамедович. – Краснодар, 2009. – 265 с.

IV. Книги, статьи и иная специальная литература

118. Абрамова Н.Г., Чугаева В.В. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве как эффективное средство борьбы с организованной преступностью // Российская юстиция. – 2016. – N 7. – С. 31–33.

119. Авакьян С. А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. – М.: Юстицинформ, 2015. – 640 с.

120. Александров А.С., Кучин А.Ф., Смолин А.Г. Правовая природа института, регламентированного гл. 40 УПК РФ // Российский судья. – 2007. – № 7. – С. 3–4.

121. Александров Р.А. Проблемы рассмотрения в особом порядке уголовных дел при заключенном досудебном соглашении о сотрудничестве, вызванные смешением различных институтов «сделок с правосудием» // Российский судья. – 2015. – N 6. – С. 26–30.

122. Алтынникова Л.И. Особенности реализации состязательности в апелляционном производстве по уголовным делам, рассмотренным в особом порядке судебного разбирательства // Мировой судья. – 2016. – N 8. – С. 14–19.

123. Андреев В.А. Коллизии в процессуальном положении государственного обвинителя при рассмотрении уголовных дел частного обвинения // СПС «КонсультантПлюс».

124. Апелляция в уголовном судопроизводстве: научно-практическое пособие / Под общ. ред. В. В. Ершова. – М.: Право, 2013. – 352 с.

125. Баев О.Я. Поворот к худшему в судебном уголовном преследовании (постановка проблемы и возможные пути ее решения) // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2011. – №1. – С. 333–342.

126. Баев О.Я. Посягательства на доказательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве // СПС «КонсультантПлюс».

127. Балакшин В.С., Жумаханова Н.А. Возможен ли отказ государственного обвинителя от обвинения в апелляционной инстанции // Вестник Удмуртского университета. – 2012. – № 2. – С. 122–126.
128. Баранов С.А, Лазарев Д.С., Новикова Е.А., Волченко А.В. Проблемные вопросы отказа государственного обвинителя об обвинения в суде апелляционной инстанции // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2016 (3) . – С. 80–84.
129. Бибило В. Н. Судебные системы зарубежных государств: учеб.-метод. пособие для студентов юрид. спец. БГУ / В. Н. Бибило. – Минск: БГУ, 2012. – 93 с.
130. Борисевич Г.Я. Законодательное регулирование производства по применению принудительных мер медицинского характера нуждается в совершенствовании // Тезисы докладов международной научно-практической конференции «Пермский конгресс ученых-юристов». – 2010. – С. 545–550.
131. Бородинова Т.Г. О специфике пересмотра приговоров, постановленных на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, в российском уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 12 (49) . – С. 2821–2825.
132. Будаков Е. Правило запрета поворота к худшему в немецком и австрийском гражданском процессе // [СПС «КонсультантПлюс»].
133. Быков В.М. Новые законы о порядке производства по уголовным делам частного обвинения // СПС «КонсультантПлюс».
134. Валеев А. Т. К вопросу о праве на апелляционное обжалование и сущности российской апелляции по уголовным делам // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 5 (66) май. – С. 130–139.
135. Васильев О.Л. Новый этап реформы досудебных стадий уголовного процесса. Критический анализ новелл 2013 г. // Закон. – 2013. – N 8.
136. Васяев А.А. Исследование доказательств в ходе судебного следствия в суде апелляционной инстанции // СПС «КонсультантПлюс».
137. Великий Д.П. Особый порядок судебного разбирательства: теория и практика // СПС «КонсультантПлюс».

138. Воскобитова Л.А. Апелляция - принципиально новый институт в уголовном судопроизводстве // Апелляция: реалии, тенденции и перспективы. Материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции к 75-летию Нижегородского областного суда (г. Нижний Новгород, 24-25 октября 2013 г.). – С. 1619–1624.

139. Гаджиев Д.Д. Основания и порядок изменения или прекращения досудебного соглашения о сотрудничестве // Legal Concept. – 2017. – № 3. – С. 116–121.

140. Гальперин И.М. Проблема «reformatio in rejus» в уголовном процессе // Советское государство и право. – М., 1949. – № 3. – С. 50–60.

141. Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб, 2002. – 544 с.

142. Гриненко А.В. Окончание предварительного расследования // Уголовное судопроизводство. – 2010. – N 4. – С. 19–24.

143. Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. – М.: Зерцало-М, 2002. – 528 с.

144. Гущина Н.А. Коллизии общих и специальных норм права равной юридической силы // СПС «КонсультантПлюс».

145. Головненков П. Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия - Strafprozessordnung (StPO)- Научно-практический комментарий и перевод текста закона. // URL: <https://publishup.uni-potsdam.de/opus4ubp/frontdoor/deliver/index/docId/6039/file/sdrs02.pdf>.

146. Гуськова А.П., Бардамов Б.Г. Система обжалования состоявшихся судебных решений по уголовно-процессуальному законодательству России и Китая // ВЕСТНИК ОГУ. – 2009. – №3. – С. 40–44.

147. Давыдов В.А. Поворот к худшему (reformatio in reius) при новом рассмотрении уголовного дела после отмены судебных актов ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств // Российский судья. 2011. N 6. С. 23 - 25.

148. Дикарев И.С. Принцип диспозитивности в уголовном процессе России // СПС «КонсультантПлюс».

149. Дикарев И. Публично-правовые механизмы защиты прав личности в производстве по уголовным делам, подсудным мировому судье // СПС «КонсультантПлюс».

150. Доля Е.А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Российский судья. – 2013. – С. 43–46.

151. Жирова М.Ю. Проблемы, связанные с участием прокурора в рассмотрении уголовных дел частного обвинения // СПС «КонсультантПлюс».

152. Закирова Э.Ф. Приостановление предварительного следствия как самостоятельный институт уголовно-процессуального права // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия» . – № 12. – 2016. – С. 219–228.

153. Ивасенко К.В. Основные этапы становления института обжалования и пересмотра решений судов по уголовным делам в российском законодательстве XV - XIX веков // СПС «КонсультантПлюс».

154. Ильюхов А.А. Проблемы теории и практики апелляционного производства уголовных дел, рассмотренных судом с участием присяжных заседателей // Lex russica. – 2016. – N 4. – С. 76–87.

155. Калякин О.А. Апелляция в системе современных проверочных производств // СПС «КонсультантПлюс».

156. Калякин О.А. Пределы пересмотра уголовного дела в суде апелляционной инстанции (сравнительно-правовой анализ законодательства России, США, Франции и Германии) // СПС «КонсультантПлюс».

157. Касаткина С.А. Признание обвиняемого: монография. М.: Проспект, 2010. – 224 с.

158. Качалова О.В. Пересмотр приговоров, постановленных в особом порядке судебного разбирательства, в суде апелляционной инстанции // Российский судья. – 2015. – N 12. – С. 32–36.

159. Ковтун Н.Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство в уголовном процессе: изъяны законодательных новелл // Уголовный процесс. – 2011. – №3. – С. 44–51.

160. Ковтун Н.Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство по уголовным делам в контексте соответствия международно-правовому стандарту // СПС «КонсультантПлюс».

161. Ковтун Н.Н. Судебные стадии и производства УПК Украины: система и векторы реализованных нормативных реформ // Уголовное судопроизводство. – 2013. – N 2. – С. 23–30.

162. Колоколов Н.А. Дилемма апелляции: приговор «новый» или «измененный» старый? // Уголовный процесс. – 2016. – № 4. – С. 34–45.

163. Колоколов Н. Уплотнение нынче в моде. Комментарий к изменениям, внесенным в уголовно-процессуальное законодательство РФ // СПС «КонсультантПлюс».

164. Конярова Ж.К. Специфика обжалования судебных решений, постановленных в особом порядке: при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением; при заключении с обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве // СПС «КонсультантПлюс».

165. Корнуков В.М. Сущность апелляционного производства и проблемы пересмотра судебных решений по уголовным делам // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 4 (19). – С. 41–44.

166. Корякин А.Л. Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 3 (40). С. 205–216.

167. Косарева А. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве // ЭЖ-Юрист. – 2016. – N 25. – С. 8.

168. Котеля Е.Г. Порядок и правовые последствия изменения обвинения и отказа от его поддержания в суде // Уголовный процесс. – 2016. – №4. – URL: <https://e.ugpr.ru/article.aspx?aid=450814>

169. Кувалдина Ю.В. Обжалование приговоров, постановленных в особом порядке: настоящее и будущее // Уголовное судопроизводство. – 2011. – N 3. – С. 14–15.

170. Кудин Ф.М., Пивень А.В. Обвинение и защита: Учебное пособие. Краснодар, 2002. – С.54–55.

171. Куприянов А.А. Введение апелляции позволяет преодолеть запрет ЕСПЧ на переквалификацию в суде // Уголовный процесс. – 2013. – №5. – URL: <https://e.ugpr.ru/article.aspx?aid=312609>.
172. Курочкина Л.А. Прокурор в суде апелляционной инстанции: кто он? // СПС «КонсультантПлюс».
173. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головки. – М.: Статут, 2016. – 1280 с.
174. Курченко В.Н. Ошибки при рассмотрении уголовных дел в случае наличия досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. – 2012. – № 3. – С. 10–19.
175. Куцова Э.Ф. Советская кассация как гарантия законности в правосудии. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. – 227 с.
176. Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.). – М., 2004. – 504 с.
177. Лесик Д.В. Некоторые особенности поддержания государственного обвинения при рассмотрении уголовного дела судом апелляционной инстанции // Вестник Воронежского института МВД России. – 2015. – № 3. – С. 179–184.
178. Манова Н.С., Быков В.М. Включает ли в себя независимость судей право на судебную ошибку // Российский судья. – 2016. – № 3. – С. 45–48.
179. Манова Н.С. Система принципов российского уголовного судопроизводства: достоинства и проблемы законодательного закрепления // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 3. – С. 3–10.
180. Машовец А.О. Ревизионные пределы апелляционного производства по уголовному делу // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы IV международной научно-практической конференции. 2016. С. 47-49.
181. Мерзлякова М.В. Особенности реализации судом апелляционной инстанции правила о запрете поворота к худшему при проверке приговоров // Российская юстиция. – 2017. – № 7. – С. 45–48.

182. Мерзлякова М.В. К вопросу об ограничении права кассационного обжалования судебных решений по уголовным делам // Адвокат. – 2016. – № 7. – С. 45–48.
183. Мишина Е.А. Реформа системы правосудия в Японии // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2011. – № 3. – С. 112–119.
184. Муравьев К.В. Точность предварительной юридической оценки содеянного и пределы судебного разбирательства в Уставе уголовного судопроизводства и современном праве // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – N 5. – С. 906–913.
185. Муромцев С. Рецепция римского права на Западе. – М., 1886. – 155 с.
186. Назаренко Г.В. Правовая природа принудительных мер медицинского характера // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2008. – № 4 (17) . – С. 130–134.
187. Насонов С.А. Модели пересмотра не вступивших в законную силу приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных заседателей, в России и зарубежных странах // СПС «КонсультантПлюс».
188. Настольная книга судьи. Рассмотрение уголовных дел в суде первой инстанции / Алексеев В.Б., Ароцкер Л.Е., Божьев В.П., Бойков А.Д., и др.; ред. кол: Горкин А.Ф., Куликов В.В., Перлов И.Д., Радутная Н.В. – М.: Юрид. лит., 1972.
189. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В. М. Лебедев. – М.: Норма, 2014. – 1056 с.
190. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР под ред. В.М. Лебедева. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Издательство «Спарк». – 1997.
191. Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / Верин В.П., Дорошков В.В., Лебедев В.М. и др.; под ред. Лебедева В.М. – М.: НОРМА, 2004. – 448 с.

192. Никонов М.А. Переквалификация *in devaforem* // Уголовный процесс. – 2013. – № 11. – URL: <https://e.ugpr.ru/article.aspx?aid=323408>.
193. Ничипоренко А.А. Запрет поворота к худшему при проверке приговора в кассационном и надзорном порядке // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2014. – № 2 (34) . – С. 116–118.
194. Общая теория государства и права: учебник / под ред. С.Ю. Наумова, А.С. Мордовца, Т.В. Касаевой. – Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018. – 392 с.
195. Овсянников И.В. Допустимо ли заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетним? // Законность. – 2016. – № 6. – С. 57–60.
196. Орлов Ю.К. Особый порядок судебного разбирательства: упрощенная форма или сделка о признании вины? // Российская юстиция. – 2009. – N 11. – С. 48–49.
197. Осипов А.Л. Производство о применении принудительных мер медицинского характера: национальное и международно-правовое измерения // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – N 3. – С. 136–142.
198. Паничева А.И. Является ли пересмотр уголовных дел во 2-й инстанции апелляционным? // URL: <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/19200>.
199. Панокин А.М. Реализация права на справедливое судебное разбирательство в апелляционном производстве: правовые позиции Европейского суда по правам человека и российский уголовный процесс // Российская юстиция. – 2016. – N 6. – С. 52–54.
200. Перекрестов В.Н. Некоторые проблемы рассмотрения дел частного обвинения // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 143.
201. Петров А.В., Кудрявцева А.В. История развития института апелляции // Вестник ЮурГУ. – 2013, т. 13. – № 3. – С. 15–20.
202. Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. – М., 2004. – Часть I. – 220 с.
203. Пиюк А.В. Некоторые проблемные аспекты особого порядка разрешения уголовных дел // Российская юстиция. – 2014. – N 2. – С. 33–37.

204. Пиюк А.В. Сравнительный анализ современных упрощенных процедур уголовного судопроизводства Российской Федерации и сокращенного порядка уголовного судопроизводства по Судебным уставам 1864 года // Российская юстиция. – 2016. – N 5. – С. 34–36.

205. Плашевская А.А. Апелляционный порядок проверки судебного приговора по уголовному делу в соответствии с ФЗ от 29 декабря 2010 г.: проблемные перспективы // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 363. – С. 140–143.

206. Попов В.П. Поворот к худшему в суде апелляционной инстанции // Science time. – 2014. – №7. – С.329–335.

207. Прошляков А.Д., Машовец А.О. Механизм изменения обвинения в суде – продолжение дискуссии // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2018. – Т. 28. – № 1. – С. – 139–143.

208. Прошляков А.Д., Мерзлякова М.В. Влияние принципа правовой определенности на реализацию правила инстанционности в практике судов кассационной инстанции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2015. – Том 15. – № 2. – С.66–69.

209. Решетова Н.Ю. Возможно ли изменение обвинения на новое, ухудшающее положение подсудимого, при рассмотрении уголовного дела судом? // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2012. – № 4. – С. 34–40

210. Ринчинов Б.А. Пределы прав суда апелляционной инстанции и поворот к худшему при пересмотре судебных решений, не вступивших в законную силу // Сибирский юридический вестник. – 2013. – № 1(60) . – С. 102–107.

211. Россинский С.Б. Особый порядок судебного разбирательства как форма доказывания обстоятельств уголовного дела: возражения оппонентам // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – N 4. – С. 40–48.

212. Рукавишников (Плашевская) А.А. Апелляционный порядок проверки итоговых судебных решений по УПК РФ: полная или неполная апелляция //

Вестник Томского государственного университета. Право. – 2013. – №4 (10). – С. 108–114.

213. Рябчикова Н.Н. Особенности романо-германской правовой семьи (на примере кодифицированных актов Франции и Германии) // СПС «КонсультантПлюс».

214. Рябых М.Ю. Запрет поворота к худшему в системе уголовно-процессуальных запретов // Вестник ВГУ. – Серия право. – 2007. – № 1. – С. 313–319.

215. Рябых М.Ю. Запрет поворота к худшему в уголовном судопроизводстве // Закон и право. – М.: ЮНИТИ-ДАНА. – 2008. – № 8. – С.70–74.

216. Савельев К. А., Гурьянов Н. Ю. Современная российская апелляция как препятствие для реформ уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 1 (86) январь. – С. 126–132.

217. Садыков А.У. Ограничения полномочий суда надзорной инстанции запретом поворота к худшему // Общество и право. – 2011. – №3 (35). – С. 237–242.

218. Сапронова Т. Пересмотр уголовных дел в надзорном порядке // Законность. – 2010. – N 11. – С. 20–22.

219. Смирнова И.Г., Казарина М.И. Принцип независимости судей в уголовно-процессуальном праве: теоретико-методологический аспект исследования // Уголовная юстиция. – 2018. – № 11. – С. 108–113.

220. Смирнова И.Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства: объективированный критерий оценки // Социальная компетентность. – 2017. – Т. 2. – № 1 (3). – С. 52–58.

221. Соболев М.В. Дела частного обвинения и критерии их выделения в особую группу // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2008. – N 8. – С. 83–88.

222. Соловьев С. А. Феномен благоприятствования в уголовном процессе зарубежных стран // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. №2. С. 230–238.

223. Солтанович А.В., Скалкович М.А. Введение апелляции в уголовное судопроизводство республики Беларусь // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2015. – №8. – С. 210–217.
224. Строгович М. С. Правовые гарантии законности в СССР. М., 1962.
225. Сычев П.Г. Теория дифференциации уголовного судопроизводства: понятие, задачи и направления // Российский следователь. – 2015. – N 19. – С. 29–35.
226. Сулейменов М. Право как система. – М.: Статут, 2016. – 360 с.
227. Татьяна Л.Г. Особый порядок принятия судебного решения // СПС «КонсультантПлюс».
228. Теоретические основы квалификации преступлений: учебное пособие Корнеева Анна Владимировна / А. В. Корнеева; под ред. А. И. Рарога. М.: Проспект, 2010. – 176 с.
229. Толстая А.И. История государства и права России: учебник для вузов. 3-е изд., стереотипное. М.: юстицинформ, Омега-Л, 2010 // «СПС КонсультантПлюс».
230. Тонков В.Е. Особый порядок судебного разбирательства: влияние сокращенной формы судопроизводства на реализацию конституционных принципов // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – N 11. – С. 2587–2591.
231. Топчиева, Т.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе: монография / Т.В. Топчиева. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2015. – 132 с.
232. Трубникова Т.В. Упрощенные судебные производства в УПК РФ // Проблемы уголовного процесса в свете нового Уголовно-процессуального кодекса РФ. – Томск, 2002. – С. 35
233. Трубникова Т.В. Частное обвинение или отказ в правосудии? // Уголовная юстиция. – 2015. – № 2(6) . – С. 59–62.

234. Трухин С.А. Критерии ухудшения положения лица, в отношении которого ведется апелляционное производство // Законность. – 2016. – № 6. – С. 51–54.
235. Трухин С.А., Прошляков А.Д. Ухудшение положения осужденного в кассационном порядке обжалования: необоснованная практика «запоздалого обжалования» // Уголовный процесс. – 2018. – № 10 (166). – С. 36–45.
236. Уголовно-процессуальный кодекс Японии, вступил в силу с 1 января 1949 г., в редакции 2010 г. – [Электронный ресурс] . – URL: <http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=7006>.
237. Фаткуллин Ф.Н. Изменение обвинения. - М.: Юрид. лит., 1971. – С. 57–58.
238. Филатова М.А. Обжалование и пересмотр судебных решений в странах континентального и общего права // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». – 2007. – № 5. – С. 95–105.
239. Хрестоматия по истории государства и права России / под ред. О. И. Чистякова. М., 2010. – 698 с.
240. Чельцов-Бebutov М.А. Курс уголовно-процессуального права. СПб., 1995.
241. Шагабудинов А.А. Поворот к худшему при пересмотре постановления, решений по делу об административном правонарушении // [СПС «КонсультантПлюс»].
242. Шадрин В.С. Отказ государственного обвинителя от обвинения в современных условиях // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otkaz-gosudarstvennogo-obvinitelya-ot-obviniya-v-sovremennyh-usloviyah>.
243. Шарапова Д.В. Основания апелляционного обжалования приговора, постановленного в особом порядке судебного разбирательства // Адвокатская практика. – 2016. – № 3. – С. 49–52.
244. Щегловитов С.Г. Судебные уставы императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями. Устав уголовного

судопроизводства. Издание третье, исправленное, дополненное и переработанное. СПб., 1887. – 1143 с.

245. Якимович Ю.К. Актуальные вопросы дифференциации российского уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – N 12. – С. 123–130.

246. Revista de Estudios de la Justicia – N° 9 – Año 2007 [электронный ресурс]. – URL: <http://web.derecho.uchile.cl/cej/htm/media/reformatoinpeius.pdf>

Результаты анкетирования практических работников

В письменном опросе приняли участие 103 респондента, среди них 55 адвокатов, принимающих участие в рассмотрении уголовных дел судом апелляционной инстанции, 48 прокуроров, участвующих в рассмотрении уголовных дел судом апелляционной инстанции. Анкетирование проводилось на территории Пермского края.

Результаты анкетирования адвокатов.

1. Какой тип апелляции, на Ваш взгляд, наиболее эффективен?

- 1) Полная апелляция, предполагающая возможность повторного пересмотра дела по правилам суда первой инстанции – 60 %
- 2) Неполная, предполагающая проверку решения суда первой инстанции по доводам, изложенным в апелляционной жалобе, представлении – 40 %
- 3) Иное – 0 %

2. Российская апелляция представляет собой:

- 1) Повторный пересмотр уголовного дела – 0 %
- 2) Проверку состоявшегося решения суда первой инстанции – 100 %

3. Согласны ли Вы с утверждением о том, что «поворот к худшему» является самостоятельным институтом уголовно-процессуального права, представляющим собой систему взаимодействующих правовых норм, обеспечивающих соблюдение прав и законных интересов лиц, в отношении которых ведется или велось производство по уголовному делу, в ходе принятия ухудшающих их правовое положение процессуальных решений дознавателем, следователем, прокурором, судом на различных этапах уголовного процесса?

- 1) Да – 83,6 %
- 2) Нет – 16,4 %
- 3) Иное – 0 %

4. Существует ли, на Ваш взгляд, необходимость закрепления в гл. 45.1 УПК РФ правового принципа, именуемого «Недопустимость поворота к худшему» (*non reformatio in pejus*), предполагающего, что суд апелляционной инстанции вправе изменить либо отменить приговор (иное решение суда первой инстанции) и вынести новое судебное решение, ухудшающее положение лица, в отношении которого ведется или велось производство по уголовному делу, исключительно на основании и в пределах доводов, изложенных в апелляционной жалобе, представлении?

- 1) Да – 83,6 %
- 2) Нет – 16,4 %
- 3) Иное – 0 %

5. Необходимо ли на законодательном уровне распространить действие принципа недопустимости поворота к худшему на лицо, в отношении которого ведется или велось производство о применении принудительной меры медицинского характера, а также гражданского ответчика?

- 1) Да – 32,7 %
- 2) Нет – 67,3 %

6. Встречались ли Вы в ходе осуществления защиты по уголовному делу с принятием судом апелляционной инстанции решения, ухудшающего положение Вашего подзащитного?

- 1) Да – 7,3 %
- 2) Нет – 92,7 %

7. Как часто подзащитные, прежде, чем реализовать право на обращение в суд апелляционной инстанции, задают вопрос о том, не приведёт ли подача апелляционной жалобы к ухудшению их положения?

- 1) Никогда – 0 %
- 2) Не часто – 16,4 %
- 3) В большинстве случаев – 83,6 %

8. Критериями ухудшения положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого прекращено уголовное дело, являются:

1) Усиление наказания или изменение обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся от первоначального – 41,8 %

2) Усиление наказания или изменение обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся от первоначального и другие (например, изменение основания прекращения уголовного дела с реабилитирующего на нереабилитирующее, направление уголовного дела прокурору на основании п. 6 ч. 1 ст. 237 или ч. 1.2 ст. 237 УПК, удовлетворение гражданского иска, в удовлетворении которого было отказано и т.д.) – 58,2 %

3) Иное – 0 %

9. Как, на Ваш взгляд, необходимо регламентировать границы ревизионной активности суда апелляционной инстанции?

1) Суд должен быть ограничен пределами доводов апелляционной жалобы, представления – 32,7 %

2) Суд вправе выходить за пределы доводов сторон, если этим не ухудшается положение осужденного, оправданного, лица, в отношении которого прекращено уголовное дело – 67,3 %

3) Суд апелляционной инстанции не связан притязаниями сторон и вправе выйти за пределы их доводов, даже если это приведет к ухудшению положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого прекращено уголовное дело – 0 %

10. Правомерно ли, на Ваш взгляд, возвращение судом апелляционной инстанции уголовного дела прокурору на основании п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ в том случае, когда апелляционное представление содержит требование исключительно об усилении наказания?

1) Да – 20 %

2) Нет – 80 %

11. На Ваш взгляд, отказ прокурора от обвинения в суде второй инстанции обязателен для суда?

1) Да – 16,4 %

2) Нет – 83,6 %

3) Прокурор вправе отказаться от обвинения только в суде первой инстанции – 0 %

12. На Ваш взгляд, необходимо закрепить в законе правило о том, что суд апелляционной инстанции обязан повторно исследовать доказательства по уголовному делу, в случае, когда: (возможен выбор нескольких вариантов ответа)

1) Суд первой инстанции в ходе постановления приговора признал лицо виновным в совершении преступления, существенно отличающегося по фактическим обстоятельствам от обвинения, которое было предъявлено – 30,9 %

2) В апелляционной жалобе, представлении содержится требование об ухудшении положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого прекращено уголовное дело, связанное с оспариванием фактических обстоятельств совершенного преступления, либо в случае наличия у суда сомнений в правильности установления фактических обстоятельств – 38,2 %

3) В апелляционной жалобе, представлении содержится требование об ухудшении положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого прекращено уголовное дело, в том числе не связанное с оспариванием фактических обстоятельств совершенного преступления – 3,7 %

4) Во всех случаях, когда об этом имеется требование кого-либо из субъектов апелляционного обжалования – 8 %

5) Во всех случаях, независимо от того имеется об этом требование со стороны участников процесса или нет – 10,9 %

6) Нет необходимости закрепления ни одного из предложенных вариантов – 0 %

13. По шкале от 1 до 5 (где 5 – максимально эффективно, 0 – неэффективно) оцените, насколько эффективно современная уголовная апелляция справляется с задачей защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса?

1) 5 – 0 %

2) 3-4 – 45,5 %

3) 1-2 – 50,9 %

4) 0 – 3,6 %

Результаты анкетирования прокуроров:

1. Какой тип апелляции на Ваш взгляд наиболее эффективен?

1) Полная апелляция, предполагающая возможность повторного пересмотра дела по правилам суда первой инстанции – 66,7 %

2) Неполная, предполагающая проверку решения суда первой инстанции по доводам, изложенным в апелляционной жалобе, представлении – 33,3 %

3) Иное – 0 %

2. Российская апелляция представляет собой:

1) Повторный пересмотр уголовного дела – 0 %

2) Проверку состоявшегося решения суда первой инстанции – 100 %

3. Согласны ли Вы с утверждением о том, что «поворот к худшему» является самостоятельным институтом уголовно-процессуального права, представляющим собой систему взаимодействующих правовых норм, обеспечивающих соблюдение прав и законных интересов лиц, в отношении которых ведется или велось производство по уголовному делу, в ходе принятия ухудшающих их правовое положение процессуальных решений дознавателем, следователем, прокурором, судом на различных этапах уголовного процесса?

1) Да – 54,1 %

2) Нет – 45,9 %

3) Иное – 0 %

4. Существует ли, на Ваш взгляд, необходимость закрепления в гл. 45.1 УПК РФ правового принципа, именуемого «Недопустимость поворота к худшему» (*non reformatio in pejus*), предполагающего, что суд апелляционной инстанции вправе изменить либо отменить приговор (иное решение суда первой инстанции) и вынести новое судебное решение, ухудшающее положение лица, в отношении которого ведется или велось производство по

уголовному делу, исключительно на основании и в пределах доводов, изложенных в апелляционной жалобе, представлении?

- 1) Да – 87,5 %
- 2) Нет – 12,5 %
- 3) Иное – 0 %

5. Необходимо ли на законодательном уровне распространить действие принципа недопустимости поворота к худшему на лицо, в отношении которого ведется или велось производство о применении принудительной меры медицинского характера, а также гражданского ответчика?

- 1) Да – 66,7 %
- 2) Нет – 33,3 %

6. Критериями ухудшения положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого прекращено уголовное дело, являются:

1) Усиление наказания или изменение обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся от первоначального – 45,9 %

2) Усиление наказания или изменение обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся от первоначального и другие (например, изменение основания прекращения уголовного дела с реабилитирующего на нереабилитирующее, направление уголовного дела прокурору на основании п. 6 ч. 1 ст. 237 или ч. 1.2 ст. 237 УПК, удовлетворение гражданского иска, в удовлетворении которого было отказано и др.) – 54,1 %

- 3) Иное – 0 %

7. Как, на Ваш взгляд, необходимо регламентировать границы ревизионной активности суда апелляционной инстанции?

1) Суд должен быть ограничен пределами доводов апелляционной жалобы, представления – 45,9 %

2) Суд вправе выходить за пределы доводов сторон, если этим не ухудшается положение осужденного, оправданного, лица, в отношении которого прекращено уголовное дело – 8,2 %

3) Суд апелляционной инстанции не связан притязаниями сторон и вправе выйти за пределы их доводов, даже если это приведет к ухудшению положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого прекращено уголовное дело – 45,9 %

8. Правомерно ли, на Ваш взгляд, возвращение судом апелляционной инстанции уголовного дела прокурору на основании п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ в том случае, когда апелляционное представление содержит требование исключительно об усилении наказания?

1) Да – 16,8 %

2) Нет – 83,2 %

9. На Ваш взгляд, отказ прокурора от обвинения в суде второй инстанции обязателен для суда?

1) Да – 83,2 %

2) Нет – 0 %

3) Прокурор вправе отказаться от обвинения только в суде первой инстанции – 16,7 %

10. На Ваш взгляд, необходимо закрепить в законе правило о том, что суд апелляционной инстанции обязан повторно исследовать доказательства по уголовному делу, в случае, когда:

1) Суд первой инстанции в ходе постановления приговора признал лицо виновным в совершении преступления, существенно отличающегося по фактическим обстоятельствам от обвинения, которое было предъявлено – 0 %

2) В апелляционной жалобе, представлении содержится требование об ухудшении положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого прекращено уголовное дело, связанное с оспариванием фактических обстоятельств совершенного преступления, либо в случае наличия у суда сомнений в правильности установления фактических обстоятельств – 29,2 %

3) В апелляционной жалобе, представлении содержится требование об ухудшении положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого

прекращено уголовное дело, в том числе не связанное с оспариванием фактических обстоятельств совершенного преступления – 22,9 %

4) Во всех случаях, когда об этом имеется требование кого-либо из субъектов апелляционного обжалования – 20,9 %

5) Во всех случаях, независимо от того имеется об этом требование со стороны участников процесса или нет – 10,4 %

6) Нет необходимости закрепления ни одного из предложенных вариантов – 16,7 %

11. По шкале от 1 до 5 (где 5 – максимально эффективно, 0 – неэффективно) оцените, насколько современная уголовная апелляция справляется с задачей защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса?

1) 5 – 0 %

2) 3-4 – 87,5 %

3) 1-2 – 12,5 %

4) 0 – %

Проект федерального закона Российской Федерации
«О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный
кодекс Российской Федерации»

Статья 1. Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации следующие изменения:

1) часть 6 статьи 316 изложить в следующей редакции:

«6. в случаях, когда по причинам, независящим от лица, согласившегося с предъявленным обвинением и заявившим ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства судебное разбирательство проведено в общем порядке суд назначает наказание при соблюдении требований ч. 7 ст. 316 УПК РФ»;

2) статью 317.4. дополнить частью 4.1 следующего содержания:

«4.1. В случае, когда предварительное следствие по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, окончено, однако итоговое судебное решение в отношении остальных соучастников преступления не вступило в законную силу, следователь приостанавливает предварительное следствие. О приостановлении предварительного следствия следователь выносит постановление, копию которого направляет прокурору»;

3) часть 8 статьи 318 изложить в следующей редакции:

«8. Если после принятия заявления к производству будет установлено, что потерпевший в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы, мировой судья выносит постановление о прекращении уголовного преследования по делу и направлении материалов руководителю следственного органа или начальнику органа дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке публичного обвинения»;

4) статью 319 дополнить частями 1.3, 1.4, 1.5 следующего содержания:

«1.3. В случае, когда фактические обстоятельства, изложенные в заявлении потерпевшего (частного обвинителя) свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий лица, привлекаемого к ответственности как более тяжкого преступления мировой судья выносит постановление о возвращении заявления лицу, его подавшему, в котором предлагает ему привести квалификацию деяния в соответствие с законом и устанавливает для этого определенный срок.

1.4. В случае, когда в ходе судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для квалификации действий подсудимого как более тяжкого преступления, мировой судья выясняет у частного обвинителя имеет ли он желание привлечь лицо к ответственности по указанному обвинению и разъясняет право на подачу дополнительного заявления мировому судье.

1.5. В случае, когда частным обвинителем до окончания судебного следствия при разбирательстве дела судом первой инстанции подается дополнительное заявление, в котором уточняются обстоятельства совершенного деяния, судья принимает заявление к производству, предоставляет подсудимому время для защиты от нового обвинения, о чем выносит постановление»;

5) статью 389.19 дополнить частями 1.1, 1.2 следующего содержания:

«1.1 Суд при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке отменяет либо изменяет обвинительный приговор по основаниям, влекущим улучшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого прекращено уголовное дело, лица, в отношении которого ведется или велось производство о применении принудительной меры медицинского характера, а также гражданского ответчика независимо от содержания доводов апелляционных жалобы или представления.

1.2 Суд апелляционной инстанции вправе изменить обвинительный приговор в связи с применением закона о более тяжком преступлении либо назначением более строгого наказания, а равно и по другим основаниям, ухудшающим положение осужденного, оправданного, лица, в отношении которого прекращено

уголовное дело, лица, в отношении которого ведется или велось производство о применении принудительной меры медицинского характера, а также гражданского ответчика лишь в случаях, когда по этим основаниям подана апелляционная жалоба потерпевшим, частным обвинителем их законными представителями или представителями, гражданским истцом и (или) его представителем, либо принесено апелляционное представление прокурором»;

б) пункт 2 части 1 статьи 389.12 «Участие сторон в судебном заседании при рассмотрении уголовного дела в суде апелляционной инстанции» изложить в следующей редакции:

«1. В судебном заседании обязательно участие:

2) оправданного, осужденного, лица, в отношении которого прекращено уголовное дело, лица, в отношении которого ведется или велось производство о применении принудительной меры медицинского характера, если его психическое состояние позволяет ему участвовать в судебном заседании и осуществлять свои процессуальные права – за исключением случаев, когда лицо ходатайствует о проведении судебного заседания в его отсутствие»;

7) статью 389.13 дополнить частью 7.1 следующего содержания:

«7.1. Исследование судом апелляционной инстанции доказательств обязательно в случаях, если:

1) суд первой инстанции, в ходе постановления приговора признал лицо виновным в совершении преступления, существенно отличающегося по фактическим обстоятельствам от обвинения, которое было предъявлено лицу;

2) в апелляционной жалобе, представлении содержится указание на несогласие с фактическими обстоятельствами, установленными судом первой инстанции либо в случае наличия у суда сомнений в правильности установления фактических обстоятельств»;

8) статью 389.24 «Недопустимость поворота к худшему» изложить в следующей редакции:

«1. Оправдательный приговор, обвинительный приговор, определение, постановление суда первой инстанции могут быть отменены или изменены в

сторону ухудшения положения оправданного, осужденного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, лица, в отношении которого ведется или велось производство по применению принудительной меры медицинского характера, гражданского ответчика не иначе как на основании и по мотивам представления прокурора либо жалобы потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей, гражданского истца и (или) его представителя.

2. Изменение судом апелляционной инстанции вида принудительной меры медицинского характера допускается судом апелляционной инстанции и не влечет ухудшения положения лица, к которому применена принудительная мера медицинского характера. Принятие указанного решения допускается в случае, если такое решение мотивировано, с учетом исследования заключения эксперта и других доказательств».

Статья 2. Настоящий федеральный закон вступает в силу с момента его опубликования.